

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER TWO

MARCH - APRIL

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2026

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 2

МАРТ- АПРЕЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **МУХАЧЁВА Ирина Валерьевна**, к.ф.н., преподаватель кафедры русского языка МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Алексей Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **РАЗЛОГОВА Елена Эмильевна**, д.ф.н., профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БАКЕС Жан-Луи (Jean-Louis Bакès), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); ВРАНЕШ Бранко (Branko Vraneš), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); ДАЙ Гуйцзюй (Dai Guiju), PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); КОЛЛАРОВА Эва (Eva Kollárová), PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); ЛЕВЕРС Даниэль (Daniel Leuwers), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Biljana Mirchevska Bosheva), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович (Nasirulla Mirkurbanov), к.ф.н., профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбек); ПЕНЧЕВА Антония Иванова, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); РОВДО Иван Семенович (Ivan Rovdo), д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); РЫЧКОВА Людмила Васильевна, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен (Irène Sokologorsky), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); СУВАЙДЖИЧ Бошко (Boško Suvajdzic), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); СУЛЕЙМЕНОВА Элеонора Дюсеновна, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); УХЛИК Младен (Mladen Uhlík), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); ЦРВЕНКОВСКА Эмилия (Emilija Crvenkovska), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2026
© «Вестник Московского университета», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ. ЛИНГВИСТИКА

- Виноградова Е.Н., Хань Сюэ.* «Под грузом ответственности»: грамматикализация сочетаний *под* + тв. п. в русском языке 9
- Ремнёва М.Л., Кузьминова Е.А.* Грамматика 1721 г. как реализация лингвистической программы Федора Поликарпова 22
- Студеникина К.А.* Признаковые характеристики сочиненных конструкций с общей структурой в русском языке 31
- Митрофанова О.А., Гусяцкая П.А.* Автоматическое разрешение неоднозначности аббревиатур в русскоязычных биомедицинских текстах 47
- Синицына Ю.В.* Эквативные и симилятивные конструкции в татыш-линском говоре удмуртского языка с точки зрения межъязыкового варьирования 60
- Беляев О.И.* Одушевленность и маркирование прямого дополнения в бартангском языке 71
- Леонович А.Д.* Семантика заимствований *bedox* и *tossia* в табличках из Виндоланды 90

СТАТЬИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Кольцова Н.З.* Роман Клычкова «Чертухинский балакирь» и русская литературная сказка 100
- Болдырева Е.М.* Культурная символика образа змеи в русской и китайской поэзии 112
- Евдокимова О.В.* Синтез слова и изображения в поэтической системе Н.С. Лескова: «Запечатленный ангел» (1873) — «Полунощники» (1890) 129
- Зубов А.А.* Эффект фантастического в рассказе Олдоса Хаксли «Цинтия» 142
- Ранчин А.А.* Литературная трансформация образа Ричарда Львиное Сердце в среднеанглийской поэме “Richard Coer de Lyon” 153
- Мишина Д.И.* «Der erstorbene Ulmbaum» Гердера как источник стихотворения К.Н. Батюшкова «Явор к прохожему» 166
- Лили Дин.* Мотив блудного сына в поэтическом мире М.М. Пришвина 177

Шэнь Ян. Этические проблемы в повести Д. Хармса «Старуха» 187

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Панков Ф.И. Филологический факультет на Неделе русского языка
в Берлине (октябрь 2025 г.) 198

Липгарт А.А. Ломоносовские чтения — 2025 на филологическом
факультете Московского университета 206

Онипенко Н.К. LVII Виноградовские чтения 221

Солопов А.И., Антонец Е.В. Всероссийская научная конференция
«Классическая филология в контексте мировой культуры —
XVIII. Научные чтения, посвященные 90-летию юбилею Ма-
рины Николаевны Славятинской» 227

ЮБИЛЕИ

К юбилею Марины Леонтьевны Ремнёвой 234

ПАМЯТИ...

Белов А.М. Памяти А.Е. Кузнецова 241

Драгичевич Р. Екатерина Ивановна Якушкина (19.08.1977–13.02.2026) 248

CONTENTS

ARTICLES. LINGUISTICS

<i>Han Xue, E.N. Vinogradova.</i> “Under the Weight of Responsibility”: The Grammaticalization of POD + Instrumental Constructions in Russian . . .	9
<i>Remneva M.L., Kuzminova E.A.</i> Grammar of 1721 as an Implementation of Fyodor Polikarpov’s Linguistic Program	22
<i>Studenikina K.A.</i> Features of Coordinated Constructions with the Shared Structure in Russian	31
<i>Mitrofanova O.A., Gousyatskaya P.A.</i> Automatic Acronym Disambiguation in Russian	47
<i>Sinitsyna J.V.</i> Equative and Similitive Constructions in Tatyshly Udmurt Cross-linguistically	60
<i>Belyaev O.I.</i> Animacy and Direct Object Marking in Bartangi	71
<i>Leonovich A.D.</i> The Semantics of the Loanwords <i>bedox</i> and <i>tossia</i> in the Vindolanda Tablets	90

ARTICLES. LITERARY CRITICISM

<i>Koltsova N.Z. S.</i> Klychkov’s Novel <i>Chertukhinsky Balakir</i> and the Russian Literary Fairy Tale	100
<i>Boldyreva E.M.</i> Cultural Symbolism of the Snake Image in Russian and Chinese Poetry	112
<i>Evdokimova O.V.</i> Word and Image Synthesis in Nikolai Leskov’s Poetic System: <i>The Sealed Angel</i> (1873) — <i>Night Owls</i> (1890)	129
<i>Zubov A.A.</i> The Effect of the Fantastic in Aldous Huxley’s “Cynthia” . . .	142
<i>Ranchin A.A.</i> The Literature Transformation of the Image of Richard the Lionheart in the Middle English Poem “Richard Coer de Lyon” . .	153
<i>Mishina D.I.</i> “Der erstorbene Ulmbaum” by Herder as a Source of K.N. Batyushkov’s Poem “The Sycamore to a Passer-by”	166
<i>Lili Din.</i> The Motif of the Prodigal Son in the Poetic Universe of M.M. Prishvin	177
<i>Shen, Yang.</i> The Ethical Issues in D. Kharm’s Story “The Old Woman” . .	187

CHRONICLE OF ACADEMIC LIFE

<i>Pankov F.I.</i> The Faculty of Philology at the Russian Language Week in Berlin (October 2025)	198
<i>Lipgart A.</i> The 2025 Lomonosov Readings at Moscow University's Faculty of Philology	206
<i>Onipenko N.K.</i> 57 th Vinogradov Readings	221
<i>Solopov A.I., Antonets E.V.</i> All-Russian Conference "Classics in the Context of the World Culture–XVIII. Dedicated to the 90 th Birthday of Marina Nikolaevna Slavyatinskaya"	227

ANNIVERSARIES

On the Anniversary of Marina Leontyevna Remneva	234
---	-----

IN MEMORIAM

<i>Belov A.M.</i> In Memory of A.E. Kuznetsov	241
<i>Dragičević R.</i> Ekaterina Yakushkina (19.08.1977–13.02.2026)	248

СТАТЬИ. ЛИНГВИСТИКА

«ПОД ГРУЗОМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ»: ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ СОЧЕТАНИЙ ПОД + ТВ. П. В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е.Н. Виноградова, Хань Сюэ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; ekaterinavin@mail.ru, wanxihx@163.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию процессов грамматикализации конструкций типа *под + тв. п.* в русском языке. Цель работы — выявить и описать предлоγοподобные конструкции с ситуативным значением (обозначающие внешнюю ситуацию, которая определяет состояние субъекта), а также оценить степень их грамматикализации. Материалом послужили данные словарей служебных слов, Русского конструктивона, а также результаты анализа биграмм и триграмм основного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Методология основана на оценке следующих критериев грамматикализации: метафоризация, выцветание значения, общая и относительная частотность (устойчивость конструкции). Параметры определялись количественно в основном корпусе НКРЯ.

Отобранные конструкции были разделены на 3 семантические подгруппы: «физическое давление» (*под бременем, под гнетом, под грузом, под тяжестью, под прессом*), «военное давление» (*под обстрелом, под ударами / ударом, под огнем*) и «природные условия» (*под солнцем, под лучами, под градом, под ветром*). Для каждой подгруппы проведен анализ на основе упомянутых параметров. Установлено, что наиболее грамматикализованными являются конструкции первой подгруппы, демонстрирующие высокую степень метафоризации и устойчивости. Конструкции двух других подгрупп находятся на более ранних стадиях грамматикализации.

В статье показано, что грамматикализация рассматриваемых единиц осуществляется постепенно — от лексически свободных сочетаний к предложным единицам, через семантические сдвиги, метафоризацию и аналогию с уже грамматикализованными формами. Конструкции первой и второй подгруппы демонстрируют движение в сторону каузативного значения.

Ключевые слова: предложная единица; конструкция; предлог ПОД; грамматикализация; ситуатив

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-1

Для цитирования: Виноградова Е.Н., Хань Сюэ. «Под грузом ответственности»: грамматикализация сочетаний *под* + тв. п. в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 9–21.

“UNDER THE WEIGHT OF RESPONSIBILITY”: THE GRAMMATICALIZATION OF *POD* + INSTRUMENTAL CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN

Ekaterina N. Vinogradova, Han Xue

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ekaterinavin@mail.ru, wanxihx@163.com

Abstract: This article investigates the grammaticalization of Russian prepositional constructions formed by the pattern *под* + instrumental case, focusing on their functional, semantic, and syntactic evolution toward prepositional status. The primary aim is to analyze constructions with situational meaning — i.e., denoting an external situation that determines the subject’s state — and to assess their degree of grammaticalization. The study also classifies these constructions into semantic subgroups and explores the mechanisms driving their development.

The research draws on data from contemporary Russian dictionaries of functional words, Russian Constructicon and the Russian National Corpus, including statistical and qualitative analyses of bigrams and trigrams. The methodology relies on established parameters of grammaticalization — metaphorization, bleaching, productivity (total frequency), relative frequency (construction’s stability) — which are evaluated quantitatively.

The analysis identifies 3 main semantic subgroups: physical pressure (*под бременем*), military pressure (*под огнем*), and natural conditions (*под лучами*). Among these, the constructions denoting physical pressure exhibit the highest degree of grammaticalization, characterized by frequent metaphorical usage and a high degree of stability. Constructions from the military and natural subgroups show more limited or emerging signs of grammaticalization.

Many of these prepositional units overlap with causal meaning and demonstrate a gradual shift from situational to more abstract causative meaning. Their development often proceeds by analogy with established prepositions.

Keywords: prepositional unit; construction; the preposition *POD*; grammaticalization; situative meaning

For citation: Han Xue, E.N. Vinogradova (2026). “Under the Weight of Responsibility”: The Grammaticalization of *POD* + Instrumental Constructions in Russian. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 9–21.

Введение

В последние десятилетия лингвисты активно описывают грамматикализацию форм знаменательных частей речи в предлоги [Всеволодова и др. 2014; Виноградова 2016; 2024; Конюшкевич 2015; 2024; Зеленин, Руднев 2021; Шереметьева 2019, Kolyaseva 2022; Акса-

рина, Басова 2023; Gainutdinova et al. 2024]. Для изучения всего континуума переходных случаев были предложены понятия «предложная единица» (ПЕ), охватывающая весь спектр конструкций, выполняющих функцию предлога, и «функционально-грамматическое поле» предлога, позволяющее учитывать все ПЕ [Всеволодова и др. 2014] и рассматривать грамматикализацию сочетаний как движение с периферии поля к его ядру. В то же время в рамках грамматики конструкций предлоги рассматриваются как один из типов конструкций [Janda et al. 2023; Zhukova, Janda 2024], что также делает актуальным их изучение.

Анализ словарей [Бурцева 2010; Ефремова 2001] показал, что по модели *под* + тв. п. образован целый ряд ПЕ: *под видом, под влиянием, под давлением, под действием, под знаком, под напором, под флагом, под эгидой* и др.; в [Russian Constructicon] отмечены: *под прикрытием, под страхом, под именем, под углом, под бдительным оком, под знаменем* и др. Для классификации реестра данных ПЕ была использована типология синтаксем в [Золотова 2001], согласно которой сочетания *под* + тв. п. формируют 5 типов синтаксем: 1) ситуатив; 2) компонент, означающий способ именованности; 3) компонент, обозначающий положение социальной зависимости; 4) компонент, содержащий модальную квалификацию; 5) каузатив. Целью работы является описание ПЕ группы «ситуатив» — ПЕ со значением «обозначение внешней ситуации, определяющей состояние субъекта» [Золотова 2001: 276]; в задачи входит выявление реестра ПЕ группы, создание алгоритма их описания и определение степени их грамматикализации.

1. Реестр ПЕ и алгоритм их описания

В качестве «кандидатов» в предлоги группы «ситуатив» на основе изучения [Ефремова 2001; Бурцева 2010; Russian Constructicon] и анализа биграмм и триграмм основного корпуса НКРЯ были определены 13 единиц, разделенные далее на 3 подгруппы на основании семантики исходных существительных: 1) физическое давление: *под бременем, под гнетом, под грузом, под прессом, под тяжестью*; 2) военное давление: *под обстрелом, под огнем, под ударами / ударом*; 3) природные условия: *под ветром, под градом, под лучами, под солнцем*.

В настоящее время не существует единого стандарта оценки степени грамматикализации сочетаний. В лингвистике для этого выработаны некоторые операциональные критерии (см. обзоры в [Всеволодова 2011; Виноградова 2016, 2023; Материалы 2018]), в частности, в работе [Brinton, Traugott 2005: 105–109] перечислены следующие параметры: градуальность; однонаправленность; «замораживание»

коллокаций; фонетическая редукция; потеря композициональности; метафоризация и метонимизация; декатегоризация; выцветание значения (bleaching); субъектификация — появление значений, отражающих позицию говорящего; продуктивность — рост числа употреблений конструкции; частотность — большая частотность конструкции, чем ее источника; типологические аналогии. Однако ни один набор операциональных критериев не дает однозначного ответа на вопрос относительно статуса единицы, что связано, прежде всего, с постоянным развитием конструкций.

Для анализа ПЕ группы «ситуатив» были изучены такие параметры, как метафоризация, выцветание значения, продуктивность и частотность. **Метафоризация** определяется с помощью подсчета вручную доли метафорических употреблений конструкции от общего количества употреблений конструкции; одновременно с этим демонстрируются примеры расширения сочетаемости, которые свидетельствуют о **выцветании** значения. За **общую частотность** конструкции (или **продуктивность**) принимается ipm конструкции (запрос вида: *под + тяжестью* + р. п.). **Относительная частотность** конструкции рассчитывается по отношению к ее источнику¹, при этом учитывается 2 вида соотношений ipm конструкции: с ipm сочетания-источника (запрос вида: *под + тяжестью*) и с ipm лексемы-источника (запрос вида: любая форма слова *тяжесть* + р. п.). Относительная частотность характеризует **устойчивость** конструкции (ср. подсчет мер устойчивости коллокаций в корпусной лингвистике). Кроме того, те же количественные данные приводились для «контрольного» примера — сочетания, которое не «подозревается» в наличии функции предлога. Исследование проводилось на материале основного корпуса НКРЯ, примеры также из НКРЯ.

2. Описание ПЕ со значением ситуатива

2.1. Подгруппа «физическое давление»: *под бременем, под гнетом, под грузом, под прессом, под тяжестью*. Так, в примере *Все лето, осень и начало зимы, финскую войну и до начала Отечественной фельдшер Тумаши жил под гнетом пугающего ожидания, когда вызовут?* ПЕ *под гнетом* обозначает внешнюю ситуацию, которая характеризует состояние фельдшера Тумаши, ср. также: *А мы остались под удивительным светлым впечатлением от этой встречи и под тяжестью неразрешимого вопроса: что же сделать, чтобы ему помочь?*; *Отец Браун не падает под грузом зла; Невозможно рассказать во всех подробностях, как раскаивался этот человек и как*

¹ Мы искренне благодарим глубокоуважаемого рецензента за ценную (и, как кажется, очень продуктивную) рекомендацию проанализировать относительную частотность, а также использовать «контрольный» пример.

под бременем проклятия влачил свою жизнь, пока смерть не принесла ему избавления; Следствие шло *под прессом* «общественного мнения»: высказывали в эфир и верещали какие-то тетки, тяжело-весно и не по делу вещали «ученые мужи».

На наш взгляд, появление и эволюция данных ПЕ обусловлены, с одной стороны, пространственной метафорой, а с другой — аналогией с грамматикализированным предлогом причины *под давлением*, которая приводит к дальнейшей грамматикализации ПЕ и развитию у них значения каузатива — «компонента со значением действия, состояния, явления природы, *вызывающего* предикативное состояние или изменение состояния предикатируемого субъекта» [Золотова 2001: 279]. Иными словами, если ситуатив — это компонент, просто «сопутствующий» состоянию субъекта, то каузатив непосредственно вызывает это состояние или его изменение. Поэтому данные ПЕ находятся на пересечении ситуатива и каузатива, ср. употребления в качестве каузатива: *Но это вовсе не означает, что мы согнулись под грузом забот и не пытаемся их решать; «Зайчик» и «кошечка» под бременем ответственности, которая отныне и вовеки веков будет лежать на их плечах, вдруг ощущают себя безнадежно повзрослевшими...; Чаше всего хорошие идеи гибнут под гнетом* нашего первичного отрицания и критики; *Я взял второе пиво, потягивая которое не чувствовал вкуса под прессом* тех странных и тревожных сведений, которые вываливала на меня Ляззат; *Под тяжестью* новых данных обрушилось представление об упорядоченном расположении Нох-генов в хромосомах.

Для определения степени **метафоризации** подсчитывалась доля метафорических употреблений среди всех употреблений конструкции (100 %), ср. контекст с прямым значением: *К тому же под тяжестью* самого дома он (цоколь — авт.) должен выдерживать большие нагрузки. Метафоризация проявляется в изменении сочетаемости — в употреблении непредметных сущ. в качестве актанта (см. табл. 1). Подобное расширение (генерализация) контекстов свидетельствует о **выцветании** значения. ПЕ имеют правые распространители типа:

- *под тяжестью* преступлений, грехов, раздумий, лет, горя, улик, налогов, страданий, стыда, войны, вины, воспоминаний, ударов судьбы;
- *под гнетом* горя, нужды, страха, насилия, нищеты, смерти, паники, вины, цензуры, деспотизма, ожидания, переживаний, лжи, времени, скуки, улик;
- *под бременем* горя, лет, труда, забот, глупости, уныния, горести, праздности, зол, страстей, времени, налогов, раскаяния, тоски, долгов, болезней, борьбы, обид;

- **под грузом** ответственности, забот, проблем, участи, грехов, долгов, зла, конфликтов, традиции, обязанностей, ошибок, печального опыта, прожитых лет;
- **под прессом** конформизма, «общественного мнения», «культу личности», пропаганды, ненависти, усталости, скуки, ускорения, реванша, уязвленной гордости.

Таблица 1

Характеристика ПЕ подгруппы «физическое давление»

ПЕ	общая частотность ПЕ, ірп (под тяжестью + р.п.)	частотность сочетания (под тяжестью), ірп	относительная частотность ПЕ среди сочетаний	частотность лексемы (любая форма тяжести + р.п.), ірп	относительная частотность ПЕ среди употреблений лексемы	доля метаф. употреблений
1 под тяжестью	2,71	2,96	92%	14,93	18%	17%
2 под гнетом	1,31	1,46	90%	3,84	34%	98%
3 под бременем	0,77	0,83	93%	4,99	15%	95%
4 под грузом	0,23	0,31	74%	5,66	4%	60%
5 под прессом	0,09	0,28	32%	0,52	17%	94%
контрольный пример под кроватью	0,08	1,94	4%	3,37	2%	-

Анализ данных табл. 1 позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемые ПЕ (кроме **под прессом**) являются достаточно устойчивыми, так как занимают значительную долю среди всех сочетаний каждого конкретного сущ. с предлогом **под** (92 % — **под тяжестью**, 90 % — **под гнетом**, 93 % — **под бременем**, 74 % — **под грузом**), ср. с не «заподозренным» в грамматикализации сочетанием **под кроватью** (присоединяет р.п. лишь в 4 % случаев). Разумеется, это связано с семантикой существительных, однако даже конкретно-предметные существительные могут употребляться в функции предлога: *Тогда под сапогом третьего рейха за несколько лет погибло 6 миллионов евреев.*

При сопоставлении со всеми употреблениями лексемы (+ р. п.) оказалось, что относительная частотность изучаемых ПЕ не очень высока (18 % — **под тяжестью**, 34 % — **под гнетом**, 15 % — **под бременем**, 17 % — **под прессом**), однако по сравнению с «контроль-

ным» сочетанием *под кроватью* (2 %) их доля кажется значимой и может свидетельствовать об определенной устойчивости ПЕ.

Ядерными, наиболее грамматикализованными ПЕ данной подгруппы являются *под гнетом* и *под бременем*, к наименее грамматикализованным можно отнести низкочастотные *под грузом* и *под прессом*.

2.2. Подгруппа «военное давление» — ПЕ *под огнем*, *под обстрелом*, *под ударами* / *под ударом* (см. табл. 2): *В конце первого тысячелетия вся Европа оказывается под ударами неведомых до толе викингов-норманнов; Гораздо важнее... бережно относиться к людям, в том числе и к тем, кто, будучи на виду, под огнем критики достойно несет свое бремя...; Однако необходимо отметить, что в США под ударом кредитных неурядиц оказались и многие хорошие компании; Пройдемте, товарищи, — и троица проследовала через класс под обстрелом насмешливых взглядов: ай да Сыннок, какой эскорт его сопровождает... . Отметим наличие морфосинтаксической парадигмы по числу (*под ударами* / *под ударом*), что свидетельствует о слабой грамматикализации. ПЕ данной группы также пересекаются с каузативными ПЕ, во многих контекстах выражая каузатив: *Предыдущий директор ЦРУ — Джордж Тенет — в начале июня под огнем критики, вызванной неверными сведениями спецслужб об ОМП в Ираке, подал прошение об отставке.**

Метафоризация проявляется в контекстах типа:

- *под ударами* судьбы, стихии, жизни, кризиса, критики, испытаний, реформы, травли, реальности, обстоятельств, фашизма, дефицита, болезни, совести;
- *под огнем* «дешевенького интеллигентского скептицизма», критики, газетной травли, политических страстей, перекрестного допроса, опасностей;
- *под ударом* судьбы, наркомании, кризиса, неурядиц, наркоагрессии, инфляции, экономики, катастрофы, упрёка, случая, поражения;
- *под обстрелом* насмешливых взглядов, недружелюбных взглядов, чужих / насмешливых глаз, сотен / десятка глаз, критики.

Как видно из данных табл. 2, ПЕ этой группы гораздо менее грамматикализованы. Наиболее частотной, устойчивой (при сопоставлении с исходным сочетанием и с исходной лексемой) и метафоризированной (17 %) является ПЕ *под ударами*, поэтому ее можно считать наиболее грамматикализованной в подгруппе. ПЕ *под огнем*, *под ударом*, *под обстрелом* менее частотны, устойчивы и метафоризированы (за исключением *под обстрелом*), однако и они проявляют небольшие признаки грамматикализации в сравнении с «контрольным» примером.

Характеристика ПЕ подгруппы «военное давление»

	ПЕ	общая частотность ПЕ, ірп (под огнем + р.п.)	частотность сочетания (под огнем), ірп	относительная частотность ПЕ среди сочетаний	частотность лексемы (любая форма озонь + р.п.), ірп	относительная частотность ПЕ среди употреблений лексемы	доля метаф. употреблений, %
1	под ударами	1,55	1,74	89%	12,01	13%	17%
2	под огнем	0,72	1,62	44%	20,2	4%	8%
3	под ударом	0,32	0,66	48%	14,32	2%	15%
4	под обстрелом	0,14	0,67	21%	2,25	6%	25%
	контрольный пример под ружьем	0,02	0,78	3%	2	1%	–

3.3. Подгруппа «природные условия» — низкочастотные конструкции *под лучами, под градом, под солнцем, под ветром*² (см. табл. 3): Но «Единая Россия», даже располагая этим гандикапом, имеет волю *под градом* критики встать и идти к избирателям; Каннский фестиваль... тогда выиграла очень спорная лента Мориса Пиала «*Под солнцем сатаны*»; Начались дни нездешней жизни — жизни *под лучами* Любви, забыта была земля; ЮРКА. За год четыре дома на нашей улице снесли, а этот стоит. ДИМКА. И даже не дрожит *под ветром* эпохи. Эпоха, ребята, мимо идет.

Метафоризация проявляется в контекстах типа:

- *под солнцем* мира, свободы, капитализма, сталинского руководства, Великой социалистической революции, идей Мао-Цзэдуна, любви;
- *под ветром* эпохи, сомнений, современности, дальних странствий;
- *под лучами* любви, сыновьей ласки, монарших милостей, ласковых взглядов, критической мысли, Вашего юмора;
- *под градом* невзгод, укоризн, бедствий, упреков, обид, ругательств, ненавистных взглядов, запретов, обличений, попыток, забот, обвинений, усмешек, критики.

Отметим, что единица *под градом* аналогична ПЕ подгруппы «военное воздействие» и, вероятно, именно через военную метафо-

² Мы искренне благодарим глубокоуважаемого рецензента, который показал, что в данную группу могут быть включены также единицы *под шквалом, под вихрем, под ураганом*.

ру (ср. *град стрел, выстрелов*) она начала превращаться в ПЕ со значением ситуатива и продолжает развиваться в сторону каузатива.

Таблица 3

Характеристика ПЕ подгруппы «природные условия»

	ПЕ	общая частотность ПЕ, ipm (под лучами + р.п.)	частотность сочетания (под лучами), ipm	относительная частотность ПЕ среди сочетаний	доля метаф. употреблений, %
1	под лучами	0,87	0,91	96%	4
2	под градом	0,55	0,6	92%	20
3	под солнцем	0,27	3,93	7%	25
4	под ветром	0,08	1,73	5%	85
	Контрольный пример: <i>под снегом</i>	0,01	1,89	0,5%	–

Для данной группы технически трудно изучить относительную частотность ПЕ по сравнению с лексемой-источником, так как более чем 50 % употреблений являются «шумом». ПЕ подгруппы «природные условия» находятся в начальной стадии грамматикализации: они низкочастотны. Признаками их грамматикализации можно считать устойчивость (96 и 92 %) ПЕ *под лучами* и *под градом*; высокую долю метафорических употреблений ПЕ *под ветром*, нивелируемую, однако, низкой общей частотностью; долю метафоризированных употреблений ПЕ *под градом* и *под солнцем* (20 и 25 %); а также их более высокую устойчивость и частотность по сравнению с «контрольным» примером.

Заключение

Группа ПЕ, выражающих ситуатив, представляет собой семейство конструкций, находящихся на разной степени грамматикализации и образующихся по аналогии. Наиболее грамматикализованными являются ПЕ подгруппы «физическое давление», затем следуют ПЕ подгруппы «военное давление» и слабо грамматикализованные ПЕ «природные условия». ПЕ двух первых подгрупп находятся на пересечении с полем каузатива и развиваются в сторону более абстрактного значения причины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксарина Н.А., Басова Л.В. Семантизация отыменного предлога В ОБХОД в речевой практике XIX–XXI вв. // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2023. № 85. С. 5–19.
2. Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25–50.
3. Виноградова Е.Н. Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация (на материале конструкций, включающих предлог ПО) // Вопросы языкознания. 2023. № 1. С. 54–87.
4. Виноградова Е.Н. Система против или против системы: русские наречные предлоги и проблемы классификации предлогов // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2024. № 89. С. 29–53.
5. Всеволодова М.В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3. С. 103–135.
6. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М., 2014.
7. Зеленин А.В., Руднев Д.В. «Что значит этот фон»: история грамматикализации предложно-падежной формы на фоне // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2021. № 74. С. 43–60.
8. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 2001.
9. Конюшкевич М.И. Предложные сочетания с конфирмативной семантикой в русском и белорусском языках: списочный состав, семантика, типология // Памяти А.А. Поликарпова / под ред. М.Л. Ремневой. М., 2015. С. 224–240.
10. Конюшкевич М.И. Функционально-грамматическое поле скреп, образованных от предложных единиц с лексемой *вопрос* // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература. 2024. № 1. С. 2–9.
11. Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. 3. Части речи и лексико-грамматические классы / отв. ред. В.А. Плунгян. СПб., 2018.
12. Шереметьева Е.С. Релятивные свойства словоформы «в русле» (к вопросу о грамматикализации предложно-падежных словоформ) // Вестн. Курганского гос. ун-та. 2019. № 1 (52). С. 135–138.
13. Brinton L., Traugott E. Lexicalization and language change. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
14. Gainutdinova A.F., Troshkina T.P., Gabdreeva N.V. Russian Preposition Grammar: on the Variability of Position in the Syntaxeme // Cuadernos de Rusística Española, 2024. № 20. pp. 103–112.
15. Janda L.A., Endresen A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. From data to theory: An emergent semantic classification based on the large-scale Russian constructicon // Constructions and frames. 2023. Volume 15. issue 1. pp. 1–58.
16. Kolyaseva A. The Russian prepositional TIPA and VRODE in online student discourse: evidence of attraction // Linguistics. 2022. Vol. 60. № 5. pp. 1451–1485.
17. Zhukova V., Janda L.A. Russian grammar as a constructicon: beyond a list // Russian Linguistics. 2024. 48, 15.

ИСТОЧНИКИ

1. Бурцева В.В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М., 2010.
2. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2001.
3. НКРЯ — Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru>
4. Russian constructicon — <https://constructicon.ruscorpora.ru>

REFERENCES

1. Aksarina N.A., Basova L.V. Semantizatsiya otymennogo predloga V OBKhOD v rechevoi praktike XIX–XXI vv. [The semantization of the denominal preposition “obkhod” in the Russian speech of the 19th-21st centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2023, № 85, pp. 5–19. (In Russ.). doi: 10.17223/19986645/85/1
2. Vinogradova E.N. Grammatikalizatsiya v russkom yazyke: ot formy sushchestvitel'nogo k predlogu (na materiale somatizmov) [Grammaticalization in Russian: from noun to preposition (a case study of body part names)]. *Voprosy yazykoznanija*, 2016, 1, pp. 25–50. (In Russ.)
3. Vinogradova E.N. Grammatikalizatsiya, leksikalizatsiya i pragmatikalizatsiya (na materiale konstruktсии, vkluchayushchikh predlog PO) [Grammaticalization, lexicalization, and pragmatization: Russian constructions with the preposition PO]. *Voprosy yazykoznanija*, 2023, 1, pp. 54–87. (In Russ.). doi: 10.31857/0373-658X.2023.1.54-87
4. Vinogradova E.N. Sistema protiv ili protiv sistemy: russkie narechnye predlogi i problemy klassifikatsii predlogov [The system is against or against the system: Russian adverbial prepositions and other polyfunctional units]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2024, 89, pp. 29–53. (In Russ.). doi: 10.17223/19986645/89/2
5. Vsevolodova M.V. K voprosu ob operatsional'nykh metodakh kategorizatsii predlozhnykh edinit [Towards operational criteria of prepositional units categorization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 2011, 3, pp. 103–135. (In Russ.)
6. Vsevolodova M.V., Kukushkina O.V., Polikarpov A.A. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniyu real'nogo upotrebleniya: Vvedenie v ob'ektivnyuyu grammatiku i leksikografiyu russkikh predlozhnykh edinit. Kniga 1* [Russian Prepositions and Prepositional-Type Means. Materials for a Functional and Grammatical Description of Actual Usage: An Introduction to the Objective Grammar and Lexicography of Russian Prepositional Units. Book 1]. Moscow, Editorial URSS publ., 2014. 304 p. (In Russ.)
7. Zelenin A.V., Rudnev D.V. «Chto znachit etot fon»: istoriya grammatikalizatsii predlozhno-padezhnoi formy “na fone” [“What Does This Fon Mean?”: The History of Grammaticalization of the Prepositional Case Form Na Fone]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2021, 74, pp. 43–60. (In Russ.). doi: 10.17223/19986645/74/3
8. Zolotova G.A. *Sintaksicheskii slovar': Repertuar elementarnykh edinit russkogo sintaksisa* [Syntactic Dictionary: The Repertoire of Elementary Units of Russian Syntax]. Moscow, Editorial URSS publ., 2001. 440 p. (In Russ.)
9. Konyushkevich M.I. Predlozhnye sochetaniya s konfirmativnoi semantikoi v russkom i belorusskom yazykakh: spisochnyi sostav, semantika, tipologiya [Prepositional

- Constructions with Confirmative Semantics in Russian and Belarusian: Inventory, Semantics, Typology]. In: *Pamyati A.A. Polikarpova*. M.L. Remneva (ed.). Moscow: MGU Publ., 2015. pp. 224–240. (In Russ.)
10. Konyushkevich M.I. Funktsional'no-grammaticheskoe pole skrep, obrazovannykh ot predlozhnykh edinits s leksemoi *vopros* [Functional–Grammatical Field of Staples, formed from Prepositional units with the Lexeme *Vopros*]. *Professorskii zhurnal. Seriya: russkii yazyk i literatura*, 2024, 1, pp. 2–9. (In Russ.)
  11. *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka. Vypusk 3. Chasti rechi i leksiko-grammaticheskie klassy* [Materials for a Corpus Grammar of the Russian Language. Issue 3: Parts of Speech and Lexico-Grammatical Classes]. V.A. Plungyan (ed.). Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya publ., 2018. 472 p. (In Russ.)
  12. Sheremet'eva E.S. Relyativnye svoistva slovoformy «v rusle» (k voprosu o grammatikalizatsii predlozhno-padezhnykh slovoform) [Relational Properties of the Word Form *v rusle* ('in the mainstream'): On the Grammaticalization of Prepositional-Case Word Forms]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 1(52), pp. 135–138. (In Russ.)
  13. Brinton L., Traugott E. *Lexicalization and language change*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
  14. Gainutdinova A.F., Troshkina T.P., Gabdreeva N.V. Russian Preposition Grammar: on the Variability of Position in the Syntaxeme. *Cuadernos de Rusística Española*, 2024, 20, pp. 103–112. <https://doi.org/10.30827/cre.v20.30504>
  15. Janda L.A. Endresen A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. From data to theory: An emergent semantic classification based on the large-scale Russian constructicon. *Constructions and frames*, 2023, 15, 1, pp. 1–58. <https://doi.org/10.1075/cf.00066.jan>
  16. Kolyaseva A. The Russian prepositional TIPA and VRODE in online student discourse: evidence of attraction. *Linguistics*, 2022, 60(5), pp. 1451–1485. <https://doi.org/10.1515/ling-2021-0004>
  17. Zhukova V., Janda L.A. Russian grammar as a constructicon: beyond a list. *Russian Linguistics*, 2024, 48, 15. <https://doi.org/10.1007/s11185-024-09298-z>

SOURCES

1. Burtseva V.V. *Slovar' narechii i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Adverbs and Function Words of the Russian Language.]. Moscow: Drofa publ., 2010.
2. Efremova T.F. *Tolkovyi slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Function Words of the Russian Language]. Moscow: Russkii yazyk publ., 2001.
3. NKRYa — *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian national corpora] <https://ruscorpora.ru>
4. *Russian constructicon* — <https://constructicon.ruscorpora.ru>

Поступила в редакцию 09.02.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 09.02.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРАХ

Екатерина Николаевна Виноградова — д.ф.н., доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ekaterinavin@mail.ru

Хань Сюэ — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; wanxihx@163.com

ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina N. Vinogradova — Prof. Dr., Associate Professor, Department of Russian Language for Foreign Students in the Humanities, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; ekaterinavin@mail.ru

Han Xue — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; wanxihx@163.com

ГРАММАТИКА 1721 Г. КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ФЕДОРА ПОЛИКАРПОВА

М.Л. Ремнёва, Е.А. Кузьмина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; m.l.remnova@mail.ru, elenk2002@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена реконструкции лингвистической программы Федора Поликарпова, получившей воплощение в третьем издании грамматики Мелетия Смотрицкого 1721 г. (Г1721), которое было подготовлено в результате переработки и дополнения двух предшествующих изданий 1619 г. (ГС) и 1648 г. (ГМ). Ключевым принципом грамматической нормализации Федора Поликарпова является «употребление <...> по настоящему времени смотря», то есть в современной ему книжно-языковой практике. В соответствии с этим принципом он проводит в Г1721 «разчищение» и «разширение» церковнославянского языка. Устранению («разчищению») подвергаются те формы и конструкции, которые «ныне не во употреблении»: стяженные формы сослагательного наклонения (западнославянского типа *члѣстѣ, члѣсмь*), аориста от глаголов с исходом основы на -а без форманта -тъ (типа *заклѣ*), формы «мимошедшего» времени (типа *бѣлахъсѣ*), формы двойственного числа, им. п. мн. ч. указательного местоимения *ти* и др. Пестрота реального «употребления» петровского времени отражается в Г1721 в «разширении» грамматической вариативности, что достигается разными способами: при расхождении нормализаторских решений ГС и ГМ Федор Поликарпов чаще отдает предпочтение тому изданию грамматики, в котором кодифицированы варианты, либо объединяет предписанные ГС и ГМ формы на правах равнозначных вариантов; при тождественности же исходных форм ГС и ГМ Федор Поликарпов вводит в Г1721 вторую, новую по сравнению с предыдущими изданиями грамматики форму. Кодификация во многих грамматических позициях вариантных форм: архаичных и инновационных, стандартных и нестандартных — предоставляет возможность выбрать требуемую форму для каждого контекста, что в конечном счете приводит к формированию стилистически обработанного и разнообразного церковнославянского языка.

Ключевые слова: история славяно-русской грамматической традиции; церковнославянский язык; грамматическая норма

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-2

Для цитирования: Ремнёва М.Л., Кузьмина Е.А. Грамматика 1721 г. как реализация лингвистической программы Федора Поликарпова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 22–30.

GRAMMAR OF 1721 AS AN IMPLEMENTATION OF FYODOR POLIKARPOV'S LINGUISTIC PROGRAM

Marina L. Remneva, Elena A. Kuzminova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; m.l.remneva@mail.ru, elenk2002@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the reconstruction of Fyodor Polikarpov's linguistic program, embodied in the third edition of Meletiy Smotritsky's grammar of 1721 (G1721), which was prepared as a result of the revision and addition of two previous editions in 1619 (GS) and 1648 (GM). The key principle of Fyodor Polikarpov's grammatical normalization is "usage <...> to the present time", that is, in his contemporary book and language practice. In accordance with this principle, he conducts a "cleansing" and "broadening" of the Church Slavonic language in G1721. Those forms and constructions that are "currently not in use" are being eliminated ("cleaned up"): the conjugated forms of the subjunctive mood (of the West Slavic type ЧЛѢСТѢ, ЧЛІСМЫ), the aorist of verbs with the outcome of the base on -А without the formant -ТЬ (ЗАКЛА), the past tense forms (type БІАДХУСА), the dual number forms, the nom. pl. demonstrative pronoun ТИ etc. The diversity of the real "usage" of Peter's time is reflected in 1721 in the "expansion" of grammatical variation, which is achieved in different ways: when the normalization solutions of GS and GM differ, Fyodor Polikarpov more often prefers the grammar edition in which the variants are codified, or combines the prescribed GS and GM forms as equivalent variants; when the original forms are identical, Fyodor Polikarpov introduces the second grammar form in G1721, which is new compared to previous editions. Codification of variant forms in many grammatical positions, archaic and innovative, standard and non-standard, provides an opportunity to choose the required form for each context, which ultimately leads to the formation of a stylistically processed and diverse Church Slavonic language.

Keywords: history of the Slavic-Russian grammatical tradition; Church Slavonic language; grammatical norm

For citation: Remneva M.L., Kuzminova E.A. (2026) Grammar of 1721 as an Implementation of Fyodor Polikarpov's Linguistic Program. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 22–30.

Петровская эпоха, характеризующаяся радикальными социокультурными трансформациями, ознаменовала собой и существенные изменения в развитии славяно-русской грамматической традиции. В этот период наблюдается целенаправленное внедрение грамматической образованности на государственном уровне. Согласно «Духовному регламенту» 1721 года, епархиальным архиереям предписывалось учреждать при архиерейских домах учебные заведения для детей мужского пола, что способствовало формированию системы школьного образования [Пекарский 1862: 108–121; Владимирский-Буданов 1874: 101–103]. Обязательность интеграции

славянской грамматики в учебные программы новых образовательных учреждений была закреплена специальными указами Петра I от 1723 и 1724 гг. [Флоровский 1996: 379].

В целях обеспечения образовательного процесса было инициировано новое, третье, издание грамматики Мелетия Смотрицкого «Грамматика» (М.: Синодальная тип., февраль 1721 [без имени автора]) (далее Г1721). Первое издание этой фундаментальной грамматики церковнославянского языка «Грамматикѣ Славѣнскѣи правѣлноѣ Сѣвѣнтагма» (далее ГС) было опубликовано в 1619 г. в Евье. В 1648 г. на Московском Печатном дворе в результате осознания необходимости последовательной языковой нормализации для решения задач книжной sprawy было предпринято ее второе, переработанное и дополненное издание — «Грамматика» (М.: Печ. двор, 1648 [без имени автора]) (далее ГМ). Третье издание было подготовлено Федором Поликарповым, непререкаемым авторитетом в области славянской книжности и нормы церковнославянского языка в первой трети XVIII в., переводчиком, справщиком, педагогом, директором Московского Печатного двора на протяжении почти 30 лет.

Осуществляя очередное издание грамматики, Федор Поликарпов исходил из необходимости в условиях интенсивной секуляризации культуры в начале XVIII в. новой «охранительной» филологической работы над церковнославянским языком — традиционным для культуры конфессиональной. Г1721 была призвана отразить современное состояние церковнославянского языка и дать его более строгую нормализацию.

Ключевые принципы, которыми Федор Поликарпов руководствовался при работе над новым изданием грамматики Мелетия Смотрицкого, были сформулированы им в черновом варианте предисловия (черновой тетради — РГАДА, ф. 381, №1241): *а понеже Гдѣ Ѹ поспѣшествѣющѣ славенскѣи нашѣ діалектѣ со времени^м паче и паче разширѣтсѣ и разнищѣтсѣ и Ѹже во сто лѣтѣ во³расте нѣѣ въ лѣчшее изрѣдство, тогѡ ради по настоящемѣ времени смотрѣ ко древнѣи Грамматѣцѣ нѣкам малам правила приложѣшасѣ, нѣкам же древнѣм ѡшасѣ за неѡпотребленіе* [цит. по: Поликарпов 2000: 89]. По мысли Федора Поликарпова, церковнославянский язык представляет собой явление не статичное, а изменяющееся. При этом развитие языка определяется его постоянным совершенствованием в соответствии с Божьим промыслом. Г1721 должна зафиксировать это совершенствование языка, его «разширеніе» и «разнищеніе» за последние сто лет, прошедшие после выхода первого издания [Кузьминова 2020: 151].

Декларированная Федором Поликарповым установка на «разчищеніе» церковнославянского языка получает реализацию в изменении нормативного статуса ряда специфически книжных грамматических форм и конструкций, которые в Г1721 признаются мало- или неупотребительными и сопровождаются соответствующим комментарием либо устраняются. Такому «разчищенію» были подвергнуты: форма И. п. мн. ч. указательного местоимения **ти: тиньнѣ не оупотребляютса** (л. 97); формы единственного и двойственного числа собирательных числительных **двѡи, трѡи, четвѣро: аще оупотребляють по дрѣвнемѡ и хѡ дѡвѣчаю едѣнственнымъ и двѡйственнымъ числами и скланяютьса, дѡбаче нѣтъ блѡтїю бжїею славѣнскѡ азѡыкѡ разчищающѣса, возмѣтса сѣ быти неправнльно** (л. 85); формы двойственного числа: **Славяне аже во Именѣ, сїце и во Глѣхѡ двѡйственное имѡтѡ число, по всѣмъ трѣмъ родѡмъ, во всѣхъ трѣхъ лицѣхъ скланяемое, по дрѣвнемѡ дѡвѣчаю ѡ грекѡ възѡтомѡ, дѡбаче нѣтъ мало оупотребляемо, множественномѡ числѡ сѣа наполняющѡ** (л. 111); формы «мимошедшего» времени: **Мимошедшее есть, имже дрѣвле совершенноу прешедшее дѣйство или страданїе знаменемъ: аки, бѣахѡ, бѣахѡса, или бѣанѡ бывахѡ. [дѡбаче нѣтъ не во оупотребленїи, прешедшемѡ и непредѣленномѡ мѣсто сѣа наполняющѡ]** (л. 112 об.); формы аориста от глаголов с исходом основы на -а без форманта -тъ: **закла, запа, зача и симъ подобнїи <...> нѣтъ не оупотребляютса** (л. 117).

Федор Поликарпов последовательно избавляется от стяженных по юго-западному образцу форм сослагательного наклонения (типа **члѣстѣ, члѣсмы**), которые были кодифицированы Мелетием Смотрицким и воспроизведены московскими редакторами ГМ. В нормировании такого рода форм в ГС можно усматривать влияние «простой мовы», где с конца XVI в. появляются формы, в которых личные окончания из вспомогательного глагола-связки переместились к смысловому глаголу: *виделехмы / виделехмо / виделесмы* и т. п. Возникновение подобных образований исследователи объясняют воздействием польского языка [см. Смирнова 2015: 53]. Сохранение форм типа **члѣстѣ** в ГМ связано, по всей видимости, с тем, что они были чужды разговорной речи московских справщиков и поэтому могли быть восприняты ими как специфически книжные. Примечательно при этом, что, несмотря на сохранение западнорусских форм в ГМ, они, судя по всему, оставались лишь частью грамматической теории и не применялись московскими книжниками в реальной книжно-языковой практике [см. Пентковская 2019: 254].

Отказываясь от стяженных форма, Ф. Поликарпов заменяет их аналитическими, образованными л-формой в сочетании с формой

настоящего времени глагола **выти** типа **члѣ ѣстѣ, члѣ ѣсмы** и т. п., ср.:

	ГС	ГМ	Г1721
1 л. дв.ч. м., с.р.	ѣще бы члѣсва	ѣще бѣ члѣсма	ѣще бѣ члѣ ѣсма
2 и 3 л. дв.ч. м., с.р.	члѣста	члѣста	члѣ ѣста
1 л. дв.ч. ж.р.	ѣще бы члѣсвѣ	ѣще бѣ члѣсмѣ	ѣще бѣ члѣ ѣсмѣ
2 и 3 л. дв.ч. ж.р.	члѣстѣ	члѣстѣ	члѣ ѣстѣ
1 л. мн.ч.	ѣще бы члѣсмы	ѣще бы члѣсмы	ѣще бы члѣ ѣсмы
2 л. мн.ч.	члѣсте	ѣще бѣ члѣсте	члѣ ѣсте

(л. 128, 194, 120; ср. также л. 128 об., 194 об., 120 об.; 129, 195 об., 121; 137, 205, 129 об.; 137, 205 об., 130; 138, 206 об., 131).

1 л. дв.ч. м., с.р.	ѣще бы творѣласва	ѣще бѣ творѣласма	ѣще бѣ творѣла ѣсма
1 л. дв.ч. ж.р.	ѣще бы творѣлѣсвѣ	ѣще бѣ творѣлѣсмѣ	ѣще бѣ творѣлѣ ѣсмѣ
1 л. мн.ч.	ѣще бы творѣлѣсмы	ѣще бы творѣлѣсмы	ѣще бы творѣлѣ ѣсмы
2 л. мн.ч.	творѣлѣсте	творѣлѣсте	творѣлѣ ѣсте

(л. 147, 217, 140 об.–141; ср. также л. 148 об., 218, 141 об.)

Установка Федора Поликарпова на «**разширеніе**» церковнославянского языка получила реализацию в расширении диапазона вариативности. Наиболее отчетливо эта тенденция прослеживается в сфере именного склонения, где в Г1721, по сравнению с ГС и ГМ, увеличивается количество позиций, в которых нормируются варианты флексии. Работая над отдельными парадигмами, Федор Поликарпов сопоставлял решения, принятые в ГС и ГМ, с собственными нормативными представлениями. При расхождении ГС и ГМ Федор Поликарпов чаще отдает предпочтение тому изданию грамматики (ГС или ГМ), в котором были кодифицированы варианты. Так, например, в следующих грамматических позициях Ф. Поликарпов делает выбор в пользу ГС:

	Г1721=ГС	ГМ
И.п. ед.ч.	сѣѣна, ѣлѣ сѣѣни (л. 38, л. 41)	сѣѣна (л. 103 об.)
Р.п. ед.ч.	ѣвѣрѣца ѣ ѣвѣрѣци (л. 35 об., 38)	ѣвѣрѣци (л. 100 об.)
В.п. мн.ч.	ѣношы ѣ ѣноша (л. 34 об, 37)	ѣношы (л. 99 об.)
М.п. мн.ч.	ѣоннехѣ, ѣ ѣоннѣ ^х (л. 41, 44 об.)	ѣоннѣхѣ (л. 107)

Тогда как в других позициях утверждается решение, принятое московскими издателями ГМ, ср.:

	Г1721=ГМ	ГС
М.п. ед.ч.	<u>сѣ́ѣни</u> , <u>н</u> , <u>сѣ́ѣнѣ</u> (л. 38, 104)	<u>сѣ́ѣни</u> (л. 41)
З.п. ед.ч.	<u>сѣ́ѣне</u> , <u>и</u> <u>сѣ́ѣни</u> (л. 38, 104)	<u>сѣ́ѣни</u> (л. 41)
З.п. ед.ч.	<u>заповѣди</u> <u>и</u> <u>де</u> (л. 55 об., 120 об.)	<u>заповѣди</u> (л. 59 об.)
Р.п. мн.ч.	<u>заповѣди</u> <u>и</u> <u>деи</u> (л. 56, 120 об.)	<u>заповѣди</u> (л. 60)
Р.п. мн.ч.	<u>сѣ́ѣи</u> , <u>ѣи</u> (л. 37 об., 103)	<u>сѣ́ѣи</u> : (л. 40)
Р.п. мн.ч.	<u>ма́тери</u> , <u>ѣи</u> (л. 56 об., 121 об.)	<u>ма́тери</u> (л. 60 об.)

Принцип вариативности распространяется Федором Поликарповым и на те грамматические позиции, в которых ГС и ГМ предписывали единственное окончание. При тождественности флексий ГС и ГМ Ф. Поликарпов вводит в Г1721 вторую, новую по сравнению с предыдущими изданиями грамматики форму, ср.

	Г1721	ГС=ГМ
Д.п. ед.ч.	<u>сѣ́ѣни</u> <u>и</u> <u>ѣ</u>	<u>сѣ́ѣни</u> (л. 41, 103 об.)
И-З.п. мн.ч.	<u>до́ми</u> <u>и</u> <u>до́мове</u> (л. 54)	<u>до́ми</u> (л. 58, 118 об.)
Р.п. мн.ч.	<u>во́ниѣ</u> <u>и</u> <u>во́ниѣ</u> (л. 41)	<u>во́ниѣ</u> (л. 44 об., 107)
Р.п. мн.ч.	<u>о́тце</u> <u>и</u> <u>о́тцеѣ</u> (л. 44 об.)	<u>о́тцеѣ</u> (л. 48, 111)
Р.п. мн.ч.	<u>мра́вѣи</u> <u>и</u> <u>вѣѣѣ</u> (л. 62 об.)	<u>мра́вѣи</u> (л. 67, 127)
Р.п. мн.ч.	<u>зна́менѣи</u> <u>и</u> <u>неи</u> (л. 65)	<u>зна́менѣи</u> (л. 70, 130)
Р.п. мн.ч.	<u>господеѣ</u> <u>и</u> <u>лѣ</u> <u>госпѣ</u> (л. 68)	<u>го́сподеѣ</u> (л. 73, 132)
Д.п. мн.ч.	<u>господеѣмѣ</u> <u>и</u> <u>лѣ</u> <u>господа</u> ^м (л. 68)	<u>Го́сподеѣмѣ</u> (л. 73 об., 132)
Т.п. мн.ч.	<u>словесѣ</u> <u>и</u> <u>а́ми</u> (л. 49)	<u>Словесѣ</u> (л. 53, 116 об.)

При несовпадении исходных окончаний ГС и ГМ они объединяются в Г1721 на правах равнозначных вариантов, ср.:

	Г1721	ГС	ГМ
Д-М.п. ед.ч.	<u>сносѣ</u> . <u>и</u> <u>хѣ</u> (л.33)	<u>Сно́сѣ</u> (л. 35 об.)	<u>снохѣ</u> (л.97 об.)
Р.п. ед.ч.	<u>Мре́жа</u> <u>и</u> <u>жи</u> (л.34)	<u>Мре́жа</u> (л. 36 об.)	<u>мре́жи</u> (л.98)
И.п. ед.ч.	<u>Самараньѣи</u> : <u>и</u> <u>а</u>	<u>Самараньѣи</u> (л. 40 об.)	<u>самараньѣи</u> (л.103)
Д.п. ед.ч.	<u>Самараньѣи</u> : <u>и</u> <u>ѣ</u>	<u>Самараньѣи</u> (л. 40 об.)	<u>самараньѣи</u> (л.103)
В.п. мн.ч.	<u>па́стырѣ</u> <u>и</u> <u>ри</u> (л.59 об.)	<u>па́стырѣ</u> (л. 63 об.)	<u>па́стыри</u> (л. 123 об.)
В.п. мн.ч.	<u>вра́чѣ</u> <u>и</u> <u>лѣ</u> <u>врачи</u> (л. 67 об.)	<u>вра́чѣ</u> (л. 72 об.)	<u>врачи</u> (л. 131)
И-З.п. мн.ч.	<u>ѣереѣ</u> <u>и</u> <u>рен</u> (л. 62)	<u>ѣереѣ</u> (л. 66 об.)	<u>ѣереѣ</u> (л. 126–126 об.)

Избранные Федором Поликарповым способы «разширенїа» церковнославянского языка дают основание пересмотреть распространенное мнение о большей близости Г1721 к первому изданию грамматики Мелетия Смотрицкого, чем ко второму [ср. Нимчук 1979: 100; Мечковская 1984: 44]. ГС и ГМ выступают как источники одного ряда, принимая, отвергая или комбинируя предписания которых, Федор Поликарпов воплощает собственные нормативные представления, выработанные им в процессе справщицкой и переводческой деятельности. Такой подход к кодификации проявляется и за пределами зоны вариативности. Так, например, в глагольной парадигме в 1 л. дв. ч. в Г1721 вслед за ГМ использованы форманты **-ма** (м. и с. р.) и **-мѣ** (ж. р.), образованные в результате контаминации исконных дуальных и плюральных форм [см. Кукушкина, Ремнёва 1984: 95], при этом в императиве вслед за ГС — суффикс **-ѣ**, ср.:

	Г1721	ГС	ГМ
1 л. дв.ч. м., с.р.	прочтѣма	прочтѣва	прочтѣма
ж.р.	прочтѣмѣ	прочтѣвѣ	прочтѣмѣ

(л. 119, 127, 193)

Широкая вариативность флексий и колебания при их кодификации в Г1721 отражают пестроту реальной языковой практики петровского времени, когда письменный язык представлял собой объединение языковых средств различных регистров «в едином пуле» [Живов 2000: 580]. Эти колебания выявляются при сопоставлении отдельных решений Федора Поликарпова. С одной стороны, он предписывает инновационные флексии (1) с формантом *a* в Д. п. и Т. п. мн. ч. **-амъ** и **-ами** у существительных мужского и среднего рода: **господа^а**, **гѣами**, **именами**, **словесами**, **знѡми**, **крагѣами**, **дрѣстами**, **віантами**; (2) **-въ** и **-ѣвъ** в Р. п. мн. ч.: **Вѡннѣ**, **юрѡдѣвъ**, **Прорѡкѣ**, **Римлѣанѣ**, **дрѣстѣ**, **Віантѣвъ**, **ѡтце**, **чѣанце**, **іереевъ**, **ходѣтаевѣ**, **мрѣвѣвъ**, **знѡевѣ**, **крагѣевѣ**, **любоѣдѣевѣ**, а с другой — возвращает архаичные формы Р. п. ед. ч., И-В-(3). п. мн. ч. существительных женского рода и В. п. мн. ч. существительных мужского рода с исходом основы на мягких согласных с флексией **-а**, кодифицированные Мелетием Смотрицким в ГС и устранимые московскими редакторами в ГМ: **Мрѣжа**, **Стѣина**, **Ладѣа**, **юноша**, **пѣстыря**, **свѣдѣтеля**, **врача**, **іерѣа**. Поскольку последовательно ни одно из решений проведено не было (так, например, флексия Т. п. мн. ч. **-ами** вводится в Г1721 в несколько парадигм и в то же время устраняется из парадигмы слова **мрѣвій**), речь может идти лишь об общих тенденциях. Вместе с тем кодификация во многих грамматических позициях вариантных форм: архаичных и инновационных,

стандартных и нестандартных — предоставляет возможность выбрать требуемую форму для каждого контекста, что в конечном счете приводит формированию стилистически обработанного и разнообразного церковнославянского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Владимирский-Буданов М.* Государство и народное образование в России XVIII века. Ч. I. Ярославль, 1874.
2. *Живов В.М.* О связанности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // *Слово в тексте и в словаре: сборник статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна.* М., 2000. С. 567–581.
3. *Кузьминова Е.А.* Поликарпов-Орлов Федор // *Православная энциклопедия.* Т. 57. М., 2020. С. 149–153.
4. *Кукушкина О.В., Ремнёва М.Л.* Категории вида и времени русского глагола. М., 1984.
5. *Мечковская Н.Б.* Ранние восточнославянские грамматики / Под. ред. А.Е. Супруна. Минск, 1984.
6. *Німчук В.В.* Граматыка М. Смотрицького — перлина давнього мовознавства. Київ, 1979.
7. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862.
8. *Пентковская Т.В.* Сослагательное наклонение в поздних церковнославянских переводах восточнославянского происхождения // *Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani.* Slavica Slovenica. Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani. Ljubljana, 2019. С. 241–256.
9. *Поликарпов Ф.П.* Технология. Искусство грамматики / Изд. и исслед. Е.Э. Бабаевой. СПб., 2000.
10. *Смирнова Е.А.* Условное наклонение в «простой мове» Евангелия В. Тяпинского около 1580 г. // *Slavistica Vilnensis.* 60. 2015. С. 51–59.
11. *Флоровский Г.* Петербургский переворот // *Из истории русской культуры.* Т. IV (XVIII — начало XIX века). М., 1996. С. 349–424.

REFERENCES

1. Vladimirskii-Budanov M. Gosudarstvo i narodnoe obrazovanie v Rossii XVIII veka [The state and public education in Russia in the 18th century]. Ch. I. Yaroslavl, G.V. Falk Publ., 1874. 325 p. (In Russ.)
2. Zhivov V.M. O svyazannosti teksta, sintaksicheskikh strategiyakh i formirovaniy russkogo literaturnogo yazyka novogo tipa [On the coherence of the text, syntactic strategies and the formation of a new type of Russian literary language]. *Slovo v tekste i v slovare: sbornik statei k semidesyatiletiiu akademika Yu.D. Apresyana.* Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 567–581. (In Russ.)
3. Kuz'minova E.A. Polikarpov-Orlov Fedor [Polikarpov-Orlov Fedor]. *Pravoslavnnaya entsiklopediya.* T. 57. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr Pravoslavnnaya entsiklopediya Publ., 2020, pp. 149–153. (In Russ.)
4. Kukushkina O.V., Remneva M.L. Kategorii vida i vremeni russkogo glagola [Aspect and tense of Russian verbs]. Moscow, Moscow University Press, 1984. 121 p. (In Russ.)
5. Mechkovskaya N.B. Rannie vostochnoslavjanskije grammatiki [Early East Slavic Grammars] / Pod. red. A.E. Supruna. Minsk, Universitetskoe Publ., 1984. 157 p. (In Russ.)

6. Nimchuk V.V. Gramatyka M. Smotrity'skogo — perlina davn'ogo movoznavstva [Smotrity'sky's grammar is a pearl of ancient linguistics]. Kyiv, *Naukova dumka Publ.*, 1979. 111 p. (In Ukr.)
7. Pekarskii P.P. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom [Science and Literature in Russia under Peter the Great]. T. I. Saint Petersburg, *Tovarishchestvo «Obshchestvennaya pol'za» Publ.*, 1862. 578 p. (In Russ.)
8. Pentkovskaya T.V. Soslagatel'noe naklonenie v pozdnykh tserkovnoslavyanskikh perevodakh vostochnoslavyanskogo proiskhozhdeniya [Subjunctive mood in late Church Slavonic translations of East Slavic origin]. *Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani. Slavica Slovenica. Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani*. Ljubljana, 2019, pp. 241–256. (In Russ.)
9. Polikarpov F.P. Tekhnologiya. Iskusstvo grammatiki [Technology. The Art of Grammar] / Izd. i issled. E.E. Babaevoi. Saint Petersburg, *INAPRESS Publ.*, 2000. 373 p. (In Russ.)
10. Smirnova E.A. Uslovnoe naklonenie v «prostoi move» Evangelija V. Tyapinskogo okolo 1580 g. [Conditional mood in the «simple speech» of V. Tyapinsky's Gospel around 1580]. *Slavistica Vilnensis*, 2015, no 60, pp. 51–59. (In Russ.)
11. Florovskii G. Peterburgskii perevorot [The Petersburg Coup]. *Iz istorii russkoi kul'tury*. T. IV (XVIII — nachalo XIX veka). Moscow, *Yazyki russkoi kul'tury Publ.*, 1996, pp. 349–424. (In Russ.)

Поступила в редакцию 22.10.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 22.10.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРАХ

Марина Леонтьевна Ремнёва — д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; m.l.remneva@mail.ru

Елена Александровна Кузьминова — д.ф.н., доцент, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; elenk2002@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Marina L. Remneva — Prof. Dr., Head of the Department of Russian Language, President of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; m.l.remneva@mail.ru

Elena A. Kuzminova — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; elenk2002@mail.ru

ПРИЗНАКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЧИНЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ОБЩЕЙ СТРУКТУРОЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

К.А. Студеникина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; xeanst@gmail.com*

Аннотация: Работа посвящена изучению сочиненных конструкций с общей структурой в русском языке, то есть таких, в которых общий элемент, называемый осью, объединяет две или более синтаксических структуры, связанных сочинением. С точки зрения формального синтаксиса особый интерес представляют их признаковые характеристики. Если признаки, приписываемые каждым конъюнктом, совпадают, ось может получить либо данное значение, либо сумму приписываемых значений. В том случае, если ось получает различные значения признаков в каждом конъюнкте, возникает конфликт. В зависимости от ряда факторов он может разрешиться или привести к краху деривации. Мы проанализировали влияние таких факторов, как наличие эффекта синкретизма (при различии граммем формы различаются или совпадают), устройство системы признаков (привативная / эквиполентная), конкретный класс признака (число, падеж), конкретное значение признака (означен / не означен), способ означивания (регулярный / супплетивный). Для сбора данных использовались методы экспериментального синтаксиса. Результаты исследования показывают, что оптимальным анализом для русских конструкций с общей структурой является множественное подчинение. Признаки падежа и числа устроены эквиполентно. При управлении ось получает падеж, приписываемый ближайшим конъюнктом. Для согласования по числу возможны две стратегии: копирование признака единственного числа на существительное (для конъюнктов единственного числа) либо приписывание множественного числа, вычисленного как сумма признаков конъюнктов (оба единственного числа либо первый конъюнкт единственного, а второй множественного числа).

Ключевые слова: сочиненные конструкции; множественное подчинение; означивание признаков; экспериментальный синтаксис; русский язык

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-3

Для цитирования: Студеникина К.А. Признаковые характеристики сочиненных конструкций с общей структурой в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 31–46.

FEATURES OF COORDINATED CONSTRUCTIONS WITH THE SHARED STRUCTURE IN RUSSIAN

Kseniia A. Studenikina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; xeanst@gmail.com

Abstract: This paper examines Russian coordinated constructions with the shared structure, where the pivot combines two or more coordinated elements. In formal syntax literature they are usually called Right Node Raising constructions. The study focuses on the pivot feature valuation. If the features assigned by each conjunct match, the shared element can either copy this value or calculate the sum of the values. If the pivot receives different feature values from each conjunct, a conflict emerges. It can either be resolved or cause the derivation crash depending on a range of factors. This paper analyzes the impact of the syncretism effect (whether the forms with different grammemes match or differ), the feature system (privative / equipollent), the feature class (number / case), the feature value (valued / unvalued), the valuation method (regular / suppletive). The study employs experimental syntax methods. We argue that the derivation of Russian constructions with the shared structure is best analyzed via multidominance. Case and number feature oppositions are equipollent. The pivot receives the case assigned by the closest conjunct. Two number agreement strategies are possible: either copying the singular feature onto the noun (for singular conjuncts) or assigning a plural number computed as the sum of the conjunct features (either two singular conjuncts or the closest plural conjunct).

Keywords: coordinated constructions; multidominance; feature valuation; experimental syntax; Russian

Funding: This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037-II, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>, realized at Lomonosov Moscow State University.

For citation: Studenikina K.A. (2026) Features of Coordinated Constructions with the Shared Structure in Russian. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 31–46.

Сочиненные конструкции с общей структурой

К сочиненным конструкциям с общей структурой относятся конструкции, где элемент на периферии, называемый осью (от английского *pivot*), входит в состав одновременно двух и более конъюнктов. В англоязычной традиции это явление носит название подъема правого узла (*Right Node Raising*).

В качестве оси могут выступать единицы различной структуры [Postal 1974]: именные группы (DP, 1a), глагольные группы (VP¹, 1b), группы прилагательного (AdjP, 1c), клаузы (TP, 1d; CP, 1e). Отдельный случай представляет собой сочинение модификаторов в рамках именной группы, где в качестве общей структуры выступает существительное (NP)² [Shen 2018]. При этом конъюнктами могут быть прилагательные (AdjP, 2a), определители (D, 2b) и числительные (Num, 2c). Ось является зависимым в случае DP (1a), VP (1b), AdjP (1c), TP (1d), CP (1e) и вершиной в случае NP (2).

- (1) a. [_{CP} Никита изучает _____, [_& а [_{CP} Максим уже преподает _____ [_{DP} историю Древнего Рима]]]].
 b. [_{CP} Кирилл только начал _____, [_& а [_{CP} Иван уже закончил _____ [_{VP} делать домашнее задание]]]].
 c. [_{CP} Дом только выглядел _____, [_& а [_{CP} сарай действительно был _____ [_{AdjP} очень старым]]]].
 d. [_{CP} Мама увидела, куда _____, [_& а [_{CP} папа понял, зачем _____ [_{TP} ребенок убежал]]]].
 e. [_{CP} Я уверен _____, [_& но [_{CP} ты сомневаешься _____, [_{CP} что Виталий придет]]]].
- (2) a. Для полива сада Василий использовал [_{DP} [_{AdjP} длинные] _____ [_& и [_{DP} короткие _____] [_{NP} шланги из ПВХ]]].
 b. Для полива сада Василий использовал [_{DP} наши длинные _____ [_& и [_{DP} свои короткие _____] [_{NP} шланги из ПВХ]]].
 c. Для полива сада Василий использовал [_{NumP} пять длинных _____ [_& и [_{NumP} семь коротких _____] [_{NP} шлангов из ПВХ]]].

Для объяснения свойств конструкции с общей структурой двигались различные теоретические анализы [Grosz 2015]. Один из них предполагает, что деривация включает передвижение общей последовательности с созданием единой оси (АТВ-передвижение, 3a). При отсутствии извлечения анализ различается количеством копий оси: находится она в каждом конъюнкте, но озвучивается только во втором (эллипсис, 3b), или присутствует в виде одного разделяемого экземпляра (множественное подчинение, 3c).

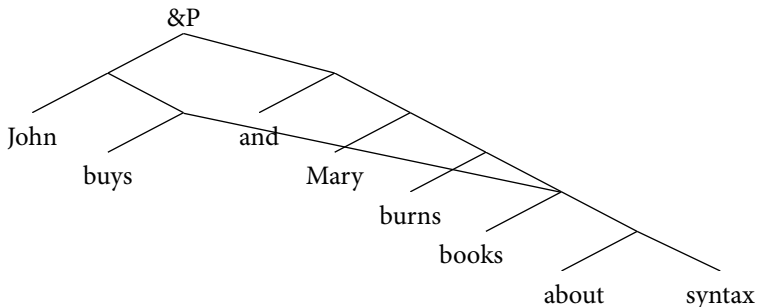
- (3) a. [[John buys t₃], and [Mary burns t₃]] **books about syntax**₃.

¹ Традиционно считается, что модальные и фазовые глаголы относятся к предикатам подъема и присоединяют структуру уровня TP. Однако исследование Е.А. Лютиковой [2022] показывает, что в русском языке они отличаются от прототипических предикатов подъема и не создают клаузальной границы.

² Для данной конструкции возможны две интерпретации в зависимости от лексического наполнения [Heусock, Zamparelli 2005]. При совмещенной интерпретации именная группа обозначает одного индивида, которого одновременно характеризуют оба прилагательных. Расщепленная интерпретация подразумевает, что каждый модификатор создает единичную дескрипцию, то есть относится к разным индивидам. В дальнейшем нас будет интересовать только расщепленная интерпретация.

- b. [John buys ~~books about syntax~~], and [Mary burns **books about syntax**].

c.

‘Джон покупает, а Мэри сжигает книги по синтаксису.’ [Grosz 2015: 2]

Ось выступает в качестве общей мишени для нескольких конъюнктов и представляет собой контекст множественного означивания признаков. Анализ с АТВ-передвижением требует полной идентичности признаков и предсказывает неграмматичность предложений, где в каждом из конъюнктов признаки различаются (глаголы управляют разными падежами, определения комбинируют разные числовые формы). При наличии эллипсиса различие морфологических характеристик не должно влиять на успешность деривации, ожидается согласование с ближайшим конъюнктом. Анализ с множественным подчинением предполагает, что конфликт признаков разрешается при озвучивании путем согласования с ближайшим конъюнктом либо вычисления суммы признаков.

В данной статье обобщаются результаты серии экспериментальных исследований, совокупность которых позволяет перейти к теоретическому анализу признакового взаимодействия в русских конструкциях с общей структурой, а также сделать выводы о системе признаковых оппозиций и механизмах разрешения конфликта между признаками.

Означивание признаков общей структуры в русском языке

Для анализа признаковых характеристик наиболее релевантны конструкции, для которых возможно варьирование морфологической формы оси в зависимости от структуры каждого конъюнкта. Если ось управляется со стороны конъюнкта, возникает варьирование падежных признаков. При наличии согласования с конъюнктами интерес представляют механизмы означивания признаков числа. Мы проанализировали признаковые характеристики общей структуры при управлении и согласовании в серии экспериментальных исследований. Каждое из них совмещает две экспериментальные

методики: опосредованную (оценка приемлемости) и непосредственную (чтение с саморегулирующей скоростью). Более подробное описание экспериментов приводится в статьях [Студеникина 2023, 2026; Studenikina 2022]. Ниже мы обобщим их результаты и предложим теоретический анализ, который способен объяснить полученные эмпирические данные.

В первую очередь мы рассмотрели конструкции, где существительное является общим объектом для сочиняемых предикатов. В то время как нормативные пособия запрещают сочинение глаголов с разным управлением при наличии общего дополнения (*верить* _____{Dat} и *ждать* _____{Gen} **наставления**_{Gen}), подобные примеры встречаются в учебных текстах [Джакупова, Зевахина 2014]. Предшествующие исследования утверждают, что употребление общего объекта возможно только в том случае, если форма, требуемая предикатом в каждом конъюнкте, полностью идентична по падежу (*верить* _____{Dat} и *внимать* _____{Dat} **наставлению**_{Dat}) либо омонимична при различии падежных характеристик (*верить* _____{Dat} и *ждать* _____{Gen} **речи**_{Gen}). А. Азарина [2011] делает уточнение, что падежный синкретизм способен разрешить конфликт признаков не во всех случаях, а только если падежи имеют некоторые структурные сходства. Данный вывод сделан при сравнении нейтрального типа синкретизма (номинатив-аккузатив) с неоднозначным (партитив-датив). Однако Я.Г. Тестелец [2011] показывает, что требование идентичности падежа распространяется на шестипадежную систему и не учитывает «периферийные» граммы.

Чтобы рассмотреть, позволяет ли неоднозначный тип синкретизма разрешить падежный конфликт в конструкциях с общей структурой, мы провели экспериментальное исследование. На рис. 1 представлены средние оценки для филлеров и стимульных предложений. Условия, заключенные в рамки со сплошным контуром, содержат глаголы с одинаковым управлением (4а–7а), а условия в рамках с пунктирным контуром — с разным управлением (4б–7б). Регрессионный анализ с помощью линейной смешанной модели показывает, что фактор соотношения падежа является значимым. Условия внутри рамок со сплошным контуром получают значительно более высокие оценки, чем внутри пунктирных. Данные условия также значительно отличаются от грамматических и неграмматических филлеров, то есть занимают среднюю позицию на шкале приемлемости. Предложения с существительными II склонения, у которых формы генитива и датива различаются, выделены черной линией (4–5). Примеры с существительными III склонения, у которых совпадает форма датива и генитива, обозначены серой линией (6–7).

Статистический анализ не выявляет значимой разницы в приемлемости существительных с синкретизмом форм и без него.

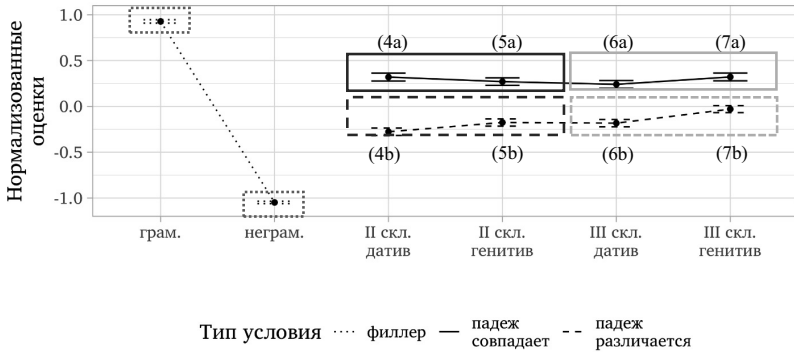

Рис. 1. Средние нормализованные оценки приемлемости

- (4) а. Сотрудники потакали _____Dat и сочувствовали _____Dat промедлению_____Dat своего коллеги.
 б. ??? Сотрудники остерегались _____Gen и сочувствовали _____Dat промедлению_____Dat своего коллеги.
- (5) а. Сотрудники остерегались _____Gen и стыдились _____Gen промедления_____Gen своего коллеги.
 б. ??? Сотрудники потакали _____Dat и стыдились _____Gen промедления_____Gen своего коллеги.
- (6) а. Сотрудники потакали _____Dat и сочувствовали _____Dat медлительности_____Dat своего коллеги.
 б. ??? Сотрудники остерегались _____Gen и сочувствовали _____Dat медлительности_____Dat своего коллеги.
- (7) а. Сотрудники остерегались _____Gen и стыдились _____Gen медлительности_____Gen своего коллеги.
 б. ??? Сотрудники потакали _____Dat и стыдились _____Gen медлительности_____Gen своего коллеги.

Средние значения времени чтения для существительного изображены на рис. 2. Статистический анализ показал, что ни один из экспериментальных факторов не оказывает влияния на время чтения объекта.

Результаты эксперимента демонстрируют, что рассматриваемые конструкции занимают среднюю область шкалы приемлемости, значимо отличаясь от грамматических и неграмматических филлеров. Сочинение сказуемых с одинаковым падежным управлением значимо более приемлемо, однако предложения с различным управлением предикатов также не являются абсолютно неграмматическими. Эффект синкретизма не был обнаружен: при сочинении дативного и генитивного глаголов в любом порядке приемлемость предложения

не зависит от того, присутствует в нем существительное III склонения с омонимией форм или II склонения без омонимии. При анализе времени чтения не было выявлено ни одного значимого контраста. Таким образом, падежный конфликт при подъеме правого узла в глагольной области не приводит к краху деривации, и эффект синкретизма не наблюдается для структурно несвязанных падежей.

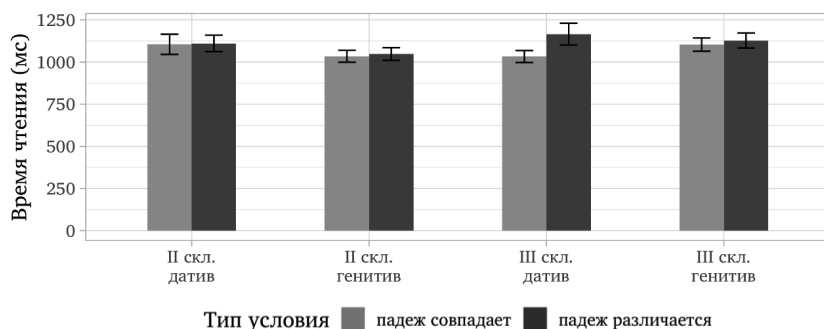

Рис. 2. Средние значения времени чтения существительного

Помимо сочинения сказуемых с общим дополнением, мы рассмотрели механизм означивания признаков оси в русских именных группах с сочиненными модификаторами.

Во-первых, мы изучили требования идентичности признаков. Предшествующие исследования С.В. Кодзасова [1987], О.И. Беляева, М. Далримпл и Дж.Дж. Лоу [2015] постулируют для данной структуры наличие существительного в каждом конъюнкте и последующее озвучивание только одного из них. Однако в том случае, если каждый из конъюнктов приписывает различные признаки существительному (*красные* ---_{pl} и *зеленый* ---_{sg} **карандаш**_{sg}), требуется изучить, как будет разрешаться конфликт. Если один из конъюнктов содержит признак единственного числа, а другой — множественного, то конфликт может разрешаться при озвучивании в пользу линейно ближайшего конъюнкта либо приводить к неграмматичности. При сочинении количественных групп с разными типами числительных также возникает конфликт признаков: при малых числительных требуется паукальная форма, тогда как при больших — форма множественного числа (*пять красных* ---_{pl} и *три зеленых* ---_{pc} **карандаша**_{pc}). В соответствии с анализом Д. Песецкого [2013], паукальная форма является бесчисловой и не означена по данному признаку, тогда как формы единственного и множественного числа имеют соответствующее значение признака. Помимо конфликта признака числа, возможно различие падежных призна-

ков при сочинении именной и количественной группы (*красные* —Nom *и шесть зеленых* —Gen *карандашей* Gen).

Для изучения данного вопроса было проведено экспериментальное исследование. На рисунке 3 представлены средние оценки приемлемости для филлеров и стимульных предложений. Результаты попарного сравнения показывают, что при отсутствии числительного в обоих конъюнктах конструкции с совпадающим числом оказываются значимо более приемлемыми, чем с различным признаком числа, как при единственном числе (8a, 8c), так и множественном числе (8b, 8d) второго конъюнкта. При наличии числительных в обоих конъюнктах соотношение числа конъюнктов, т. е. использование числительных одинакового или разных типов, не оказывает значимого влияния на оценки: это происходит при паукальном (8e, 8g) и при множественном числе (8f, 8h) второго конъюнкта. Конструкции без числительного получают более низкие оценки при единственном числе второго конъюнкта как в случае совпадения (8a–b), так и в случае различия числа конъюнктов (8c–d). При наличии двух числительных оказывается одинаковой приемлемость конструкций с паукальным (8e–f) и множественным числом (8g–h) второго конъюнкта. Наличие числительного в обоих конъюнктах при совпадении числа значимо повышает приемлемость для предложений с паукальным числом второго конъюнкта (8a, 8e), однако оказывается незначимо для предложений с существительным во множественном числе (8b, 8f). При различии числа конъюнктов наличие числительного также оказывает значимое влияние на приемлемость конструкций с паукальным (8c, 8g) и с множественным числом (8d, 8h) второго конъюнкта. При наличии числительного только в одном конъюнкте более приемлемым оказывается его расположение во втором, а не в первом конъюнкте (8i–j). Предложения, где числительное присутствует только в первом конъюнкте и отсутствует во втором, оказываются значимо менее приемлемы, чем предложения без числительных как с совпадающим (8b, 8i), так и с различным числом конъюнктов (8d, 8i). Конструкции с одним числительным, которое расположено во втором конъюнкте, получают значимо более низкие оценки, чем предложения с двумя числительными одинакового типа (8f, 8j) и различных типов (8h, 8j).

- (8) а. Кирилл описал московский ___sg и петербургский ___sg *театр*sg
в школьном докладе.
б. Кирилл описал московские ___pl и петербургские ___pl *театры*pl
в школьном докладе.
с. ??? Кирилл описал московские ___pl и петербургский ___sg *театр*sg
в школьном докладе.

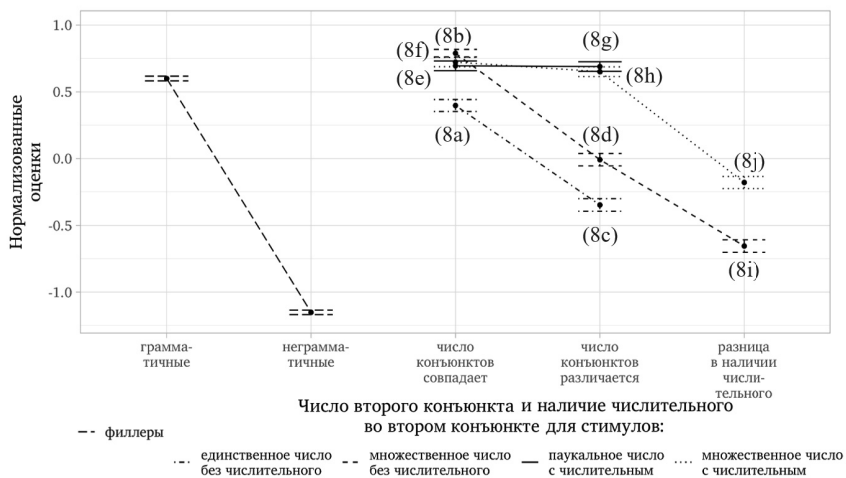

Рис. 3. Средние нормализованные оценки приемлемости

- d. [?]Кирилл описал московский ____sg и петербургские ____pl *театры*pl в школьном докладе.
- e. Кирилл описал два московских ____pc и три петербургских ____pc *театра*pc в школьном докладе.
- f. Кирилл описал пять московских ____pl и шесть петербургских ____pl *театров*pl в школьном докладе.
- g. Кирилл описал пять московских ____pl и три петербургских ____pc *театра*pc в школьном докладе.
- h. Кирилл описал два московских ____pc и шесть петербургских ____pl *театров*pl в школьном докладе.
- i. *Кирилл описал пять московских ____Gen и петербургские ____Nom *театры*Nom в школьном докладе.
- j. ^{???}Кирилл описал московские ____Nom и шесть петербургских ____Gen *театров*Gen в школьном докладе.

На рис. 4 представлена столбчатая диаграмма средних значений для времени чтения существительного. При отсутствии числительного значимая задержка при чтении наблюдается для существительных в конструкциях с различным числом конъюнктов в отличие от конструкций с совпадающим числом конъюнктов. В предложениях с двумя числительными данный контраст не наблюдается. Конструкции, где разница между конъюнктами состоит в наличии числительного, демонстрируют задержку при чтении существительного, однако ее размер не зависит от того, какой из конъюнктов содержит числительное. Предложения, где числительное присутствует в первом конъюнкте и отсутствует во втором, демонстрируют значимое различие во времени чтения существительного по сравнению

с конструкциями без числительных при совпадении числа конъюнктов, но не при различии числа конъюнктов. Те же зависимости наблюдаются для конструкций, где числительное отсутствует в первом конъюнкте и присутствует во втором: время чтения значимо отличается от конструкций с совпадающим, но не различным числом конъюнктов с двумя числительными. Значимая задержка при чтении существительного возникает в предложениях с различным числом конъюнктов при отсутствии числительных в сравнении с временем чтения при наличии числительных. При совпадении числа конъюнктов время чтения существительного значимо не различается при наличии и отсутствии числительных.

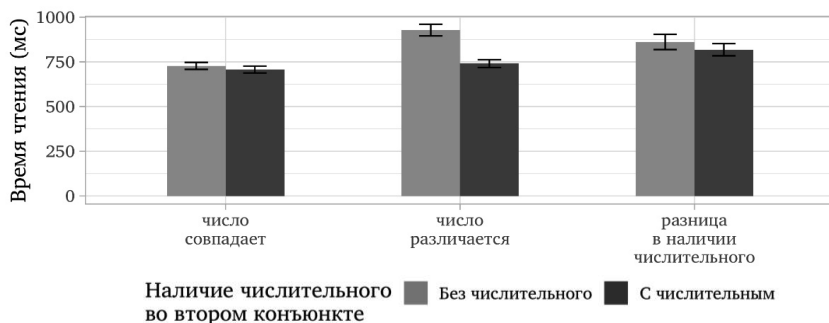

Рис. 4. Средние значения времени чтения существительного

Результаты экспериментального исследования показали, что согласование с ближайшим конъюнктом оказывается возможным, если отсутствует конфликт признака числа: один из конъюнктов имеет признак множественного числа, тогда как другой не обладает числовым признаком, что наблюдается при малых числительных. При наличии конфликта признака — сочинении прилагательного в единственном числе и прилагательного во множественном числе — приемлемость существенно снижается, возникают задержки при чтении. Конфликт может разрешаться в пользу множественного числа, тогда как согласование с ближайшим конъюнктом по единственному числу недопустимо. Также невозможным оказывается разрешение конфликта падежа при сочинении модификатора в генитиве и модификатора в аккузативе. Данные конструкции получают самые низкие оценки и демонстрируют самые большие задержки при чтении. Таким образом, наблюдается различие в возможности разрешения конфликта падежных признаков в именной и в глагольной области. Более существенное снижение приемлемости сопровождается задержками при чтении.

Во-вторых, мы проанализировали влияние морфологических характеристик существительного. При сочинении прилагательных единственного числа в данной конструкции возникает вариативность: грамматично и единственное, и множественное число оси. Предшествующие исследования С.В. Кодзасова [1987] и О.Е. Пекелис [2013] не рассматривали, как способ образования множественного числа влияет на согласование. В то время как Б. Харизанов и В. Грибанова [2013] выявляют следующую закономерность на материале болгарского языка: для супплетивных форм возможно только единственное число существительного (*найниското и найвисокото дете* / *дете ‘самый низкий и самый высокий ребенок / *дети’), для регулярных — только множественное (*българскиия и руски народи* / *народ ‘болгарский и русский народы / *народ’).

Помимо существительных, для которых возникает чередование в корне, интерес представляют формы с чередованием суффиксов. Если признак числа устроен привативно, он получает значение при множественном числе. Тогда после вставки существительного единственного числа невозможна замена на множественное (*котенюкята, *болгаритны) и приемлемо будет только единственное число. Если признак числа устроен эквиполентно, то признаки имеются при любом значении числа. Тогда изначально происходит вставка корня (*кот-*, *болгар-*), а затем выбирается суффикс и/или окончание: для единственного числа (*кот+енок*, *болгар+ин*) и для множественного (*кот+ята*, *болгар+ы*). В этом случае не должно быть разницы в приемлемости единственного и множественного числа.

Наконец, особенности восприятия форм с дефектной парадигмой — *singularia tantum* (латинское и древнегреческое наследие) и *pluralia tantum* (острые и тупые ножницы) — могут свидетельствовать о наличии эффекта синкретизма в данной конструкции.

Чтобы изучить, как связаны морфологический тип образования множественного числа и выбор стратегии согласования, было проведено экспериментальное исследование. На рис. 5 представлены средние оценки для филлеров и стимульных предложений. Статистически значимые контрасты между условиями обозначены знаком звездочки. Различие в приемлемости единственного и множественного числа оказывается значимым для форм с супплетивизмом и чередованием в корне (9a–b), а также для существительных с регулярной морфологией (12a–b). Разница в приемлемости единственного и множественного числа для форм с чередованием суффиксов (10a–b) и с дефектной парадигмой (11a–b) является статистически не значимой. Оценки для синкретичных форм с дефектной парадигмой в единственном числе (11a) статистически значимо отличаются от остальных типов существительных единственного числа:

супплетивных (9а), существительных с чередованием суффиксов (10а), форм с регулярной морфологией (12а), тогда как оценки для этих трех групп значимо не различаются между собой. Разница в приемлемости форм множественного числа оказывается статистически значимой между супплетивными (9б) и регулярными формами (12б), между супплетивными (9б) и дефектными существительным (11б), а также между формами с чередованием суффиксов (10б) и дефектной парадигмой (11б). Различия в оценках не значимы между множественным числом существительных с чередованием в корне (9б) и чередованием суффиксов (10б), между существительными с чередованием суффиксов (10б) и регулярными формами (12б), а также между регулярными (12б) и дефектными (11б).

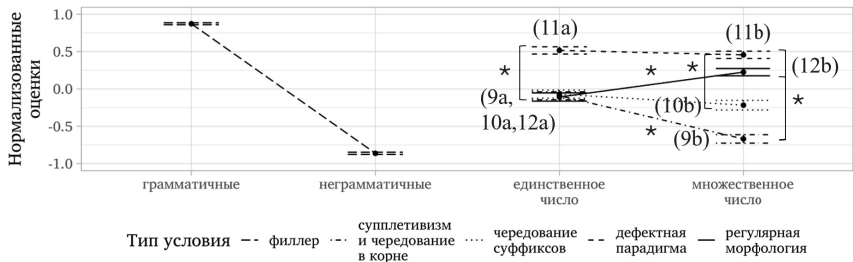

Рис. 5. Средние нормализованные оценки приемлемости

- (9) а. Усидчивый и подвижный ребенок сыграли в шахматы.
б. *Усидчивый и подвижный дети сыграли в шахматы.
- (10) а. Бодрый и усталый англичанин встретились на чаепитии.
б. Бодрый и усталый англичане встретились на чаепитии.
- (11) а. Близкая и дальняя родня приехали на свадьбу.
б. Хлопковые и замшевые брюки протерлись на коленках.
- (12) а. ?Талантливый и посредственный студент ответили у доски.
б. Талантливый и посредственный студенты ответили у доски.

На рис. 6 представлена диаграмма средних значений для времени чтения существительного. В единственном числе время чтения существительного для форм с чередованием суффиксов статистически значимо отличается от супплетивных форм и дефектных форм. В единственном числе значимо не различаются оценки для супплетивных и дефектных форм, для супплетивных и регулярных форм, для существительных с чередованием суффиксов и форм с регулярной морфологией, а также для дефектных и регулярных форм. Разница во времени чтения существительных множественного числа оказывается статистически значимой только между супплетивными и де-

фактными формами. Различия во времени чтения не значимы между существительными множественного числа всех остальных типов.

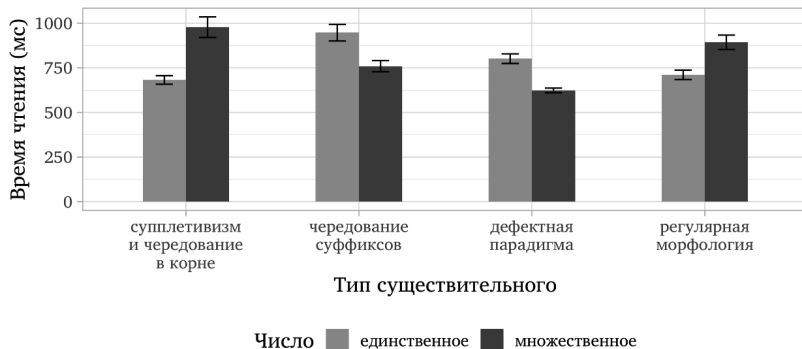

Рис. 6. Средние значения времени чтения существительного

Результаты эксперимента доказывают, что для супплетивных форм допустимым оказывается только единственное число существительных. В предложениях с множественным числом наблюдаются задержки при чтении. Формы с чередованием суффиксов демонстрируют иное поведение: единственное и множественное число одинаково возможны, что является аргументом в пользу эквиполентного устройства признака числа. Для регулярных форм оказывается более приемлемым множественное число, однако единственное число также допустимо. Время чтения синкретичных форм оказалось наименьшим, что свидетельствует о простоте их обработки — отсутствует необходимость выбора числовой формы.

Следующий раздел содержит теоретические обобщения на основании полученных эмпирических результатов.

Перспектив теоретического анализа

Наиболее приемлемым подходом к синтаксису сочиненных конструкций с общей структурой оказывается множественное подчинение.

При сочинении сказуемых DP одновременно является компонентом глагола в каждом конъюнкте, который присваивает ему падеж. Если управление предикатов совпадает, они приписывают одинаковый признак. При различном управлении объект получает признак глагола из ближайшего конъюнкта, что приводит к небольшому снижению приемлемости. Омонимия падежных показателей не оказывает влияния на стратегию означивания признака.

При сочинении именных модификаторов NP одновременно входит в состав каждого из конъюнктов, которые содержат доминирующую над существительным функциональную числовую вершину и адьюнгируемое к ней прилагательное. При совпадении признаков

числа конъюнктов существительное копирует значение единственного или множественного числа. В случае различного значения числа функциональной вершины — единственное vs множественное — возникает конфликт признаков, который разрешается в пользу множественного числа. Отсутствие конфликта признаков оказывается допустимым: оно возникает, если один из конъюнктов содержит малое числительное и не охарактеризован по числу. Конфликт признака падежа не разрешается в именной области и приводит к неграмматичности. Можно предположить, что конфликт падежа разрешается только при единообразном источнике признака (лексический глагол V для датива и генитива в глагольной области), но не при различии источников (числительное для генитива vs функциональная вершина *v* для аккумулятива в именной области).

Если числовая вершина имеет признак единственного числа, существительное может не только скопировать данный признак, но и означить его суммой признаков конъюнктов, то есть множественным числом. Одним из факторов, которые регулируют стратегию означивания, является морфологический тип образования числа. Для супплетивных существительных допустимым является только единственное число. Они поступают в деривацию с уже означенным признаком числа, поэтому согласование не запускается, и замена на множественное число оказывается невозможна. Тот факт, что для существительных с чередованием суффиксов оказываются допустимы и единственное, и множественное число, свидетельствует об эквивалентном устройстве признака числа.

Рассмотренные нами признаковые характеристики сочиненных конструкций с общей структурой позволяют сделать выводы о деривации данного явления, стратегиях означивания признаковых характеристик, механизмах разрешения конфликта, а также устройстве системы признаков. Применение количественных методов экспериментального синтаксиса свидетельствует в пользу достоверности и надежности полученных эмпирических данных, что позволяет использовать их для дальнейших теоретических обобщений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джакупова С.С., Зевахина Н.А. (Не)совпадение падежа при эллипсисе в сочинительных конструкциях на материале учебных текстов носителей русского языка // Инструментарий русистики: Ошибки и многоязычие / Под ред. А. Никунласси, Е. Протасовой. Хельсинки, 2014. С. 35–49.
2. Кодзасов С.В. Число в сочинительных конструкциях // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрика, А.С. Нариньяни. М., 1987. С. 204–219.
3. Лютикова Е.А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 1. Инфинитивные клаузы // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2022. № 5. С. 22–45.

4. Пекелис О.Е. Сочинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. Рукопись. 2013. URL: <http://rusgram.ru/Сочинение> (дата обращения: 15.08.2025).
5. Студеникина К.А. Об идентичности морфологических признаков при эллипсисе в русском языке: данные именных групп с сочиненными прилагательными // *Rhema. Рема*. 2023. № 2. С. 28–52.
6. Студеникина К.А. Проблема идентичности падежа и эффект синкретизма в русских конструкциях с подъемом правого узла // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2026. Т. 85. № 2.
7. Тестелец Я.Г. Падеж как признак идентичности при эллипсисе в русском языке // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»* / Под ред. А. Е. Кибрика, В. И. Беликова и др. М., 2011. С. 656–667.
8. Asarina A. Case in Uyghur and beyond. PhD thesis, Massachusetts Institute of Technology, 2011.
9. Belyaev O., Dalrymple M., Lowe J. Number mismatches in coordination: An LFG analysis // *Proceedings of the LFG15 Conference* / M. Butt, T. King (eds.). Stanford, CA, 2015. P. 26–46.
10. Grosz P. G. Movement and agreement in Right-Node-Raising constructions // *Syntax*. 2015. Vol. 18, no. 1. P. 1–38.
11. Harizanov B., Gribanova V. How across-the-board movement interacts with nominal concord in Bulgarian // *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society* 49. Chicago, IL, 2015. P. 115–129
12. Heycock C., Zamparelli R. Friends and colleagues: plurality, coordination, and the structure of DP // *Natural Language Semantics*. 2005. Vol. 13, no 3. P. 201–270.
13. Pesetsky D. Russian case morphology and the syntactic categories. Cambridge, MA, 2013.
14. Postal P. M. On Raising: One Rule of English Grammar and its Theoretical Implication. Cambridge, MA, 1974.
15. Shen Z. Feature arithmetic in the nominal domain. PhD thesis, University of Connecticut, 2018.
16. Studenikina K. Does the number morphology determine the agreement strategy? // *Proceedings of 13th International Conference of Experimental Linguistics*. Athens, 2022. P. 137–140.

REFERENCES

1. Asarina A. Case in Uyghur and beyond. PhD thesis, *Massachusetts Institute of Technology*, 2011.
2. Belyaev O., Dalrymple M., Lowe J. Number mismatches in coordination: An LFG analysis. *Proceedings of the LFG15 Conference*. M. Butt, T. King (eds.). Stanford, CA: CSLI Publication, 2015, pp. 26–46.
3. Dzhakupova C.S., Zevahina N.A. (Ne)sovpadenie padezha pri ellipsise v sochinitel'nyh konstrukciyah na materiale uchebnyh tekstov nositelej russkogo yazyka [Case (mis) match by ellipsis in coordinated constructions based on educational texts of Russian native speakers]. *Instrumentarij rusistiki: Oshibki i mnogoyazychie*. A. Nikunlassi, E. Protasova (eds.). Helsinki: University of Helsinki, 2014, pp. 35–49. (In Russ.).
4. Grosz P. G. Movement and agreement in Right-Node-Raising constructions. *Syntax*, 2015, vol. 18, no. 1, pp. 1–38.
5. Harizanov B., Gribanova V. How across-the-board movement interacts with nominal concord in Bulgarian. *Proceedings from the Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society* 49. Chicago, IL: Chicago Linguistics Society, 2015, pp. 115–129

6. Heycock C., Zamparelli R. Friends and colleagues: plurality, coordination, and the structure of DP. *Natural Language Semantics*, 2005, vol. 13, no 3, pp. 201–270.
7. Kodzasov S.V. Chislo v sochinitel'nykh konstrukciyakh [Number in coordinated constructions]. *Modelirovanie yazykovoi deyatelnosti v intellektualnykh sistemakh*. A.E. Kibrik, A.S. Narinyani (eds.). Moscow: Nauka, 1987, pp. 204–219. (In Russ.)
8. Lyutikova E.A. Est' li sintaksicheskij pod'em v russkom yazyke? Chast' 1. Infinitivnye klauzy [Does Russian attest syntactic raising? Part 1. Infinitival clauses]. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2022, no. 5, pp. 27–45.
9. Pekelis O.E. Sochinenie. [Coordination]. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisanija russkoi grammatiki*. Manuscript copyright. 2013. URL: <http://rusgram.ru/Co-чинение> (accessed: 15.08.2025). (In Russ.).
10. Pesetsky D. Russian case morphology and the syntactic categories. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.
11. Postal P. M. On Raising: One Rule of English Grammar and its Theoretical Implication. Cambridge, MA: MIT Press, 1974.
12. Shen Z. Feature arithmetic in the nominal domain. PhD thesis, *University of Connecticut*, 2018.
13. Studenikina K. Does the number morphology determine the agreement strategy? *Proceedings of 13th International Conference of Experimental Linguistics*. Athens: ExLing Society, 2022, pp. 137–140.
14. Studenikina K. Ob identichnosti morfologicheskikh priznakov pri ellipsise v russkom yazyke: dannye imennykh grupp s sochinennymi prilagatel'nymi [Towards the feature identity for ellipsis in Russian: Evidence from noun phrases with coordinated adjectives]. *Rhema*, 2023, no. 2, pp. 28–52.
15. Studenikina K. Problema identichnosti padezha i effekt sinkretizma v russkikh konstrukciyakh s pod'yomom pravogo uzla [Case (mis)match and syncretism effect in Russian constructions with Right Node Raising] // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2026. vol. 85, no. 2.
16. Testeleys Ya.G. Padezh kak priznak identichnosti pri ellipsise v russkom yazyke [Case as a characteristic of identity under ellipsis in Russian]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011, pp. 656–667. (In Russ.).

Поступила в редакцию 22.10.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 22.10.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Ксения Андреевна Студеникина — младший научный сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, техник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М.В. Ломоносова; xeanst@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Kseniia A. Studenikina — Junior Researcher at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, research assistant at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University; xeanst@gmail.com

АВТОМАТИЧЕСКОЕ РАЗРЕШЕНИЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ АББРЕВИАТУР В БИМЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТАХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.А. Митрофанова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия; o.mitrofanova@spbu.ru*

П.А. Гусяцкая

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; polinagousyatskaya@gmail.com*

Аннотация: В данной статье описывается исследование, посвященное разрешению неоднозначности (омонимии) инициальных аббревиатур в русскоязычных биомедицинских текстах. Неоднозначность является неотъемлемым свойством естественного языка, распространяющимся даже на кодифицированные сегменты, в частности на терминосистемы. Содержание биомедицинского домена представлено совокупностью терминологически насыщенных текстов, относящихся к разным направлениям медицины и смежных наук, вследствие чего аббревиатуры в таких текстах склонны к межсистемной неоднозначности. Процедура разграничения омонимичных аббревиатур опирается на методологию дистрибутивной семантики, предполагающую использование корпус-ориентированного подхода и контекстного анализа в разрешении неоднозначности. В рамках исследования был собран уникальный корпус неоднозначных медицинских аббревиатур на русском языке и контекстов их употребления. В корпус вошли 76 аббревиатур, имеющих от 2 до 11 значений; для каждого значения был проведен отбор контекстов методом случайной выборки, объем контекстов составляет примерно 150–160 словоупотреблений. На корпусе были проведены эксперименты по классификации с использованием классического алгоритма — машины опорных векторов (SVM), и предобученной нейросетевой модели RuBioBERT. Модель SVM, демонстрирующая самые высокие результаты среди классических методов машинного обучения, подтвердила свой статус и на терминологических текстах, показав аккуратность и F-меру в 0.94. Модель RuBioBERT достигла наивысших результатов для данной задачи — 0.98 по обоим метрикам. На нейросетевой модели были проведены дополнительные эксперименты с привлечением широкого и узкого контекста: результаты классификации показали, что более информативным для модели является широкий контекст. Также были сделаны предварительные выводы о влиянии абсолютного количества контекстов и их семантической близости на качество классификации.

Ключевые слова: разрешение неоднозначности; аббревиатура; биомедицинские тексты; классификация контекстов; дистрибутивно-семантические модели

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке СПбГУ, шифр проекта 123042000068-8.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-4

Для цитирования: Митрофанова О.А., Гусьякая П.А. Автоматическое разрешение неоднозначности аббревиатур в русскоязычных биомедицинских текстах // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 47–59.

AUTOMATIC ACRONYM DISAMBIGUATION IN RUSSIAN BIOMEDICAL TEXTS

Olga A. Mitrofanova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; o.mitrofanova@spbu.ru

Polina A. Gousyatskaya

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
polinagousyatskaya@gmail.com*

Abstract: This article is dedicated to automatic disambiguation of acronyms in Russian-language biomedical texts. Ambiguity is an inherent property of natural language, prominent even in its codified segments, namely, terminological systems. The biomedical domain is represented by a set of terminologically rich texts related to different fields of medicine and related sciences, therefore abbreviations in such texts are prone to intersystem ambiguity. The procedure for distinguishing homonymous abbreviations is based on the methodology of distributive semantics, which implies corpus-oriented approach and contextual analysis in resolving ambiguity. The problem in question called for compiling a unique corpus of contexts containing acronyms in different senses. The corpus includes 76 abbreviations exhibiting from 2 to 11 meanings; through random sampling we performed the context selection for each meaning, the sample size is approximately 150–160 tokens. Classification experiments were carried out using the classical algorithm — support vector machine (SVM), and the pre-trained RuBioBERT neural network model. The SVM model, which offers a reliable solution to the problem of resolving lexical ambiguity in texts of general semantics, confirmed its status in terminological texts, showing accuracy and F-measure of 0.94. The RuBioBERT model achieved the highest results for this task — 0.98 for both metrics. Additional experiments were performed with the neural network model involving a wide and a narrow context: classification results showed that a wide context is more informative. Preliminary conclusions were also drawn about the influence of the absolute number of contexts and their semantic proximity on the quality of classification.

Keywords: Word Sense Disambiguation; classification; acronyms; biomedical domain; context classification; distributional semantic models

Funding: This research was supported by Saint-Petersburg State University, project No. 123042000068-8.

For citation: Mitrofanova O.A., Gousyatskaya P.A. (2026) Automatic Acronym Disambiguation in Russian. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 47–59.

Введение

Исследовательская проблема, решение которой представлено в статье, связана с разрешением неоднозначности особого разряда лексических единиц, а именно аббревиатур, используемых в русскоязычных биомедицинских текстах. Инициальные аббревиатуры являются самостоятельными единицами терминосистемы и, благодаря своей компрессионной природе, обладают отличной от полной формы дистрибуцией и выполняют иные языковые функции [Алексеев 2019]. Сокращение плана выражения, происходящее при формировании подобных единиц, значительно увеличивает потенциал их неоднозначности.

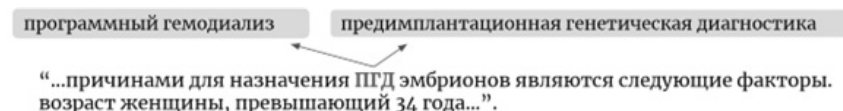

Рис. 1. Пример неоднозначной аббревиатуры в контексте

Неоднозначность — это неотъемлемое свойство естественного языка, распространяющееся в том числе на более кодифицированные его сферы — языки для специальных целей и терминосистемы. Биомедицинская терминосистема представляет собой совокупность нескольких поддоменов, соответствующих ветвям медицины и смежным наукам, что обуславливает то, что единицы ее терминосистемы проявляют межсистемную неоднозначность, другими словами, являются омонимами.

Предыдущие исследования

Проблема автоматического разрешения лексической неоднозначности (Word Sense Disambiguation, WSD) на материале русскоязычных биомедицинских текстов в литературе не представлена — настоящее исследование предлагает первое решение данной задачи в текстах обсуждаемого домена. Куда более широко проблема представлена на материале англоязычных текстов как общей, так и биомедицин-

ской тематики. В частности, благодаря тому, что англоязычный биомедицинский домен располагает несколькими крупными лексическими ресурсами для различных задач обработки естественного языка, широко распространены подходы, основанные на знаниях. Наиболее часто встречаются попытки расширить векторное представление терминов с помощью лексических ресурсов (прежде всего, wordnet-подобных словарей), а также эксперименты на выявление наиболее информативных для WSD признаков [Skreta et al. 2021; Li et al. 2019; Wu et al. 2015].

Подходы, основанные на знаниях, для русскоязычного биомедицинского домена не так актуальны из-за отсутствия высокоструктурированных лексических ресурсов достаточного объема. Исследования в этой области фокусируются на различных способах выделения информативных морфосинтаксических и семантических контекстных параметров: наиболее важными для настоящего исследования являются работы [Азарова, Марина 2006], где описан опыт классификации контекстов в тезаурусе RussNet на основе рамок валентностей, и [Митрофанова и др. 2012], посвященная разрешению лексико-семантической неоднозначности с помощью выделения конструкций с целевым словом.

Сбор данных

В рамках исследования был собран корпус контекстов, содержащих неоднозначные аббревиатуры в разных значениях. Первым шагом стало формирование списка неоднозначных аббревиатур и их значений: это было осуществлено вручную путем анализа словарных ресурсов. Каждое значение аббревиатуры представлялось как полная форма терминологического словосочетания, или развертка.

БКК:

0 – большой круг кровообращения

1 – базально-клеточная карцинома

2 – блокаторы кальциевых каналов

Рис. 2. Представление значений аббревиатуры в виде разверток

Для каждого значения при помощи ресурса Sketch Engine было собрано некоторое количество контекстов: данный корпусной ресурс дает возможность выгрузить из интернета конкорданс контекстов, в которых встречается заданное ключевое слово. Контекст было решено оставить максимально широким: 500 символов, или 70–80 токенов (слов) слева и справа от целевой развертки. Для обеспечения однозначности контекстов, выгружаемых для одного значения аббревиатуры, поиск в Sketch Engine велся по разверткам, а при добавлении в корпус развертка заменялась на аббревиатуру. Жанровый состав получившегося корпуса является смешанным: в основном он состоит из научно-популярных статей, посвященных медицинским феноменам, инструкций к лекарствам, обсуждений на форумах и т. д.

☐ Details	Left context	KWIC	Right context
81 ☐ allergovestnik...	рой (ранней) фазы	аллергической реакции	, развивающейся в 1
82 ☐ allergovestnik...	яющих в развитии	аллергической реакции	[63-81].</s><s>Дезлс
83 ☐ wikipedia.org	<s>Лекарственная	аллергическая реакция	развивается только
84 ☐ xn--80aehudwmij...	им добавкам и др.),	аллергических реакциях	, существующих заб
85 ☐ allergy.net	ции первого типа -	аллергические реакции	немедленного, или .

Рис. 3. Конкорданс, формируемый при помощи инструмента Sketch Engine

Нашей целью было выгрузить для каждого значения 80–200 контекстов: именно такое количество было признано, во-первых, минимальной адекватной выборочной совокупностью большого корпуса и, во-вторых, минимальным количеством данных, обуславливающим успешную автоматическую классификацию [Азарова, Марина 2006; Кашкин, Ляшевская 2015]. Однако частотность некоторых аббревиатур, а также отдельных значений оказалась неравномерной, в результате чего набор данных распался на три условные группы: сбалансированные аббревиатуры, все значения которых представлены 80–200 контекстами, аббревиатуры с частотными и периферийными значениями, а также редкие аббревиатуры, ни одно из значений которых не достигло отметки в 80 контекстов.

В окончательный набор данных вошло 76 аббревиатур. Количество значений варьируется от аббревиатуры к аббревиатуре: большинство из них — бинарные, остальные 30 % корпуса представлено аббревиатурами с 3–11 значениями. Средняя неоднозначность по корпусу насчитывает 3.61 значения.

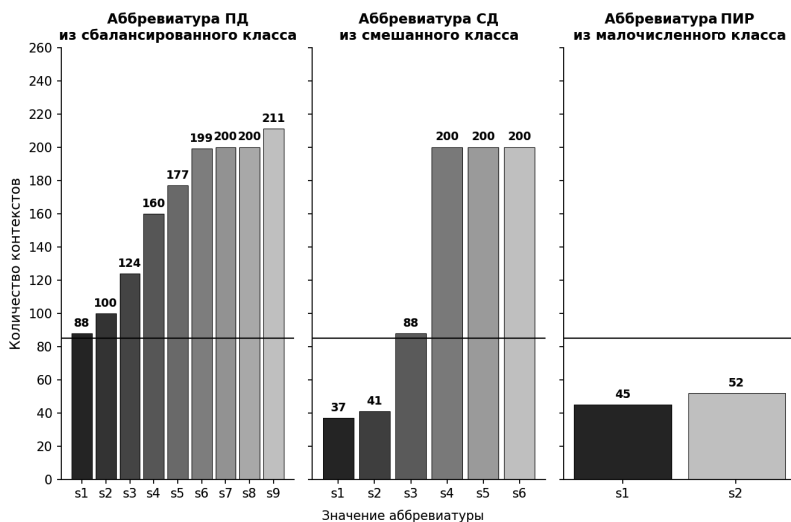

Рис. 4. Структура значений аббревиатур из трех классов

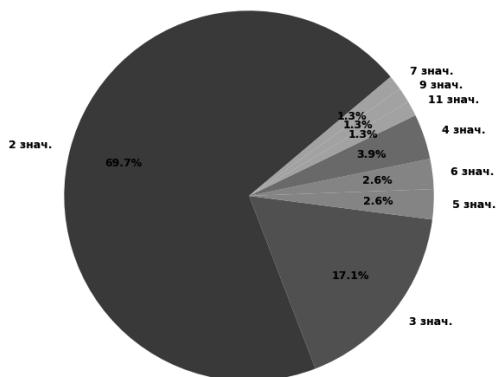

Рис. 5. Распределение аббревиатур в корпусе по количеству значений

Таблица 1

Фрагмент корпуса (контексты сокращены)

аббр.	развертка	№ знач.
ПГ	... в соединенном королевстве великобритании и северной ирландии, а симптомы заболевания у пациента возникли в декабре 2021 г. каждый случай циркуляции вирусов ПГ среди домашней птицы создает риск спорадического заражения человека...	0
ПГ	... в типичном развитии ПГ можно выделить 4 стадии, которым соответствуют местные симптомы заболевания: 1 стадия. на губах, языке, уголках рта, в других областях появляются зудящие, покалывающие ощущения, ...	1

Принцип работы алгоритма

В терминах машинного обучения разрешение лексической неоднозначности соответствует задаче классификации: модели, обученной на нашем наборе данных, предлагалось предсказать метку класса по подаваемому на вход контексту. Техническая реализация классификации осуществлялась средствами языка Python: библиотеками ресурса Scikit-learn, а также моделями платформы Hugging-Face.

Рис. 6. Схема работы классификатора

В рамках исследования мы протестировали на наборе данных два классификатора: классический алгоритм машинного обучения — машину опорных векторов и модель архитектуры Transformer — RuBioBERT [Yalunin 2022], предобученную на русскоязычных медицинских текстах.

Выбор SVM для эксперимента был обусловлен тем, что этот алгоритм был признан алгоритмом выбора среди классических методов машинного обучения в задаче разрешения неоднозначности на текстах общей тематики [Zhong, Ng 2010]. Более того, SVM дает более интерпретируемые результаты, чем RuBioBERT: линейный классификатор SVM является, по сути, двухклассовым — классификация производится по методу «один против всех», что дает нам ценные сведения об успешности отделения каждого класса от всех конкурирующих. Более того, в цели данного исследования входило сравнение результатов классического и нейросетевого алгоритмов.

Результаты

Машина опорных векторов на корпусе достигает средней аккуратности и F1-меры в 0.93. Такие показатели подтверждают, что SVM можно признать алгоритмом выбора для задачи разрешения неоднозначности не только на текстах общей тематики, но и на исследуемом нами материале. Стоит отметить, что рассматриваемый в нашем исследовании корпус представляет малые данные, что обуславли-

вает некоторые неточности в работе классификатора, которые, впрочем, не оказывают существенного влияния на усредненные показатели. Так, на отдельных аббревиатурах SVM показывает предельно возможный результат, что можно интерпретировать именно с точки зрения недостатка контекстов для того или иного значения.

Модель RuBioBERT на корпусе достигает аккуратности и F1-меры в 0.98, что на 5 % превышает условный baseline, заданный линейным классификатором. Таким образом, при всех достоинствах классического алгоритма, нейросетевая модель все-таки показывает свое преимущество.

Таблица 2

Результаты классификации

<i>метрика</i>	<i>F1</i>	<i>ACC</i>
SVM	0.93	0.93
RuBioBERT	0.98	0.976

Выводы и наблюдения

Машина опорных векторов (SVM)

Эксперименты с SVM, помимо всего прочего, позволили нам сделать несколько выводов о специфике текстов биомедицинского домена и факторах, влияющих на успешность классификации.

Так, по всей видимости, одним из таких факторов является абсолютное количество контекстов, доступных для каждого из значений неоднозначной аббревиатуры. В [Азарова, Марина 2006] утверждается, что адекватной выборочной совокупностью для неоднозначной лексемы является 100 контекстов. Эксперименты на небольшой тренировочной выборке — в 25 и 50 контекстов с широким контекстным окном — описаны в [Leacock, Chodorow 1998], однако такие алгоритмы достигали аккуратности в 40–50 %. При расширении выборки до 100 контекстов и более аккуратность поднималась до 80 %, что позволило рассматривать порог в 100 контекстов как минимально достаточный для успешной классификации значений.

По всей видимости, пороговое число контекстов, обеспечивающих успешное выделение контекстуальных маркеров, на наших данных располагается ниже указанного порога. Так, на аббревиатурах малочисленного подкорпуса (в него входили, например, аббревиатуры с соотношением контекстов по значениям 64/35 (АЕ), 64/26 (ЛТГ), 23/59 (МПА), 26/42 (ПГБ), 78/45 (ПДП) и т. д.) классификатор показывает адекватные результаты: аккуратность и F1-меру в 0.89.

По всей видимости, необходимым условием адекватного выделения класса является наличие у аббревиатуры хотя бы одного “сильного” значения, представленного достаточным количеством контекстов.

Вторым фактором успешной классификации стоит признать лексическое разнообразие контекстов, представляющих каждое из значений неоднозначной аббревиатуры. Анализ текстов корпуса показал, что знаменательные слова, составляющие контексты того или иного значения, можно поделить на две группы — в настоящей работе мы будем называть их тематическим и фактографическим контекстом. К первому будут относиться лексемы, принадлежащие к тематическим полям, соответствующим подсферам медицины, отраженным в нашем корпусе: кардиологии, фармакологии, иммунологии и т. д. Ко второму мы будем относить лексемы, соответствующие именованным сущностям, которые принято выделять из биомедицинских текстов: болезнь, лекарство, химическое соединение, орган и т. д.

Пример лексем тематического и фактографического контекстов:

(1) ...однако **почечная недостаточность** при ГБ, если нет **злокачественного течения**, развивается редко. **факторы риска артериальной гипертонии**...

Полученные результаты указывают на то, что в рамках задачи разрешения неоднозначности эти контексты неравнозначны — а именно, на широком контекстном окне ключевое значение для успешного выделения класса будет иметь тематический контекст, в то время как фактографический по этому признаку будет нейтрален. Кроме того, эксперимент показал, что близость тематических контекстов значений неоднозначной аббревиатуры может приводить к ухудшению результатов классификации даже при условии достаточного количества контекстов. Приведем в пример результаты работы SVM на аббревиатуре «АР», где классификатор выделяет малочисленный, но лексически специфичный класс «авторентген» более успешно, чем частотные, но лексически близкие классы «аллергическая реакция» и «аллергический ринит».

Таблица 3

Пример выделения лексически уникального, но малочисленного класса

<i>аббр.</i>	<i>развертка</i>	<i>кол-во контекстов</i>	<i>F1-мера</i>
АР	аллергическая реакция	200	0.89
	аллергический ринит	200	0.86
	авторентген	15	0.91

RuBioBERT

Наблюдения, касающиеся тематического и фактографического контекстов, побудили нас провести отдельные эксперименты на широком и узком контекстах. Идея сравнения широкого и узкого контекстов основывается на двух подходах к лексическому значению слова в контексте, описанных в работах “One Sense per Discourse” [Gale, Church, Yarowsky 1992] и “One Sense per Collocation” [Yarowsky 1993], — первая постулирует, что неоднозначная единица с высокой вероятностью будет встречаться в одном и том же значении в рамках одного текста (дискурса), вторая — что то или иное значение многозначного слова реализуется в локальном контексте внутри коллокации.

При расчете узкого контекстного окна мы пользуемся выводами [Митрофанова и др. 2012] о том, что локальный контекст неоднозначной лексемы может содержать сочетаемостную информацию, способную улучшить результаты разрешения лексико-семантической неоднозначности. Большинство полных форм аббревиатур, входящих в наш корпус, являются именными группами, поэтому в настоящем эксперименте контексты были ограничены с помощью окна [-3; +4], соответствующего синтаксическим группам, появляющимся в локальном контексте существительного.

Аккуратность и F-мера классификатора на локальном контексте понизились до средних показателей в 0.83. Это позволяет предположить, что для разрешения неоднозначности лексем терминологического узкоспециального текста, каковыми являются тексты биомедицинского домена, широкий тематический контекст оказывается более полезным. Это предположение в целом соответствует выводам [Martinez, Agirre 2020] о том, что принцип “One Sense per Collocation” не в полной мере применим к корпусам, для которых характерна тематическая или жанровая вариативность, поскольку коллокации, выученные моделью на одной теме, не всегда возможно обобщить в отношении других предметных областей.

Не противоречат полученные результаты и нашей гипотезе о тематической и фактографической лексике, составляющей каждый из контекстов. Экспертная оценка контекстов, ограниченных окном [-3; +4], позволяет предположить, что в ближайшем окружении аббревиатуры чаще встречаются именно фактографические лексемы, ранее показавшие себя как менее качественные контекстные маркеры, помогающие алгоритму правильно совершить классификацию. Характер распределения лексем по контекстам двух видов отражен в примерах (**тематический** контекст — полужирным, **фактографический** — подчеркнутым):

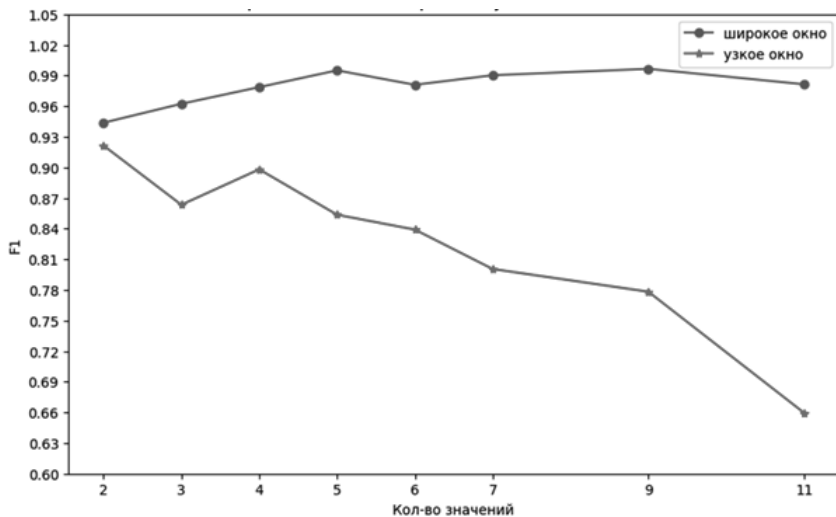

Рис. 7. F1-мера RuBioBERT на широком и узком контекстном окне

- (1) при этом виде **АС коронарные сосуды** расположены **проксимально**
- (2) заболеваний методах диагностики **АС порок сердца** сопровожденный деформацией
- (3) **генетическая** консультация лечение **СД** не может быть вылечен

Заключение

В статье описан опыт автоматического разрешения неоднозначности аббревиатур в русскоязычных биомедицинских текстах. В рамках исследования собран корпус контекстов употребления неоднозначных аббревиатур в разных значениях и проведены классификационные тесты на классическом алгоритме и нейросетевой модели, показавшие конкурентные по отношению к существующим на данный момент результаты. Анализ результатов классификации позволил сделать ряд выводов о специфике решения задачи WSD в терминологических текстах, а также факторов, потенциально влияющих на результаты: абсолютного количества контекстов, ширины контекста и лексической близости контекстов значений одной аббревиатуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азарова И.В., Марина А.С.* Автоматизированная классификация контекстов при подготовке данных для компьютерного тезауруса RussNet // Компьютерная

- лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог». 2006. С. 13–17.
2. Алексеев Д.И. Сокращенные слова в русском языке. М., 2019.
  3. Кашкин Е.В., Ляшевская О.Н. Типы информации о лексических конструкциях в системе ФреймБанк // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 6. С. 464–556.
  4. Митрофанова О.А. и др. Автоматическое разрешение лексико-семантической неоднозначности и выделение конструкций (на материале Национального корпуса русского языка) // Лексикология. Лексикография и Корпусная лингвистика. 2013. С. 122–143.
  5. Gale W.A., Church K., Yarowsky D. One sense per discourse // Speech and Natural Language: Proceedings of a Workshop Held at Harriman, New York, 1992.
  6. Leacock C., Chodorow M., Miller G.A. Using corpus statistics and WordNet relations for sense identification // Computational Linguistics. 1998. V. 24. № 1. P. 147–165.
  7. Li I. et al. A neural topic-attention model for medical term abbreviation disambiguation // arXiv preprint arXiv:1910.14076. 2019.
  8. Martinez D., Agirre E. One sense per collocation and genre/topic variations // arXiv preprint cs/0010027. 2000.
  9. Skreta, M., Arbabi, A., Wang, J. et al. Automatically disambiguating medical acronyms with ontology-aware deep learning // Nat Commun. 2021. V. 12, P. 5319.
  10. Wu Y. et al. Clinical abbreviation disambiguation using neural word embeddings // Proceedings of BioNLP 15. 2015. P. 171–176.
  11. Yalunin A., Nesterov A., Umerenkov D. RuBioRoBERTa: a pre-trained biomedical language model for Russian language biomedical text mining // arXiv preprint arXiv:2204.03951. 2022.
  12. Yarowsky D. One sense per collocation // Human Language Technology: Proceedings of a Workshop Held at Plainsboro, New Jersey, 1993.
  13. Zhong Z., Ng H. T. It makes sense: A wide-coverage word sense disambiguation system for free text // Proceedings of the ACL 2010 system demonstrations. 2010. P. 78–83.

REFERENCES

1. Azarova I.V., Marina A.S. Avtomatizirovannaya klassifikaciya kontekstov pri podgotovke dannyx dlya komp'yuternogo tezaurusa RussNet [Automatic context classification as part of preparing the data for a thesaurus RussNet]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'ny'e tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog», 2006*, pp. 13–17. (In Russ.)
2. Alekseev D.I. *Sokrashhenny'e slova v russkom yazy'ke*. [Abbreviated words in the Russian language]. Moscow, Knizhny'j dom «LIBROKOM» Publ., 2019. 346 p.
3. Kashkin E.V., Lyashevskaya O.N. Tipy' informacii o leksicheskix konstrukciyax v sisteme FrejmBank [Types of information about lexical collocations in FrameBank]. *Trudy' instituta russkogo yazy'ka im. VV Vinogradova. 2015, № 6*, pp. 464–556. (In Russ.)
4. Mitrofanova O.A. i dr. Avtomaticheskoe razreshenie leksiko-semanticheskoi neodnoznachnosti i vy'delenie konstrukcij (na materiale Nacional'nogo korpusa russkogo yazy'ka) [Automatic word sense disambiguation and collocation extraction (based on the Russian National Corpus)]. *Leksikologiya. Leksikografiya i Korpusnaya lingvistika*, 2013, pp. 122–143. (In Russ.)
5. Gale W. A., Church K., Yarowsky D. One sense per discourse. *Speech and Natural Language: Proceedings of a Workshop Held at Harriman, New York, 1992*.

6. Leacock C., Chodorow M., Miller G.A. Using corpus statistics and WordNet relations for sense identification // Computational Linguistics. 1998. V. 24. №. 1. P. 147–165.
7. Li I. et al. A neural topic-attention model for medical term abbreviation disambiguation // arXiv preprint arXiv:1910.14076. 2019.
8. Martinez D., Agirre E. One sense per collocation and genre/topic variations // arXiv preprint cs/0010027. 2000.
9. Skreta M., Arbabi A., Wang J. et al. Automatically disambiguating medical acronyms with ontology-aware deep learning // Nat Commun. 2021. V. 12, P. 5319.
10. Wu Y. et al. Clinical abbreviation disambiguation using neural word embeddings // Proceedings of BioNLP 15. 2015. P. 171-176.
11. Yalunin A., Nesterov A., Umerenkov D. RuBioRoBERTa: a pre-trained biomedical language model for Russian language biomedical text mining // arXiv preprint arXiv:2204.03951. 2022.
12. Yarowsky D. One sense per collocation // Human Language Technology: Proceedings of a Workshop Held at Plainsboro, New Jersey, 1993.
13. Zhong Z., Ng H. T. It makes sense: A wide-coverage word sense disambiguation system for free text // Proceedings of the ACL 2010 system demonstrations. 2010. P. 78–83.

Поступила в редакцию 22.10.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 22.10.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРАХ

Ольга Александровна Митрофанова — к.ф.н., доцент кафедры математической лингвистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; o.mitrofanova@spbu.ru

Полина Андреевна Гусяцкая — аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; polinagousyatskaya@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Mitrofanova — PhD, Associate Professor, Department of Computational Linguistics, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University; o.mitrofanova@spbu.ru

Polina A. Gousyatskaya — PhD Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; polinagousyatskaya@gmail.com

ЭКВАТИВНЫЕ И СИМИЛЯТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

Ю.В. Синицына

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва,
Россия; jv.sinitsyna@yandex.ru

Аннотация: Предметом исследования являются эквативные (*Петя (такой же) высокий, как Вася*) и симилятивные (*Петя поет, как Вася*) конструкции в татышлинском говоре удмуртского языка (< пермские < уральские). Материал получен в основном методом анкетирования в ходе экспедиций в Татышлинский район Республики Башкортостан в 2021–2023 гг., также используются данные устного корпуса. Конструкции анализируются на основании семантических и структурных параметров межъязыкового варьирования: семантика сравнения (по количеству, по образу действия или по признаку); возможность взаимодействия со степенными аргументами в эквативной конструкции; позиция стандарта в клаузе (предикативная или непредикативная); способ выражения стандарта сравнения (именные группы, адложные группы, клаузы и т. д.), доступные синтаксические позиции именной группы в объекте сравнения, с которой связан именной стандарт (подлежащее, прямое дополнение, косвенные объекты). Рассмотрены конструкции с маркерами *tānda*, *tusjem*, *kāz'ə*, *kad'*, *s'äin*, в основном с упором на отличия в употреблении двух последних. Показано, что эквативные конструкции с *kad'* относятся к имплицитному типу, согласно диагностике на наличие оценочного элемента в семантике конструкции, что было предложено Дж. Ретт. Элицитация и корпусные данные свидетельствуют о прагматическом характере эквативной или симилятивной интерпретации конструкций с *kad'*. Маркер *s'äin* тяготеет именно к симилятивным конструкциям. В конструкциях с обоими маркерами допускаются не только именные стандарты сравнения, но возможны только нефинитные глагольные формы.

Ключевые слова: эквативные конструкции; симилятивные конструкции; типология; татышлинский удмуртский

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ №22-18-00285-П.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-5

Для цитирования: Синицына Ю.В. Эквативные и симилятивные конструкции в татышлинском говоре удмуртского языка с точки зрения межъязыкового варьирования // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 60–70.

EQUATIVE AND SIMILATIVE CONSTRUCTIONS IN TATYSHLY UDMURT CROSS-LINGUISTICALLY

Julia V. Sinitsyna

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; jv.sinitsyna@yandex.ru

Abstract: This study focuses on equative (e.g. *John is as tall as me*) and similative (e.g. *John sings like a nightingale*) constructions in the Tatyshly Udmurt (< Permic < Uralic). I use my own field data collected in the Tatyshly district of the Republic of Bashkortostan in 2021–2023, as well as texts from the oral corpus. These constructions are described based on cross-linguistic semantic and structural parameters, such as the qualitative or quantitative of the comparison, the position of the standard of comparison within the clause (predicative or non-predicative), the syntactic type of the standard of comparison (e.g. noun phrases or clauses), and the position of the object of comparison associated with the nominal standard (e.g. subject, direct or indirect object). I focus primarily on the differences between constructions with *kad'* and *s'äin*, while also considering constructions with the markers *mânda*, *tusjem*, and *kâz'â*. I demonstrate that equatives with *kad'* convey an evaluative meaning and classify them as implicit equatives according to J. Rett's theory. Elicitation and corpus data suggest that equative or similative meaning of constructions with *kad'* is of a pragmatic nature. Conversely, the marker *s'äin* is used in similatives. Constructions with either of these markers allow nominal or clausal standards, but only non-finite verb forms are possible.

Keywords: equative constructions; similative constructions; typology; Tatyshly Udmurt

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation №22-18-00285-П.

For citation: Sinitsyna J.V. (2026) Equative and Similative Constructions in Tatyshly Udmurt Cross-linguistically. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 60–70.

1. Введение

В статье рассматриваются сравнительные конструкции, описывающие равенство или сходство между объектами по отношению к некоторому параметру: *он (такой же) высокий, как мой друг; он готовит как настоящий повар*. В последние годы отмечается рост интереса к изучению этой области в типологической и ареальной перспективе [Haspelmath, Buchholz 1998; Henkelmann 2006; Treis, Vanhove 2017; Rett 2020; Кошкарева, Плотников 2023; Полякова 2024] и др., также появляется все больше конкретно-языковых исследований. Цель настоящей работы — определить набор семантических и структурных параметров межъязыкового варьирования и представить на этой основе типологический портрет зоны сравнения по

равенству в татышлинском говоре удмуртского языка (< пермские < уральские).

Данные татышлинского говора удмуртского языка собраны методом анкетирования в ходе экспедиций в Татышлинский район Республики Башкортостан (д. Старый Кызыл-Яр, с. Нижнебалтачево, с. Старокальмиярово, д. Ивановка, с. Новые Татышлы) в 2021–2023 гг. Кроме этого, мы используем материал экспедиционного корпуса объемом на момент написания статьи около 75,6 тыс. словоупотреблений (февраль 2026 г.)¹.

2. Типологическая перспектива

Пример (1) иллюстрирует эквативную конструкцию, где сравниваются степени d_1 и d_2 признака ‘высокий’, которым обладают Роберт (объект сравнения) и Мария (стандарт сравнения). Конструкция в (1) принимает истинностное значение, если степени проявления признака у объекта и стандарта сравнения равны.

(1) *Robert is as tall as Maria.*

= *Robert is tall to the same extent as Maria.*

‘Роберт такой же высокий, как Мария’.

= ‘Роберт высокий в той же степени, что и Мария’.

[Haspelmath, Buchholz 1998: 278]

Пример выше относится к группе эксплицитных эквативов в классификации Дж. Ретт [Rett 2020]. Таким конструкциям противопоставляются имплицитные эквативы, семантика которых не предполагает оценку степеней напрямую. В качестве диагностического контекста в [Rett 2020] предлагается рассматривать наличие оценочной интерпретации.

Оценочная интерпретация возможна в случае, если степень обладания признаком в обязательном порядке превышает контекстно заданный стандарт. Например, продолжение в (2а) не вызывает противоречий, так как в самой конструкции фактически не делается никакого утверждения относительно роста Джейн. Говорящий в данном случае сообщает информацию о том, что степень проявления признака ‘высокий’ у Джейн равна степени проявления такого же признака у Билла. С другой стороны, (2б) не может быть продолжено аналогичным образом, так как утверждение о небольшом росте Джейн противоречит выводу из первой части высказывания, согласно которому приравниваются две ситуации ‘Джейн высокая’ и ‘Билл высокий’.

(2) а. *Jane is as tall as Bill, but she's short.*

‘Джейн такого же роста, как Билл, но она сама невысокая’.

¹ <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/>

6. *Jane is tall like Bill, #but she's small.*

‘Джейн высокая, как Билл, ??но она сама небольшого роста’.

[Rett 2020: 181]

Отдельную группу составляют конструкции, которые выражают количественное равенство элементов в множестве: *он купил **столько же** книг, **сколько** его сестра*. Как отмечается в [Haspelmath, Buchholz 1998: 300], некоторые языки допускают использование специальных количественных маркеров в конструкциях с параметрическими прилагательными, как, например, *высокий, длинный, широкий* и т. д.

Симилятивные конструкции выражают сходство образа действия (3), при этом параметр сравнения (сам образ действия) как таковой в конструкции отсутствует. Сравнение по образу действия более неоднозначно и может заключаться в сходстве сравниваемых сущностей (например, манеры пения человека и соловья) по ряду характеристик (высота тона, мелодия и т. д.).

(3) *He sings like a nightingale.*

= *He sings in the same way as a nightingale.*

‘Он поет как соловей’.

= ‘Он поет тем же образом, что и соловей’.

[Haspelmath, Buchholz 1998: 278]

С точки зрения структурных особенностей рассматриваются два параметра. Во-первых, конструкции разделяются на предикативные и непредикативные. В последних сравнительное значение передается с помощью специальных маркеров (*as, like* и т. д.). Эти маркеры присоединяют группу стандарта сравнения к предикату или выраженному параметру сравнения, аналогично компаративным маркерам, см. обзор исследований о структуре сравнительных конструкций в [Bacsikai-Atkari 2014], или к именной вершине в качестве определяемого: (*yesterday I saw [a girl [like you]]*) ‘вчера я видел девушку, похожую на тебя’. Такие контексты мы будем называть атрибутивными. В предикативных эквативах и симилятивах значение сравнения передается с помощью предиката ‘быть равным’, ‘быть подобным’ и т. д.: *Kim reaches/equals Pat in height* ‘Ким достигает/равна Пат в высоте’ [Haspelmath et al. 2017: 17].

Во-вторых, рассматривается способ выражения стандарта сравнения: именной группой, клаузой и т. д., ср., пример конструкции с клаузальным стандартом: *он говорит по-русски так же хорошо, как он говорит по-французски*. Если стандарт сравнения выражен именной группой, его внутреннее падежное оформление может сохраняться или не сохраняться в зависимости способа оформления

стандарта, аналогично стандартам сравнения в компаративных конструкциях, см. подробнее [Stassen 1985].

Помимо вопроса о сохранении внутреннего маркирования именного стандарта сравнения, представляется важным вопрос о том, с какой синтаксической позицией объекта сравнения может быть связан стандарт. Мы не встречали подробного обсуждения вопроса в типологических исследованиях, посвященных эквативным конструкциям, но в то же время данная проблематика часто рассматривается в связи со структурными особенностями стандартов сравнения в компаративных конструкциях, см., например, [Jhang 1994; Bhatt, Takahashi 2011].

Таблица 1 суммирует рассмотренные параметры межъязыкового варьирования, в соответствии с которыми далее будут проанализированы данные татышлинского говора удмуртского языка.

Таблица 1

Параметры межъязыкового варьирования эквативных и симилятивных конструкций

Параметр	Значение параметра
Параметр сравнения	количество / качественный признак / образ действия
Взаимодействие со степенными аргументами в эквативной конструкции	да (эксплицитные эквативы) / нет (имплицитные эквативы)
Позиция стандарта в клаузе	предикативная / непредикативная
Способ выражения стандарта сравнения	именные группы / неименные группы
Синтаксические позиции для объекта сравнения, связанного со стандартом	подлежащее / прямое дополнение / не-прямой объект / косвенный объект

3. Данные татышлинского говора удмуртского языка

Р.И. Яшина [1963] проводит подробное исследование эквативных и симилятивных конструкций литературного удмуртского языка. Всего выделяется шесть маркеров со сравнительным значением: *кадь, сямен, музэн, выллем, тусъем, мактал*. Маркеры *музэн, выллем* и *мактал* были признаны опрошенными носителями литературными, поэтому далее не рассматриваются; маркер *тусъем (tusjem)* употребляется в значении ‘быть похожим’ только в предикативной конструкции (4).

(4) а. *тон Пет'а тусjem / кад'.*
 я Петя наподобие
 ‘Я похож на Петю’.

б. **тон Пет'а тусjem d'užêt*
 я Петя наподобие высокий
 Ожид.: ‘Я высокий, как Петя’.

Маркер *kad'* может использоваться и в предикативных (4а), и в не-предикативных конструкциях. В примере (5) сопоставляются две ситуации — 'Петя купил молоко' и 'Вася купил молоко'.

- (5) *Pet'a Vas'a kad' ž'ól bas't-i-z.*
 Петя Вася EQU молоко купить-PRS-3SG
 'Петя купил молоко, как Вася'.

Примечательно, что использование в данном примере маркера *s'äin* не было однозначно разрешено опрошенными носителями:

- (6) *ʔPet'a Vas'a s'äin ž'ól bas't-i-z.*
 Петя Вася подобно молоко купить-PRS-3SG
 'Петя купил молоко, как Вася'.

Маркер *kad'*, но не *s'äin* употребляется в конструкциях, выражающих сравнение по признаку:

- (7) *pet'a vas'a kad' / ʔvas'a s'äin d'užđt.*
 Петя Вася EQU Вася подобно высокий
 'Петя высокий, как Вася'.

Мы рассматриваем конструкции в (7) как выражающие имплицитное сравнение, согласно классификации [Retz 2020]. Диагностика наличия оценочной интерпретации в (8) показывает, что такая интерпретация есть, чего не ожидалось бы для эксплицитных эквативов. Невозможность продолжить начало примера в (8) объясняется тем, что уточнение информации о росте Пети и Васи противоречит утверждению в первой части, в которой говорится не просто о том, что рост Пети соответствует росту Васи, а о том, что они оба высокие.

- (8) **pet'a vas'a kad' d'užđt kâk-na-zâ no lapeg.*
 Петя Вася EQU высокий два-COLL-POSS.3PL PTCL низкий
 Ожид.: 'Петя такой же высокий, как Вася, но они оба небольшого роста'.

Мы предполагаем, что семантика конструкций с *kad'* не подразумевает скалярную интерпретацию, а заключается в сопоставлении двух пропозиций. Сопоставление может происходить по любым аспектам — действию (5), обладанию признаком (7) и т. д., при этом возможные симилятивные или эквативные интерпретации могут быть следствием прагматики. Например, в (9) скорее имеется в виду не то, что говорящие обнимаются и целуются таким же образом, как это делают родные люди, а не влюбленные, а то, что и говорящие, и родственники выполняют одинаковые действия при встрече, следовательно, это можно сопоставить.

- (9) *Tugan'-n'os kad' ž'âgârja-s'k-is'k-om,*
 родственник-PL EQU обнимать-DETR-PRS-1PL
č'upa-s'k-is'k-om putis'k-âkâ...
 целоваться-DETR-PRS-1PL встречаться-CVВ
 'Как родные, при встрече целуемся, обнимаемся...' [Корпус]

Представленная семантика *kad'* объясняет широкий набор полисемичных контекстов, о чем подробнее см. [Синицына и др. 2024], а также его сочетаемость со стандартами сравнения вне зависимости от синтаксической связи с объектом сравнения.

В отличие от *kad'*, маркер *s'äin* тяготеет к контекстам, подразумевающим симилятивное сравнение (10). Симилятивная семантика *s'äin* объясняет затруднения, возникшие у некоторых опрошенных носителей при оценке примера (7), описывающего ситуацию покупки молока. Сравнение по образу действия в такой ситуации менее очевидно, чем в (10), где сравниваются танцевальные навыки.

- (10) *pet'a ton s'äin ekt-e.*
 Петя ты подобно танцевать-PRS.3SG
 'Петя танцует как ты'.

В корпусе устных текстов из 287 вхождений маркера (также с учетом 30 вхождений литературного варианта *s'amen*) 255, то есть 88 %, представляют собой контексты в значении 'на языке X' (11). Переход симилятивного значения в значение 'на языке X' можно легко представить: 'говорить как удмурт' значит 'говорить на языке удмуртов', употребление симилятивных маркерах в подобных контекстах типологически распространено, см. [Kuteva et al. 2019: 399].

- (11) *Kot' näl'-l'os u'murt s'äin vere-s'k-o.*
 хоть девушка-PL удмурт подобно говорить-DETR-PRS.3PL
 'Хоть девочки по-удмуртски разговаривают.' [Корпус]

Наоборот, из 145 вхождений маркера *kad'* в устный корпус, чуть больше половины, 82 контекста, относятся к именно к сравнительным конструкциям.

Наконец, для выражения количественного сравнения используется маркер *mānda*:

- (12) *Pet'a Vas'a mānda ž'ol bas't-i-z.*
 Петя Вася APPR молоко купить-PST-3SG
 'Петя купил столько молока, сколько Вася'.

Также имеется ряд маркеров, задающих эквативное сравнение по конкретному параметру. Например, маркер *d'užda* (ср. *d'užät* 'высокий') в (13) означает, что объекты сравниваются по высоте. Подобные маркеры зафиксированы в ряде других финно-угорских языков, см., к примеру, [Винклер 2024].

- (13) *pet'a vas'a d'užda (ik), kāk-na-zē no lapeg.*
 Петя Вася высотой_с PTCL два-COLL-POSS.3PL PTCL низкий
 'Петя одного роста с Васей, но они оба невысокие'.

Пример (13) также показывает, что конструкции с маркерами типа *d'užda* могут потенциально рассматриваться как эксплицитные эквативные конструкции, однако требуются дальнейшие уточнения,

например, относительно вклада частицы *ik* в семантику конструкции.

В структурном отношении мы подробно остановимся на сравнении конструкций с двумя маркерами, а именно с *kad'* и *s'äin*. Маркер *kad'* может использоваться и в предикативных, и в непредикативных, в том числе атрибутивных (14), контекстах. Маркер *s'äin* употребляется только в непредикативных контекстах вроде (10).

Что касается структурных особенностей эквативных и симилятивных конструкций, стандарты сравнения, вводимые обоими рассматриваемыми маркерами, могут соотноситься с объектами сравнения как в позиции подлежащего и прямого дополнения, так и в позиции косвенного объекта (14).

- (14) *mon gorod-[#](ân) kad' / gorod-*(ân) s'äin gurt-ân ul-is'ko-Ø.*
 я город-ЛОС как город-ЛОС подобно деревня-ЛОС жить-PRS-1SG
 'Я живу в деревне, как в городе'.
 'Я живу в деревне, похожей на город'.

Внутреннее маркирование стандарта падежом или послелогом сохраняется. Если стандарт сравнения не маркирован и группа стандарта с маркером *kad'* находится в препозиции к объекту сравнения, то вся конструкция приобретает атрибутивную интерпретацию 'похожий на N'. Напротив, конструкции с маркером *s'äin* имеют только обстоятельственную интерпретацию и могут быть только адъюнктом к глагольной группе.

В конструкциях с обоими маркерами также возможно выражение стандарта сравнения с помощью послеложной группы:

- (15) *val asfal't vâl-ti muzz'em *(vâl-ti)*
 лошадь асфальт верх-PROL земля верх-PROL
kad' / muzz'em *(vâl-ti) s'äin vorttâ-l-e.
 EQU земля верх-PROL подобно побежать_рысью-DETR-PRS.3SG
 'Лошадь бежит по асфальту, как по земле'.

Клаузальный стандарт в конструкции с *kad'* или *s'äin* может быть выражен только нефинитной глагольной формой, например, номинализацией:

- (16) а. **pet'a vas'a ekt-e kad' alama kârž'a-Ø.*
 Петя Вася танцевать-PRS.3SG EQU плохой петь-PRS.3SG
 б. *pet'a vas'a-len ekt-em-ez kad' alama*
 Петя Вася-GEN танцевать-NMLZ-POSS.3SG EQU плохой
kârž'a-Ø.
 петь-PRS.3SG
 Петя поет плохо, как Вася танцует'.

С финитными стандартами сравнения используется союзное слово *kâž'â* 'как':

- (17) *Kāz'ə bāgat-il'l'a-m, oz'ə l'uka-l'l'a-m,*
 как мочь-PL2/3-PST2 так собирать-PL2/3-PST2
čeberjä-s'k-il'l'a-m.
 украшать-DETR-PL2/3-PST2
 'Как могли, так и украшались, прихорашивались'. [Корпус]

* * *

Таким образом, мы рассмотрели эквативные и симилятивные конструкции в татышлинском говоре удмуртского языка с точки зрения основных параметров межъязыкового варьирования, отмечаемых для подобных конструкций. Основным средством выражения сравнения является маркер *kad'*, употребляющийся в широком кругу контекстов. Маркер *s'äin* тяготеет к симилятивным конструкциям, а в корпусе отмечается тенденция использовать его практически только в контекстах со значением 'на языке X'.

Мы показали, что эквативные конструкции с *kad'* относятся к имплицитному типу, согласно классификации Дж. Ретт. Элицитация и корпусные данные свидетельствуют о прагматическом характере эквативной или симилятивной интерпретации конструкций с *kad'*. К эксплицитным эквативам, по данным диагностики на оценочную интерпретацию, могут относиться конструкции со специальными показателями, сочетающими в себе значение параметра и маркера стандарта сравнения, например, *d'užda* 'высотой с'.

Конструкции с маркерами *kad'* и *s'äin* схожи в структурном отношении: с данными маркерами допускаются не только именные группы, но в клаузальных стандартах возможны только нефинитные глагольные формы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

2,3 — лицо; APPR — аппроксиматив; COLL — собирательность; DETR — детранзитив; EQU — экватив; GEN — генитив; ILL — иллатив; INS — инструменталис; ITER — итератив; LOC — локатив; NMLZ — номинализация; PTCL — частица; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST(2) — прошедшее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винклер М.-Э. А. Эквативно-аппроксимативные маркеры в финно-угорских языках: взаимодействие с количественными шкалами и развитие неоднозначности // Вопросы языкознания. 2024. № 4. С. 45–75.
2. Кошкарева Н.Б., Плотников И.М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216.
3. Полякова Е.Е. Такие же, как вокруг: эквасимилятивные конструкции в хваршинском языке // Рема. 2024. № 1. С. 28–60.

4. Синицына Ю.В., Мордашова Д.Д., Винклер М.-Э. А. Полисемия сравнительного маркера *kad'* в татышлинском говоре удмуртского языка // Урало-Алтайские исследования. 2024. № 4 (55). С. 90–112.
5. Яшина Р.И. Сравнительные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1963.
6. *Bacskai-Atkari J.* The syntax of comparative constructions: Operators, ellipsis phenomena and functional left peripheries. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2014.
7. *Bhatt R., Takahashi S.* Reduced and unreduced phrasal comparatives // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2011. №29(3). P. 581–620.
8. *Jhang S.E.* Headed nominalizations in Korean: relative clauses, clefts, and comparatives, Doctoral dissertation, Simon Fraser University, 1994.
9. *Haspelmath M., Buchholz O.* Equative and similative constructions in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin, 1998. P. 277–334.
10. *Henkelmann P.* Constructions of equative comparison // *Language Typology and Universals*. 2006. № 59. P. 370–398.
11. *Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S.* World lexicon of grammaticalization. 2nd, extensively revised and updated edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
12. *Rett J.* Separate but Equal: A Typology of Equative Constructions // P. Hallman (ed.). *Interactions of Degree and Quantification*. Leiden; Boston, 2020. P. 163–204.
13. *Stassen L.* Comparison and Universal Grammar. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
14. *Treis Y., Vanhove M.* (eds.). *Similative and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia, 2017.

REFERENCES

1. Winkler M.-E. A. Ekvativno-approximativnye markery v finno-ugorskikh yazykakh: vzaimodeystvie s kolichestvennymi shkalami i razvitie neodnoznachnosti [Equative-approximative markers in the Finno-Ugric languages: Interaction with quantitative scales and the development of ambiguity]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2024, no. 4, pp. 45–75. (In Russ.)
2. Koshkareva N.B., Plotnikov I.M. Metazyzyk opisaniya semantiki sravneniya kak yazykovogo znaka [Metalinguistic Representation of the Semantics of Comparison as a Linguistic Sign]. *Kritika i semiotika*. 2023, no. 2, pp. 180–216. (In Russ.)
3. Polyakova E.E. Takie zhe, kak vokrug: ehkvasimilyativnye konstruksii v khvarshinskoy yazyke [Just like the ones around here: Equasimilative constructions in Khwarshin and beyond]. *Rema*. 2024, no. 1, pp. 28–60.
4. Sinitsyna Yu.V., Mordashova D.D., Winkler M.-E. A. Polisemiya sravnitel'nogo markera *kad'* v tatyshlynskom govore udmurtskogo yazyka [Polysemy patterns of the equative marker *kad'* in Tatyshly Udmurt]. *Uralo-Altayskie issledovaniya*. 2024, no. 4 (55), pp. 90–112.
5. Yashina R.I. *Sravnitel'nye konstruksii v udmurtskom yazyke* [Comparative constructions in Udmurt]. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963.
6. *Bacskai-Atkari J.* *The syntax of comparative constructions: Operators, ellipsis phenomena and functional left peripheries*. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2014.
7. *Jhang S.E.* *Headed nominalizations in Korean: relative clauses, clefts, and comparatives*. Doctoral dissertation, Simon Fraser University, 1994.
8. *Bhatt R., Takahashi S.* Reduced and unreduced phrasal comparatives. *Natural Language & Linguistic Theory*, no. 29 (3). 2011, pp. 581–620.

9. Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similitive constructions in the languages of Europe. J. van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton. 1998, pp. 277–334.
10. Henkelmann P. Constructions of equative comparison. *Language Typology and Universals*. 2006, no. 59, pp. 370–398.
11. Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. *World lexicon of grammaticalization*. 2nd, extensively revised and updated edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2019
12. Rett J. Separate but Equal: A Typology of Equative Constructions. P. Hallman (ed.). *Interactions of Degree and Quantification*. Leiden; Boston: Brill, 2020, pp. 163–204.
13. Stassen L. *Comparison and Universal Grammar*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
14. Treis Y., Vanhove M. (eds.). *Similitive and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2017.

Поступила в редакцию 22.10.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 22.10.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Юлия Вячеславовна Синицына — преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; jv.sinitsyna@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Julia V. Sinitsyna — Teaching Fellow, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; jv.sinitsyna@yandex.ru

ОДУШЕВЛЕННОСТЬ И МАРКИРОВАНИЕ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В БАРТАНГСКОМ ЯЗЫКЕ

О.И. Беляев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Институт языкознания РАН, Москва; Россия; belyaev@ossetic-studies.org

Аннотация: Бартагский язык — один из немногих языков шугнано-рушанской группы (памирский ареал, восточноиранские > индоевропейские), в которых широко распространено дифференцированное маркирование прямого дополнения с помощью предлога *аз*. В основном этот предлог используется со структурно ограниченными классами именных групп: именами собственными, местоимениями, именными группами с демонстративом. Также засвидетельствованы употребления с формально немаркированными именами, не являющимися именами собственными, однако обладающими локальной уникальностью в рамках текста (например, протагонисты сказок). Однако не все употребления показателя *аз* можно объяснить подобным образом. Дополнения, не имеющие указанных выше признаков, могут маркироваться предлогом *аз* в случае, если они являются одушевленными, причем степень приемлемости выше для людей, чем для животных. Несмотря на приемлемость такого маркирования, оно является очень редким как в естественных текстах, так и при переводе с русского, английского и таджикского языков. Таким образом, следует выяснить, какой дополнительный фактор определяет возможность использования *аз* в таких случаях. В настоящей работе проводится проверка гипотезы о том, что на маркирование прямого дополнения влияет *относительное* расположение ядерных актантов — подлежащего и прямого дополнения — на иерархии одушевленности. Поскольку проведение полноценного экспериментального исследования для такого миноритарного языка, как бартагский, в настоящий момент не представляется возможным, мною был проведен неформальный опрос пяти носителей, в рамках которого им предлагалось перевести предложения, включающие все комбинации значений одушевленности (люди / животные / неодушевленные предметы) подлежащего и прямого объекта. Гипотеза подтвердилась лишь частично: неодушевленные объекты маркируются значительно реже одушевленных; в клаузах, где одушевленность подлежащего меньше или равна одушевленности прямого дополнения, *аз* используется значительно чаще, чем в обратной конфигурации. Однако, если исключить из рассмотрения клаузы с неодушевленными объектами (отсутствие маркирования которых предсказывается более простой гипотезой), эффект относительной одушевленности оказывается статистически слабым. При этом некоторые из собранных примеров

говорят о том, что более существенным фактором может быть потенциальная неоднозначность идентификации подлежащего и прямого дополнения. Влияние этого фактора на маркирование прямого дополнения в бартангском языке предстоит изучить в рамках отдельного исследования.

Ключевые слова: иранские языки; памирские языки; бартангский язык; дифференцированное маркирование объекта; одушевленность

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 24-18-00199 «Структура клаузы и позиционные феномены в языках SOV».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-6

Для цитирования: Беляев О.И. Одушевленность и маркирование прямого дополнения в бартангском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 71–89.

ANIMACY AND DIRECT OBJECT MARKING IN BARTANGI

Oleg I. Belyaev

*Lomonosov Moscow State University, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia;
belyaev@ossetic-studies.org*

Abstract: Bartangi is one of the few Shughni-Roshani languages (Pamir area, Eastern Iranian > Indo-European) where differential object marking (DOM) with the preposition *az* is widely attested. It is mainly used with a structurally restricted class of noun phrases: proper names, pronouns, NPs with demonstratives. It is also used with nouns that are formally unmarked and not proper nouns *per se*, yet possess local uniqueness within the text (e.g., fairy tale protagonists). However, not all uses of *az* can be explained in this way. Objects not having the features listed above may still be marked by *az* if they are animate, and the degree of acceptability is higher for humans than for animals. However, in spite of such marking being acceptable, it is very rare both in natural texts and during translation from Russian, English and Tajik. Therefore, it has to be established which additional factor determines the possibility of using *az* in such cases. In this paper I test the hypothesis that direct object marking is influenced by the relative position of the core argument — subject and direct object — in the animacy hierarchy. Since producing a full-fledged experimental study for such a minority language as Bartangi is currently impossible, I have conducted an informal survey of five native speakers where they were offered to translate sentences including all combinations of animacy values (humans / animals / inanimates) for the subject and direct object. The hypothesis was confirmed only partially: inanimate objects are marked significantly less frequently than animate ones; clauses where the animacy of the subject is less than or equal to the animacy of the object use *az* significantly less frequently than clauses with the opposite configuration. However, if clauses with inanimate objects are not taken into consideration (since their lack of marking is explained by the simpler hypothesis), the effect of relative animacy turns out to be statistically weak. At the same time,

some of the data that have been collected point towards ambiguity resolution as a more relevant factor. The influence of this factor on direct object marking in Bartangi is to be investigated within a separate study.

Keywords: Iranian languages; Pamir languages; Bartangi; differential object marking; animacy

Funding: This research has been supported by the Russian Science Foundation, project no. 24-18-00199 “Clause structure and positional phenomena in SOV languages”.

For citation: Belyaev O.I. (2026) Animacy and Direct Object Marking in Bartangi. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 71–89.

1. Введение

Бартангский — один из языков шугнано-рушанской группы (восточноиранские > индоевропейские), входящей в памирский языковой ареал [Edelman, Dodykhudoeva 2009]. На бартангском языке говорят в нескольких селениях на территории Горно-Бадахшанской АО (ГБАО) Республики Таджикистан, в нижней части долины р. Бартанг. Как и другие памирские языки, бартангский не имеет в Таджикистане официального статуса. Из-за отсутствия данных о владении языками в переписях точное число носителей бартангского неизвестно; его можно приблизительно оценить в несколько тысяч человек, с выраженной тенденцией к снижению числа носителей по причине массового отъезда из районов компактного проживания.

Как и другие памирские языки, бартангский характеризуется базовым порядком слов SOV, левым ветвлением в именной группе, совместным использованием предлогов и послелогов и сравнительно бедной системой словоизменительных категорий. Глаголы различают три времени — настоящее-будущее, прошедшее и перфект — посредством использования различных основ, преимущественно нерегулярных, и согласуются с подлежащим при помощи личностных суффиксов в настоящем времени и клитик второй позиции в прошедшем. Личные и указательные местоимения различают прямой и косвенный падежи, тогда как все остальные имена не демонстрируют падежных оппозиций; выражение множественного числа на существительных также является факультативным. Существительные в бартангском обладают признаком мужского или женского рода. По роду изменяются указательные местоимения, а также некоторые непереходные глаголы и небольшое число прилагательных. Как и в других памирских языках, в бартангском на-

блюдается тенденция к переосмыслению категории рода в терминах единичного/общего [Эдельман 1990: 176]¹.

В бартангском языке, как и в рошорвском и сарыкольском, большое развитие получило оформление прямых дополнений при помощи предлога *аз*, исторически аблативного [Эдельман 1990: 243]. В подавляющем большинстве случаев этот показатель используется — и строго обязателен — с формально ограниченным классом именных групп: с местоимениями, именными группами, содержащими демонстратив [Соколова 1960: 7], именами собственными, а также с приравненными к последним именами, обозначающими локально уникальных индивидов или протагонистов.

Однако использование *аз* изредка встречается и вне этого класса объектов. Целью настоящей работы является проверка того, какое влияние на маркирование объекта в бартангском оказывает фактор одушевленности. На материале опроса носителей удалось установить, что одушевленные объекты — люди и животные — маркируются существенно чаще, чем неодушевленные. Кроме того, была предпринята попытка оценить влияние на маркирование объекта относительной позиции актантов на иерархии одушевленности [Silverstein 1976]. Статистическая оценка выявила слабую степень значимости данного фактора, при этом более существенным оказывается использование *аз* для снятия неоднозначности при идентификации подлежащего и прямого дополнения, см. [Comrie 1989: 129–130]. Более точная характеристика этого фактора требует дальнейшего полевого исследования.

Материал бартангского языка собран в ходе экспедиций 2023–2025 гг. в с. Басид Рушанского района ГБАО, Таджикистан. Я благодарен всем носителям языка, предоставившим переводы и грамматические суждения. Все ошибки — на моей совести.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 описываются базовые правила маркирования прямого дополнения в бартангском языке. В разделе 3 дается обзор тех случаев, в которых дополнение маркируется *аз* несмотря на отсутствие формальных условий для его оформления, на материале опубликованных текстов и суждений носителей. В разделе 4 представлены результаты более систематического опроса носителей для контекстов различных типов. В раз-

¹ «...в языках шугнано-рушанской группы... категория единичного/общего выявляется в “перебоях” категории рода: здесь существительные, обозначающие животных (без указания на пол) и неодуш. предметы, употребляясь в значении общего, категориального, т. е. класса данных предметов, относятся обычно к м. р., независимо от их рода в значении конкретного, единичного предмета» [Эдельман 1990: 176].

деле 5 подводятся итоги исследования и рассматриваются дальнейшие перспективы.

2. Основные факторы маркирования прямого дополнения

Использование *аз* для маркирования прямого дополнения в бартангском языке в подавляющем большинстве случаев определяется структурными свойствами именной группы. Как указывала еще В.С. Соколова [1960: 7; 84], «в бартангском диалекте прямое дополнение, если оно выражено указательным или личным местоимением, а также существительным с указательным местоимением, оформляется посредством предлога *аз*». В подтверждение этого тезиса приводятся примеры (1)–(3); согласно суждениям носителей, опущение *аз* в этих примерах невозможно.

- (1) а. *аз*   *тамāш*   *wīn-ум*
 ОВJ   вы   видеть.PRS-1SG
 ‘вас вижу’ [Соколова 1960: 7]
- б. *аз*   *ум*   *wīn-ум*
 ОВJ   D3.F.OBL   видеть.PRS-1SG
 ‘её вижу’ [Там же]
- в. *аз*   *ум*   *китоб* *wīn-ум*
 ОВJ   D3.F.OBL   книга   видеть.PRS-1SG
 ‘ту книгу вижу’ [Там же]

Следует отметить, что в бартангском, как и в других памирских языках, указательные местоимения грамматикализованы в качестве анафорических определенных артиклей, см. об этом [Эдельман 1990: 174]. Следовательно, такое маркирование, как (1в), характерно не только для дейктических контекстов, но и для всех случаев, когда референт был ранее упомянут.

Данные текстов и опроса носителей показали, что помимо трех типов именных групп, выделенных В.С. Соколовой, *аз* также обязателен с именами собственными, обозначающими людей (2), и факультативен с именами собственными, обозначающими животных (3). Имена собственные, обозначающие неодушевленные объекты (прежде всего топонимы), маркирования не получают (4).

- (2) *Пулод*   *(*аз*)   *Зарифā*   *жōwч*
 П.   ОВJ   З.   любить
 ‘Пулод любит Зарифу’.
- (3) *Āз=ум*   (*аз*)   *Чунак*   *авӯг*.
 я.NOM=1SG ОВJ Ч.   найти.PST
 ‘Я нашел Чунака (имя собаки)’.

- (4) Тамерлан (*аз) Эрон инчӯвд.
 Т. ОВJ И. братъ.PST
 ‘Тамерлан захватил Иран’.

Важным следствием из этого набора правил является тот факт, что *аз* в бартангском обязателен всегда, когда в ИГ в позиции прямого дополнения выражен падеж. Действительно, в бартангском, как и в других языках шугнано-рушанской группы, падежное маркирование сохраняется только на личных и указательных местоимениях (в последнем случае — как в приименной позиции, так и в независимом употреблении). Как видно из (1), если прямое дополнение выражено таким местоимением или содержит его в качестве модификатора, использование *аз* обязательно, причем местоимение, как входящее в состав зависимого предлога, стоит в форме косвенного падежа. Местоимения в форме косвенного падежа без предлога, равно как и в форме прямого падежа, в позиции прямого дополнения не допускаются.

3. Маркирование прямого дополнения в отсутствие структурных факторов

В отсутствие перечисленных в предыдущем разделе свойств объекта *аз*, в общем случае, не используется. Как указывает В.С. Соколова [1960: 84], этот показатель «не употребляется при прямом дополнении, выражающем или неопределенный или собирательный (категориальный) объект... в остальных случаях (т. е. при определенной единичности предмета, но выраженной только контекстом) употребление [*аз*], по-видимому, факультативно». Судя по примерам, которые приводит В.С. Соколова, речь идет об именах, описывающих уникального индивида в контексте рассказа, т. е. относящихся к протагонистам и основным участникам повествования (5)–(6). В.С. Соколова приводит также пример (7) как контекст с факультативным *аз*, однако мои данные этого не подтверждают: в современном бартангском языке рефлексив воспринимается как местоимение и получает обязательное маркирование.

- (5) (аз) *ҳинзӯм* *вӣ* *мом* *зӯч*
 ОВJ колдунья ДЗ.М.ОВL бабушка убивать.PRF
 ‘его бабушка убила колдунью’ [Соколова 1960: 84]

- (6) (аз) *рӯиц* *нас* *дорӯ* *рамод*
 ОВJ лиса за лекарство посылать.PST
 ‘(лев) послал лисицу за лекарством’ [Там же].

- (7) *аз* *ху* *патавч* *ар* *ҳац*
 ОВJ REFL бросить.PRF LOC.DOWN вода
 ‘(он) бросился в воду’

Однако не все примеры, в которых прямое дополнение с вершиной — нарицательным существительным без местоименных модификаторов получает *аз*, можно объяснить таким образом. Так, примеры (8)–(14) представляют собой предложения из грамматики Н. Карамхудоева [1973], приведенные как изолированные фразы. В основном это пословицы (8)–(9) или генерические утверждения (10)–(11), (13), однако встречаются и эпизодические контексты (12) и (14). Во всех этих примерах — кроме (12), контекст которого неясен, — объект не является определенным, что опровергает обобщение В.С. Соколовой выше, согласно которому неопределенные или «категориальные» (в другой терминологии — родовые или генерические) объекты не оформляются *аз*.

- (8) *кӧл аз кӧл тӕна-де-д*
 лысый ОВJ лысый упрек-бить.PRS:3SG
 ‘Лысый лысого упрекает’ [Карамхудоев 1973: 286].
- (9) *кӕт-р=ат такӕ дод аз виӕчерн-ав инчевд*
 жадный-DAT=2SG кусок дать.PST ОВJ локоть-ЕХН хватать.PRS:3SG
 ‘Жадному подай кусок хлеба, он и руку оторвет’ [Карамхудоев 1973: 288].
- (10) *понд=и курцобилуқ вуд, мошӕн*
 дорога=SUBV неровный быть.PST.M машина
аз одам зент
 ОВJ человек убивать.PRS:3SG
 ‘Если дорога плохая, машина измучает человека’ [Карамхудоев 1973: 294].
- (11) *ӕм мӕш понд хӕл-ак вироз: мот ат*
 D1.NOM мы дорога много-DIM крутой усталый и
мофӕ аз одам кӕт
 усталый ОВJ человек делать.PRS:3SG
 ‘Эта наша дорога очень крута, устает человек’ (букв. «(дорога) утомляет человека») [Карамхудоев 1973: 300].
- (12) *палӕнг аз нахчӕр ар чевн пардивонт*
 леопард ОВJ козел LOC.DOWN овраг бросить.PST
ху тӕт ат пӕт суд
 SEQ разбитый идти.PST.M
 ‘Леопард бросил горного козла с обрыва, и тот разбился’ [Карамхудоев 1973: 304].
- (13) *гӕк дорг кӕвн-чег аз одам кӕн кӕт*
 сухой бревно половина-делать.INF ОВJ человек трудный делать.PRS:3SG
 ‘Сломать полусухое бревно человеку трудно’ (букв. «затрудняет человека») [Карамхудоев 1973: 312].

- (14) *нур-ав аз йи одам рамйй-ан ди,*
сейчас-ADV ОВJ один человек посылать.PRS-1PL LNK
лāk cārī йодд
JUS завтра прийти.PRS:3SG

‘Сегодня же пошлем одного человека, чтобы он завтра же вернулся’
[Карамхудоев 1973: 352].

Таким образом, в общем случае нельзя утверждать, что в барангском прямые дополнения, не относящиеся к одному из типов, описанных в разделе 2, не могут оформляться предлогом *аз*. Однако такое маркирование возникает в текстах крайне редко, в связи с чем можно поставить вопрос о том, с чем связано появление показателя *аз* с неоформленными именами.

Прежде всего, следует отметить, что практически во всех примерах выше в позиции прямого объекта оказывается существительное, обозначающее человека. Исключениями являются (9) с неодушевленным объектом² и (12) с объектом-животным. Это позволяет предположить, что одушевленность, как минимум, является одним из значимых факторов маркирования прямого объекта.

Действительно, при элицитации все опрошенные мною носители были единодушны в том, что использование *аз* с неоформленным именем, обозначающим человека, в целом приемлемо (15а); использование его с животными маргинально допустимо (15б), тогда как использование его с неодушевленными не допускается (15в).

- (15) а. [?]*Пулод аз одам вйнт.*
П. ОВJ человек видеть.PST
‘Пулод увидел человека’.
- б. ^{??}*Пулод аз рупц вйнт.*
П. ОВJ лиса видеть.PST
‘Пулод увидел лису’.
- в. ^{*}*Пулод аз дарахт вйнт.*
П. ОВJ дерево видеть.PST
(‘Пулод увидел дерево’).

Однако самого по себе этого наблюдения недостаточно для того, чтобы сделать обобщение о правилах маркирования прямого дополнения при отсутствии формальных условий, перечисленных выше: использование *аз* в (15а–б) все равно является крайне редким и скорее исключением, чем правилом.

² Впрочем, как отмечает анонимный рецензент, здесь рука является частью тела человека; имена с такими значениями в языках мира нередко ведут себя схоже с именами, обозначающими людей.

Помимо одушевленности, на дифференцированное маркирование прямого дополнения обычно влияют такие факторы, как определенность, порядок слов и информационная структура [Dalrymple, Nikolaeva 2011]. В бартангском влияние каких-либо из этих факторов обнаружить не удалось. Так, показатели определенности в языках мира можно в целом разделить на связанные с уникальностью («слабые») и связанные с анафоричностью («сильные»), см. [Schwarz 2009; 2013; 2019]. В бартангском языке функцию «сильного» артикля выполняют указательные местоимения (как правило, дальнего плана); их использование обязательно при повторном упоминании референта, ср. описание К. Паркера для шугнанского [Parker 2023: 142], в целом верное и для бартангского. Как указывалось выше, с указательными местоимениями (вне зависимости от их функции) использование *аз* обязательно. Уникальные референты в бартангском не получают какого-либо специального маркирования и не демонстрируют какого-либо специального предпочтения к маркированию при помощи *аз* по сравнению с примерами в (15): по умолчанию они остаются немаркированными, а для неодушевленных предметов маркирование запрещается, как видно из (16).

- (16) а. $\dot{A}z=ум$ *тар*   *хукумат*   *вуд*,   ([?]*аз*)
 я.NOM=1SG   LOC.EQ   правительство   быть.PST.M   OBJ
президент=ум   *вйнт*.
 президент=1SG   видеть.PRF
 ‘Я был в правительстве и видел президента’.
- б. *Па*   *осмон*   (^{*}*аз*)   *хёр*   *на*   *вйн-ум*
 LOC.UP   небо   OBJ   солнце   NEG   видеть.PRS-1SG
 ‘На небе я не вижу солнца’.

Похожим образом, несмотря на то, что в бартангском достаточно свободный порядок слов, перестановка актантов не оказывает какого-либо влияния на маркирование объекта. Такие порядки слов, как SVO или даже OSV (если актанты остаются различимыми из контекста), не демонстрируют какого-либо предпочтения для использования *аз* с прямым дополнением:

- (17) а. *Пулод*   *вйнт*   ([?]*аз*)   *рупиц*.
 П.   видеть.PST   OBJ   лиса
 б. ([?]*Аз*)   *рупиц*   *Пулод*   *вйнт*.
 OBJ   лиса   П.   видеть.PST
 ‘Пулод увидел лису’.

Топикальность, фокусность и контрастивность также не оказывают какого-либо заметного воздействия на маркирование, ср. (18) с контрастивным прямым дополнением:

- (18) Пулод (?? аз) **wurç** wĩnt, (?? аз) **rupc** на.
 П. ОВJ волк видеть.PST ОВJ лиса NEG
 ‘Пулод увидел не лису, а волка’.

Еще одним фактором, который может влиять на дифференцированное маркирование прямого дополнения, является его агентивность. Для осетинского, другого восточноиранского языка, демонстрирующего в целом похожее распределение объектного маркирования по одушевленности, в работах Н.В. Сердобольской и О.В. Тужик [в печати] было показано, что более агентивные (или, точнее, менее прототипически пациентивные) прямые дополнения с большей вероятностью получают объектное маркирование. Например, в предложении *Асад купил осла* объект скорее будет не маркирован, потому что осел выступает как предмет обмена, тогда как в предложении *Охотник поймал горного козла* маркирование объекта скорее должно появляться, поскольку здесь предполагается, что козел убегал от охотника. В бартангском в обоих типах контекстов использование *аз* менее предпочтительно, чем его отсутствие (19)–(20). Следовательно, влияние фактора агентивности для этого языка маловероятно.

- (19) Асад (?? аз) **маркӕб** зоӕт.
 А. ОВJ осел брать.PST
 ‘Асад купил осла’.
- (20) Палашон (?? аз) **нахчӕр** инчӕвд.
 охотник ОВJ козел брать.PST
 ‘Охотник поймал горного козла’.

В ходе опроса носителей, однако, выяснилось следующее обстоятельство: даже для тех носителей, которые не допускают использование *аз* с неодушевленными объектами, подобные предложения оказываются приемлемыми или даже выдаются в качестве первой реакции в контекстах, когда подлежащее также является неодушевленным:

- (21) Жер **аз** **мошин** дод.
 камень ОВJ машина бить.PST
 ‘Камень ударил машину’.

Такие примеры заставляют предположить, что определяющим фактором маркирования прямого дополнения в отсутствие структурных признаков (демонстратив, имя собственное и т. д.) является не одушевленность как таковая, но относительное положение двух ядерных актантов на иерархии одушевленности [Silverstein 1976].

4. Относительная одушевленность как фактор маркирования прямого дополнения

Поскольку бартангский является миноритарным и малоресурсным языком, проведение полномасштабного экспериментального исследования с систематическим опросом десятков носителей на данном этапе представляется невозможным. В ходе полевой работы летом 2025 г. мною был собран у пяти носителей набор из 60 контекстов, включающих все сочетания фактора «одушевленность» с тремя значениями — человек, животное, неодушевленный объект — у подлежащего и прямого дополнения, подобные (19)–(21), т. е. пары: HUM > HUM, HUM > ANIM, HUM > INAN, ANIM > HUM, ANIM > ANIM, ANIM > INAN, INAN > HUM, INAN > ANIM, INAN > INAN. Распределение контекстов по этим классам представлено в табл. 1. Разное количество контекстов в разных ячейках вызвано различным числом естественных примеров для этих сочетаний, а также стремлением включить как можно большее количество классов существительных в обеих позициях (различные типы животных, движущиеся и недвижимые предметы и т. д.).

Таблица 1

Распределение контекстов по одушевленности подлежащего и прямого дополнения

подлежащее	прямое дополнение		
	неодушевленное	животное	человек
неодушевленное	5	3	3
животное	8	8	8
человек	10	7	8

Контексты предлагались носителям на перевод, как правило, с русского; для одного носителя в качестве языка-посредника использовался английский, для другого — таджикский по причине лучшего знания ими этих языков. Существенного влияние на результаты, насколько можно судить, это не оказало.

Всего было собрано 273 контекста у пяти носителей; расхождение между общим количеством в 60 контекстов и меньшим числом реально собранных контекстов объясняется тем, что не все носители смогли перевести каждый контекст (прежде всего, по причине неестественности для них некоторых предложений).

Попытаемся сначала оценить влияние фактора одушевленности прямого дополнения без учета одушевленности подлежащего. В табл. 2 представлено распределение маркирования объекта при помощи *аз* по этому параметру.

Связь одушевленности и маркирования прямого дополнения

	∅	аз	всего
человек	50 (46,30 %)	58 (53,70 %)	108
животное	60 (54,55 %)	50 (45,45 %)	110
неодушевлённое	49 (89,09 %)	6 (10,91 %)	55

Даже поверхностная оценка этих результатов показывает, что маркирование неодушевленных объектов встречается крайне редко. При этом интересно, что для прямых дополнений — людей маркирование встречается даже несколько чаще, чем его отсутствие. Фактор одушевленности оказывается статистически значимым ($\chi^2 = 28,476$; $p < 0,01$). Однако различие между людьми и животными статистической значимостью не обладает ($\chi^2 = 1,4835$; $p > 0,10$). Таким образом, подтверждается общее наблюдение, что носители предпочитают не маркировать неодушевленные прямые дополнения, но о маркировании одушевленных ничего с определенностью сказать нельзя: в представленных контекстах они маркируются с примерно равной вероятностью.

Теперь рассмотрим влияние относительного расположения актантов на иерархии одушевленности. Общая частотность результатов представлена в табл. 3. Нетрудно заметить, что пропорции для контекстов « $S > O$ » и « $S < O$ » достаточно близки, так что имеет смысл рассматривать различие между случаем, когда подлежащее выше прямого дополнения на иерархии одушевленности (канонический случай), и случаем, когда статус обоих актантов равен или же прямое дополнение выше подлежащего (маркированный случай). Различие между этими типами контекстов является статистически значимым ($\chi^2 = 12,3569$; $p < 0,01$).

Таблица 3

Относительная одушевленность подлежащего и дополнения

	∅	аз	всего
$S > O$	59 (74,68 %)	20 (25,32 %)	79
$S = O$	64 (50,79 %)	62 (49,21 %)	126
$S < O$	36 (52,94 %)	32 (47,06 %)	68

Можно было бы предположить, что такой результат вызван общим запретом на маркирование неодушевленных прямых объектов. Действительно, такие будут встречаться преимущественно в классе $S > O$; в классе $S = O$ они довольно редки (так как число контекстов

INAN > INAN весьма невелико), тогда как в классе S < O они по очевидным причинам отсутствуют. Это может дать увеличение пропорции неоформленных объектов в случае, когда подлежащее выше прямого дополнения.

Поэтому можно рассмотреть те же категории, но без учета неодушевленных прямых дополнений, что представлено в табл. 4.

Таблица 4

**Относительная одушевленность подлежащего и дополнения
без учета неодушевленных дополнений**

	Ø	аз	всего
S > O	28 (60,87 %)	18 (39,13 %)	46
S = O	46 (44,23 %)	58 (55,77 %)	104
S < O	36 (52,94 %)	32 (47,06 %)	68

Такие результаты «на глаз» являются гораздо менее убедительными, и, действительно, различие между классами «S > O» и «S ≤ O» не является статистически значимым ($\chi^2 = 2,5279$; $p > 0,10$). Это, впрочем, не означает, что относительная позиция на иерархии одушевленности не играет никакой роли в выборе стратегии кодирования прямого дополнения, т. к. само по себе исключение неодушевленных объектов из данных в табл. 3 — достаточно искусственное решение. Тем не менее, нельзя исключить, что на значимость результатов в табл. 3 влияет размер выборки для различных позиций на иерархии и независимый фактор меньшей предпочтительности неодушевленных прямых дополнений.

Некоторые важные наблюдения можно сделать и рассмотрев каждую из типовых пар по отдельности, см. табл. 5. Как можно заметить, маркирование аз превышает отсутствие маркирования лишь в трех строках таблицы, и это ровно те строки, которые соответствуют вышеуказанному классу «S ≤ O», но только для одушевленных прямых дополнений (HUM > HUM, HUM > ANIM, ANIM > ANIM). Различие между этими тремя строками и остальными вариантами является статистически значимым ($\chi^2 = 21,2734$; $p < 0,001$).

Все это может указывать на то, что оформление одушевленных и неодушевленных прямых объектов подчиняется различным правилам. Неодушевленные прямые дополнения в подавляющем большинстве случаев не маркируются, и это оказывается важнее любых относительных иерархических эффектов. Для одушевленных же объектов значимым фактором оказывается относительная одушевленность подлежащего, но только в случае конкуренции между двумя одушевленными актантами.

**Частотность маркирования для всех сочетаний подлежащих
и прямых дополнений по одушевленности**

	Ø	аз	всего
HUM > HUM	25 (43,86 %)	32 (56,14 %)	57
HUM > ANIM	28 (60,87 %)	18 (39,13 %)	46
HUM > INAN	15 (93,75 %)	1 (6,25 %)	16
ANIM > HUM	15 (45,45 %)	18 (54,55 %)	33
ANIM > ANIM	21 (44,68 %)	26 (55,32 %)	47
ANIM > INAN	16 (94,12 %)	1 (5,88 %)	17
INAN > HUM	10 (55,56 %)	8 (44,44 %)	18
INAN > ANIM	11 (64,71 %)	6 (35,29 %)	17
INAN > INAN	18 (81,82 %)	4 (18,18 %)	22

Представляется, что такое распределение можно объяснить, если исходить из того, что дифференцированное маркирование прямого дополнения служит **снятию неоднозначности** того, кто в данном предложении является прямым дополнением. Такое объяснение часто предполагается для систем дифференцированного маркирования актантов [Comrie 1989: 129–130]. В частности, классическим случаем опционального маркирования агенса переходного глагола является язык хуа (ягария < трансновогвинейские), в котором эргатив используется только при неоднозначности идентификации актантов [Haiman 1980: 360]. Обращение к этой идее может позволить объяснить, почему в табл. 5 маркирование одушевленных объектов в контекстах с неодушевленным подлежащим оказывается ниже, чем в контекстах с одушевленным подлежащим. Дело в том, что, хотя контексты с неодушевленными подлежащими переходных глаголов безусловно являются непрототипическими, нельзя сказать, чтобы в таких контекстах возникала неоднозначность. Так, в контексте (22) ни один из пяти носителей не использовал предлог *аз*. Действительно, какая-либо неоднозначность здесь отсутствует: сложно предположить, чтобы козел поймал капкан.

- (22) *Капқан (*аз)   ваз   инчүвд.*
       капкан   овҗ   козёл   брать.PST
       ‘Капкан поймал козла.’

При этом в контексте (23), напротив, все пять носителей использовали *аз*, и это можно объяснить именно тем, что вполне вероятной является и обратная ситуация: конь мог споткнуться о камень копытом. То же самое можно сказать и о примере (21) выше.

- (23) Жер аз ворч дед.
камень овj конь бить.рст
(Сегодня с горы упал большой камень.) ‘Камень ударил коня’.

Чаще же всего неоднозначность возникает, если оба ядерных актанта — люди или животные: в этом случае ситуация обычно является достаточно симметричной, так что каждого из участников можно потенциально идентифицировать как агенса. Именно в таких контекстах маркирование объекта при помощи *аз* преобладает над отсутствием маркирования в табл. 5.

Идея о дифференцированном маркировании объекта как инструменте снятия неоднозначности неоднократно подвергалась критике, начиная, как минимум, с работы [Fish 1967: 81] об испанском показателе *a*, где справедливо указывалось, что в реальном дискурсе идентифицировать подлежащее и прямое дополнение всегда позволяет контекст. Однако, во-первых, низкая частотность неоднозначных контекстов не означает, что они не могли послужить «триггером» для грамматикализации объектного маркирования. Известно, что грамматикализация часто происходит на основании специальных контекстов, открывающих пространство для семантического или синтаксического анализа — т. н. переходных (bridging contexts [Heine 2002]) или «триггерных» (trigger contexts [Diewald 2002]) контекстов. Р. Экарт [Eckardt 2011] даже использует специальный термин «опасные контексты» (precarious context), чтобы подчеркнуть, что такие контексты могут не только быть низкочастотными, но и находиться в некотором смысле «на грани» приемлемости. Во-вторых, в случае с примерами (21)–(23), возможно, следует говорить не столько о снятии неоднозначности, сколько о более конкретном семантическом требовании — *обратимости* ситуации: как указывалось выше, в (21) и (22) актанты потенциально могут находиться в обратном отношении, тогда как в (23) это исключено.

Таким образом, иерархия одушевленности, судя по всему, не оказывает в бартангском непосредственного влияния на маркирование прямого дополнения (за возможным исключением частично запрета на оформление неодушевленных объектов). Однако опрос носителей выявил другой возможный фактор: «обратимость» ситуации или неоднозначность идентификации подлежащего и прямого дополнения. Более подробное изучение влияния этого фактора на маркирование прямого дополнения требует дополнительного сбора полевых данных в ходе дальнейших экспедиций.

Выявленные закономерности также представляют интерес с ареально-генетической точки зрения. Как указывает Г. Боссонг, основным фактором, определяющим маркирование прямого дополнения

в новоиранских языках, является определенность [Bossong 1985: 128–129]. Однако более подробное рассмотрение данных отдельных восточноиранских языков показывает, что в них основным фактором оказывается одушевленность: это верно, в частности, для осетинского [Сердобольская, Тужик 2025] и ягнобского [Выдрин 2023] языков. Бартангский в этом смысле предстает языком смешанного типа: с одной стороны, основным фактором маркирования объекта является определенность (связанная с конкретными структурными типами ИГ); с другой стороны, одушевленность также играет роль, причем, что особенно существенно, фактор относительной позиции ядерных актантов на иерархии одушевленности, предполагаемый в настоящей статье для бартангского, отмечается также для осетинского [Тужик 2026]. Возможно, указанные сходства вызваны принадлежностью этих языков к восточноиранскому типу; для проверки этого утверждения требуется обращение к большему числу языков этой ареально-генетической группы.

5. Заключение

В работе рассматривается вопрос о факторах, определяющих маркирование прямого дополнения показателем *аз* в бартангском языке. В большинстве случаев оформление прямого дополнения подчиняется правилам, сформулированными еще В.С. Соколовой [1960]: оформляются местоимения, именные группы с модификатором-демонстративом и имена собственные. Однако как в опубликованных источниках, так и при элицитации встречаются примеры, в которых *аз* маркирует дополнения, не удовлетворяющие этим условиям. При этом, согласно опросу носителей, единственным фактором, который оказывает заметное действие на маркирование таких «неоформленных» объектов, является одушевленность: неодушевленные объекты не могут получать *аз*, тогда как приемлемость маркирования животных ниже, чем приемлемость маркирования людей. Кроме того, допустимость использования *аз* на первый взгляд зависит от относительной одушевленности подлежащего и прямого дополнения: «неканонические» конфигурации, в которых одушевленность дополнения выше или равна одушевленности пациенса, скорее допускают *аз*, чем конфигурации, в которых представлено каноническое соотношение более одушевленного подлежащего и менее одушевленного дополнения.

Поскольку изолированные суждения носителей дают довольно противоречивую картину, а провести полноценное экспериментальное исследование для такого миноритарного и малоресурсного языка, как бартангский, не представляется возможным, мною был предпринят опрос пяти носителей в полевых условиях, включавший

все возможные относительные конфигурации подлежащего и прямого дополнения. Это позволило подтвердить влияние одушевленности на маркирование объекта, однако лишь частично: статистически значимым оказалось лишь различие между одушевленными и неодушевленными дополнениями, тогда как люди и животные маркируются примерно с равной частотностью. Анализ относительной одушевленности также дал противоречивые результаты: в целом этот фактор обладает высокой значимостью, но, если исключить из рассмотрения неодушевленные дополнения (которые сами по себе маркируются очень редко), корреляция оказывается очень слабой, находясь на грани статистической значимости. Таким образом, наблюдаемые «иерархические» эффекты, по всей вероятности, являются внешними проявлениями иного, пока не выясненного фактора.

Некоторые из собранных в ходе исследования контекстов оказались своего рода «минимальными парами»: при одинаковом соотношении одушевленности двух актантов в одном случае все носители выбрали вариант с *аз*, в другом — без. По всей видимости, в таких контекстах использование *аз* определяется неоднозначностью идентификации подлежащего и прямого дополнения: *аз* используется тогда, когда интерпретация предложения с обратным соотношением участников возможна ('камень ударил коня' ~ 'конь ударил камень'); в противном случае ('капкан поймал волка' ~ #'волк поймал капкан') использование *аз* недопустимо. Проверка этого фактора требует дальнейшего исследования с опорой на новый полевой материал.

СПИСОК ГЛОСС

ADV — адвербиализатор; D1 — ближний дейктик; D3 — дальний дейктик; DAT — датив; DIM — диминутив; EXN — показатель тотальности ('весь'); F — женский род; JUS — юссив; LNK — соединительный показатель; LOC.DOWN — предлог, обозначающий местоположение ниже говорящего; LOC.UP — предлог, обозначающий местоположение выше говорящего; M — мужской род; NEG — отрицание; NOM — номинатив; OVJ — показатель прямого объекта; OVL — косвенный падеж; PL — множественное число; PRF — перфект; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SEQ — показатель темпоральной последовательности; SG — единственное число; SUBD — подчинительный союз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выдрин А.П. Дифференцированное падежное маркирование объекта в ягнобском языке // Язык как он есть: Сб. ст. к 60-летию Андрея Александровича Кибрика / Ред.-сост. Т.И. Давидюк, И.И. Исаев, Ю.В. Мазурова, С.Г. Татевосов, О.В. Федорова. М.: Буки Веди, 2023. С. 160–166.

2. *Карамхудоев Н.* Бартангский язык (фонетика и морфология). Душанбе, 1973.
3. *Сердобольская Н.В., Тужик О.В.* Агентивность прямого дополнения и дифференцированное объектное маркирование в иронском диалекте осетинского языка // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 1, 2025. В печати.
4. *Соколова В.С.* Бартангские тексты и словарь. М., 1960.
5. *Тужик О.В.* Свойства субъекта и дифференцированное маркирование объекта в иронском диалекте современного осетинского языка // Индоиранские языки. Т. 2, вып. 2, 2026. В печати.
6. *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.
7. *Bosson G.* Empirische Universalienforschung: differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1985.
8. *Comrie B.* Language universals and linguistic typology. Moscow, 1989.
9. *Dalrymple M., Nikolaeva I.* Objects and information structure. Cambridge, 2011.
10. *Diewald G.* A model for relevant types of contexts in grammaticalization // Wischer I., Diewald G. (eds.). Reflections on Grammaticalization. Amsterdam, 2002. P. 103–120.
11. *Eckardt R.* Semantic reanalysis and language change // Language and Linguistics Compass 5 (1), 2011. P. 33–46.
12. *Fish G. T.* “A” with Spanish Direct Object // Hispania. 1967. 50 (1). P. 80–85.
13. *Haiman J.* Hua: A Papuan Language of the Eastern Highlands of New Guinea. Amsterdam, 1980.
14. *Heine B.* On the role of context in grammaticalization // Wischer I., Diewald G. New Reflections on Grammaticalization. Amsterdam, 2002. P. 83–101.
15. *Parker C.* A grammar of the Shughni language. Doctoral dissertation, McGill University, 2023.
16. *Schwarz F.* Two types of definites in natural language. Doctoral dissertation, University of Massachusetts at Amherst, 2009.
17. *Schwarz F.* Two kinds of definites cross-linguistically // Language and Linguistics Compass 7 (10), 2013. P. 534–559.
18. *Schwarz F.* Weak vs. strong definite articles // Aguilar-Guevara A., Pozas Loyo J., Vázquez-Rojas Maldonado V. (eds.). Definiteness across languages. Berlin, 2019. P. 1–37.
19. *Silverstein M.* Hierarchy of features and ergativity // Dixon R. M. W. (ed.). Grammatical categories in Australian languages. Canberra, 1976. P. 112–171.

REFERENCES

1. Vydrin A.P. “Differentsirovannoe padezhnoe markirovanie ob’ekta v iagnobskom iazyke” [“Differential Case Marking of Object in Yaghnobi Language”]. Iazyk kak on est’: Sb. st. k 60-letiiu Andreia Aleksandrovicha Kibrika, ed. T.I. Davidiuk, I.I. Isaev, Iu.V. Mazurova, S.G. Tatevosov, and O.V. Fedorova, Moscow, Buky Vedi Publ., 2023, pp. 160–166. (In Russ.)
2. Karamkhudoev N. Bartangskii iazyk (fonetika i morfologiya) [Bartangi Language (Phonetics and Morphology)]. Dushanbe, 1973. 312 p. (In Russ.)
3. Serdobol’skaia N.V., Tuzhik O.V. “Agentivnost’ priamogo dopolneniia i differentsirovannoe ob’ektnoe markirovanie v ironskom dialekte osetinskogo iazyka” [“Agentivity of Direct Object and Differential Object Marking in Iron Dialect of Ossetic Language”]. Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov, no. 1, 2025, in press. (In Russ.)
4. Sokolova V.S. Bartangskie teksty i slovar’ [Bartangi Texts and Dictionary]. Moscow, 1960. 248 p. (In Russ.)

5. Tuzhik O.V. “Svoistva sub’ekta i differentsirovannoe markirovanie ob’ekta v ironskom dialekte sovremennogo osetinskogo iazyka” [“Properties of Subject and Differential Object Marking in Iron Dialect of Modern Ossetic Language”]. *Indoiranskije iazyki*, vol. 2, no. 2, 2026, in press. (In Russ.)
6. Edel’shtein D.I. *Sravnitel’naia grammatika vostochnoiranskikh iazykov. Morfologija. Elementy sintaksisa* [Comparative Grammar of East Iranian Languages. Morphology. Elements of Syntax]. Moscow, 1990. 328 p. (In Russ.)
7. Bossong G. *Empirische Universalienforschung: differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1985.
8. Comrie B. *Language universals and linguistic typology*. Moscow, 1989.
9. Dalrymple M., Nikolaeva I. *Objects and information structure*. Cambridge, 2011.
10. Diewald G. A model for relevant types of contexts in grammaticalization // Wischer I., G. Diewald (eds.). *Reflections on Grammaticalization*. Amsterdam, 2002. P. 103–120.
11. Eckardt R. Semantic reanalysis and language change // *Language and Linguistics Compass* 5 (1), 2011. P. 33–46.
12. Fish G. T. “A” with Spanish Direct Object // *Hispania* 50 (1), 1967. P. 80–85.
13. Haiman J. *Hua: A Papuan Language of the Eastern Highlands of New Guinea*. Amsterdam, 1980.
14. Heine B. On the role of context in grammaticalization // Wischer I., Diewald G. *New Reflections on Grammaticalization*. Amsterdam, 2002. P. 83–101.
15. Parker C. *A grammar of the Shughni language*. Doctoral dissertation, McGill University, 2023.
16. Schwarz F. *Two types of definites in natural language*. Doctoral dissertation, University of Massachusetts at Amherst, 2009.
17. Schwarz F. Two kinds of definites cross-linguistically // *Language and Linguistics Compass* 7 (10), 2013. P. 534–559.
18. Schwarz F. Weak vs. strong definite articles // Aguilar-Guevara A., Pozas Loyo J., Vázquez-Rojas Maldonado V. (eds.). *Definiteness across languages*. Berlin, 2019. P. 1–37.
19. Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // Dixon R. M. W. (ed.). *Grammatical categories in Australian languages*. Canberra, 1976. P. 112–171.

Поступила в редакцию 22.10.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 22.10.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Олег Игоревич Беляев — к.ф.н., доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник сектора иранских языков Института языкознания РАН; belyaev@ossetic-studies.org

ABOUT THE AUTHOR

Oleg I. Belyaev — PhD, Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Department of Iranian Languages, Institute of Linguistics RAS; belyaev@ossetic-studies.org

СЕМАНТИКА ЗАИМСТВОВАНИЙ *BEDOX* И *TOSSIA* В ТАБЛИЧКАХ ИЗ ВИНДОЛАНДЫ

А.Д. Леонович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; leons1807@gmail.com

Аннотация: Данная статья посвящена анализу заимствований, зафиксированных в латинских текстах I–II вв. н. э., основной материал исследования составляют таблички, обнаруженные на территории римского форта Виндоланда. Упомянутый археологический памятник, расположенный в Британии, известен тем, что в ходе раскопок там было найдено более тысячи тонких деревянных табличек, которые римлянами использовались в качестве писчего материала. Содержащаяся в табличках из Виндоланды повседневная корреспонденция, а также многочисленные хозяйственные и военные записи, отражающие живую разговорную речь как военных, так и гражданских жителей форта, представляют собой в высшей степени ценный и уникальный источник для изучения истории народного латинского языка и языковых контактов в провинциальной среде.

В статье рассматриваются две лексемы — *bedox* и *tossia*, — которые засвидетельствованы в текстах из Виндоланды. Их орфографические и семантические особенности анализируются в сопоставлении с данными античных авторов, эпиграфических надписей и средневековых латинских словарей. Особое внимание уделено уточнению значений этих гапаксов, обозначающих, вероятно, разновидности тканей или одежды.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют уточнить контекст использования данных лексем в северо-западных провинциях. Материал табличек из Виндоланды наглядно демонстрирует, что интенсивное взаимодействие между латинским языком и языками имперских окраин — кельтскими, бриттскими и т. д. — оказало в конечном счете устойчивое и долговременное влияние на развитие региональных вариантов народной латыни непосредственно на территории Британии.

Ключевые слова: латинский язык; заимствования; Виндоланда; текстильная терминология; римская Британия; народная латынь; билингвизм

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-7

Для цитирования: Леонович А.Д. Семантика заимствований *bedox* и *tossia* в табличках из Виндоланды // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 90–99.

THE SEMANTICS OF THE LOANWORDS *BEDOX* AND *TOSSIA* IN THE VINDOLANDA TABLETS

Anastasia D. Leonovich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; leons1807@gmail.com

Abstract: This article analyses loanwords attested in Latin texts of the 1st–2nd centuries AD, with the primary research material comprising the writing tablets discovered at the Roman fort of Vindolanda. This archaeological site in Britain is renowned for yielding over a thousand thin wooden tablets, which were used by the Romans as writing material. The everyday correspondence contained within the Vindolanda tablets, along with numerous military and administrative records, reflect the natural colloquial speech of both the military personnel and civilian inhabitants of the fort. These documents constitute an exceptionally valuable and unique source for the history of Vulgar Latin and linguistic contacts in a provincial milieu.

The study focuses on two specific lexemes, *bedox* and *tossia*, which are attested in the Vindolanda texts and are interpreted as borrowings. Their orthographic and semantic features are analysed in comparison with data from classical authors, epigraphic inscriptions, and medieval Latin dictionaries. Particular attention is paid to clarifying the meanings of these hapaxes legomena which likely denote specific types of fabric or garments.

The findings provide grounds for reassessing the established chronology of these words' expansion and for defining more precisely the role of the Celtic substrate in the formation of the professional and domestic lexicon of the Latin language in the north-western provinces of the Roman Empire. Consequently, the Vindolanda tablets vividly demonstrate that the intensive interaction between Latin and Celtic and Brittonic languages ultimately exerted a sustained and long-term influence on the development of regional varieties of Vulgar Latin within Britain itself.

Keywords: Latin language; loanwords; Vindolanda; textile terminology; Roman Britain; Vulgar Latin; bilingualism

For citation: Leonovich A.D. (2026) The Semantics of the Loanwords *bedox* and *tossia* in the Vindolanda Tablets. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 90–99.

Введение

Таблички из Виндоланды — один из важнейших письменных памятников римской Британии и один из самых ранних корпусов латинской бытовой корреспонденции из сохранившихся до наших дней. Таблички были найдены при раскопках форта Виндоланда, расположенного на территории современной Северной Англии, к югу от вала Адриана. Дата первых письменных находок в форте — 1973 год. Большинство табличек датируется концом I — началом II в. н. э., а их содержание связано с жизнью гарнизона, располагавшегося там в то время [Bowman 1994; Антонец 2009].

Эти документы — частные письма, списки, отчеты, хозяйственные и военные записи — представляют собой уникальный материал для изучения разговорной формы латинского языка в провинциальной среде. Издания корпуса текстов табличек (*Tabulae Vindolandenses*, под ред. Боумана и Томаса) [Bowman, Thomas 1983–2011] позволили исследователям реконструировать не только бытовые реалии, но и языковую ситуацию в римской Британии.

Лингвистический материал табличек свидетельствует о разнообразии происхождения их авторов и адресатов. Среди них были как уроженцы Италии, так и выходцы из галльских, германских и иберийских провинций. Наряду с латинским языком, в обиходе форта существовали и кельтские, бриттские и др. наречия местного населения, что неизбежно вело к заимствованиям и формированию региональных особенностей в лексике.

Языковая ситуация в римской Британии I–II вв. н. э. характеризовалась многоуровневым билингвизмом. Латинский язык функционировал как язык администрации и армии, однако его носителями в провинции были представители различных регионов Империи, что обуславливало вариативность нормы. Одновременно местное население сохраняло собственные речевые особенности, вступавшие в контакт с латинским языком как в устной, так и в хозяйственно-деловой сфере. Как показал Дж. Адамс, региональные варианты народной латыни формировались в условиях интенсивного субстратного и адстратного взаимодействия, что особенно заметно в сфере профессиональной лексики [Adams 2003: 230–240]. В подобных условиях заимствования оказывались естественным результатом языкового контакта.

Особый интерес представляют случаи проникновения таких слов в латинский язык на уровне бытовой лексики, связанной с повседневной жизнью солдат, торговцев и ремесленников. В низовых письменных памятниках Британии встречаются слова, отсутствующие в литературном латинском языке, но регулярно засвидетельствованные в северо-западных провинциях Римской империи: например, связанные с пивоварением лексемы *cervesa*, *cervesarius*, *bracis*, *braciaris*. О проникновении иноязычного субстрата в латинскую лексику свидетельствуют и другие, более «освоенные» носителями латинского языка и встречающиеся в литературных текстах термины, присутствующие в табличках из Виндоланды: *bracae* ‘штаны’, *carrus* ‘повозка’, *petorritum* ‘четырёхколесная колесница’, *sagum* ‘плащ’. Эти слова и их ставшее нормой употребление в латинском языке демонстрируют активное усвоение латинской терминологией местных наименований в сфере материальной культуры,

а также позволяют проследить процесс взаимодействия латинского и кельтского языков на раннем этапе романизации Британии.

Настоящая статья посвящена рассмотрению двух лексем, встречающихся в корпусе табличек из Виндоланды — *bedox* и *tossia*. Анализ контекста их употребления и происхождения позволяет уточнить роль иноязычного компонента в формировании народно-латинской лексики и профессиональной терминологии.

Попытка проверить сведения о лексемах *bedox* и *tossia* по основным латинским и греческим словарям и этимологическим справочникам показывает их отсутствие в нормативной лексикографической традиции [см. Солопов 2008]. Данные слова не фиксируются в Оксфордском словаре латинского языка, словаре Льюиса — Шорта, а также отсутствуют в древнегреческом словаре Лидделла — Скотта — Джонса. Они не засвидетельствованы и в фундаментальных латинских этимологических словарях Эрну — Мейе, Вальде — Гофманна, де Ваана. Аналогичным образом соответствующие статьи отсутствуют в греческих этимологических словарях — Шантрена, Фриска, Бекеса. В лексикографической традиции кельтских языков (в словарях Хольдера, Деламарра и Матасовича) данные лексемы также не имеют самостоятельных словарных статей с определенным значением и фиксируются лишь в контексте отдельных эпиграфических публикаций.

В отличие от публикаций корпуса табличек и работ, где указанные лексемы лишь фиксируются в качестве единичных свидетельств, в настоящем исследовании впервые предпринимается попытка их системного сопоставительного анализа. Для этого будет проведено комплексное рассмотрение всех известных на сегодняшний день случаев использования лексем *bedox* и *tossia* (низовые эпиграфические памятники — таблички из Виндоланды и Лугувалия; эдикт Диоклетиана о ценах), а также уточнение их семантики на основании контекстуального анализа текста таблички, в которой данные термины встречаются.

Bedox

Примером явного заимствования, зафиксированного в табличках из Виндоланды и воспринимающегося как гапакс, является слово *bedox*. Оно встречается в табличке 192, в контексте бухгалтерского учета, наряду с обозначениями различных текстильных изделий — *lana*, *sagum* и, предположительно, *tossia*. Документ имеет отчетно-учетный характер: перечисляются предметы, снабженные количественными показателями и денежными обозначениями. Текст таблички сохранился отрывочно, поэтому реконструкция полного контекста затруднена. Однако уже сам факт включения *bedox* в пере-

чень тканей и изделий указывает на его принадлежность к сфере текстиля:

a Gauuone
bedocem (denariōs) [...]
fabae m(odios) V (denariōs) [...]
lanae p(ondo) XXXIIX[...]
p(ondo) (denariōs) XII s(emissem) (assem) [...]
tosseas III [...]
mellis m(odios) [...]
sagum [...]
s(umma) [(denarii) LXX]
(denarii)
ratio Gauonis (TV 192)

Согласно базам данных латинских текстов и эпиграфических памятников, это слово нигде более не засвидетельствовано.

Хольдер фиксирует данное слово в «Словаре пракельтского языка» [Holder 1896], снабжая его толкованием *schleier* ‘покрывало, вуаль’, однако отмечает гипотетический характер этой интерпретации.

Тот же термин обнаруживается в греческом тексте эдикта Диоклетиана о ценах (XIX 44; XIX 46), изданном Теодором Моммзенем [Mommsen 1893]:

XIX 44: βέδοξ Νωρικὸς κάλλιςτος ἤτοι βῆλον (Мегалополитанский фрагмент);
βέδοξ Νω... (Мегарский фрагмент);
XIX 46: βέδοξ Γαλλικὸς (Мегалополитанский фрагмент).

В латинской глоссе к данному фрагменту слово *βῆλον* объясняется как *uelum* — ‘покрывало, ткань’. Указание на «норикское» (*Νωρικὸς*) происхождение столь же важно: Норик был кельтской альпийской провинцией Римской империи. Таким образом, *βέδοξ* (а значит, и лат. *bedox*) могло обозначать некую ткань или предмет одежды, вероятно, плащевое типа.

Эту гипотезу подтверждает и тематический фрагмент XIX эдикта Диоклетиана, где перечисляется одежда разных видов — *χλαμύς*, *στίχη*, *σάγος* и т. д. Соответственно, *βέδοξ* упомянут среди текстильных изделий, что согласуется с контекстом таблички из Виндоланды.

В латинской версии эдикта Лауффер [Lauffer 1971] реконструировал это слово как *fedox*, однако фонетическое соответствие с латинским *bedox* из Виндоланды делает более вероятной именно такую форму. Оба варианта, по-видимому, отражают одну и ту же лексему, адаптированную к латинской графике.

Итак, слово *bedox* представляет собой заимствование, возможно кельтское, обозначающее вид ткани или верхней одежды, бытовавшей в северных провинциях Империи. Учитывая соседство с другими терминами (*sagum*, *tossia*), вполне возможно, что речь идет о разновидности плотного шерстяного плаща или покрывала, аналогичного галльскому *sagum*.

Tossia

Слово *tossia* встречается в той же табличке, где зафиксировано *bedox*:

TV 192: *tosseas III*.

До обнаружения этого памятника слово *tossia* было известно только по одной галльской надписи — CIL XIII 3162, 2, найденной во Вьё, деп. Кальвадос (фр. *Vieux*). Эта надпись датируется 238 г. н. э. и представляет собой эпиграфически зафиксированный образец письма, отправленного Тиберием Клавдием Паулином, губернатором Нижней Британии. В тексте упомянуты:

Dalmaticam Laodiciam fibulam auream cum gemmis, rachanas duas, tossiam Brit(annicam), pellem vit[ulii] marini semestris.

Здесь *tossia Britannica* фигурирует среди наименований предметов одежды (*rachana*, *pellis*), что позволяет предположить, что это слово обозначало ткань или изделие из ткани.

Джошуа Уатмоу в монографии «Диалекты древней Галлии» обращает внимание на надпись из Вьё и сопоставляет *tossia* с лат. *toxa* (по Папиевым глоссам: *vestis, quae toxa dicitur*), предполагая, что *tossia* является вариантом этого термина [Whatmough 1970: 730].

Соответствие латинским словам *toxa* и *tossia* обнаруживается в древнебретонском языке: *toos* ‘туника’ — слово, засвидетельствованное в словаре старобретонских глосс [Fleuriot 1964]. Лексема *toos* возводится к лат. *toxa*, что дополнительно подтверждает гипотезу о текстильном значении *tossia*. Следует, однако, учитывать и гипотетически возможное обратное направление заимствования — из латинского в бретонский. При этом, согласно данным средневековой латинской лексикографии, лат. *toxa* фиксируется преимущественно в памятниках X–XI вв., тогда как эта глосса датируется, вероятно, IX в. Поэтому данное направление заимствования остается неясным.

Дополнительное свидетельство приводит Роджер Томлин в статье «Двадцатый легион в Роксетере и Карлайле в I веке: эпиграфические свидетельства» (1992). Он упоминает табличку из Карлайла (античный Лугувалий), где, по его реконструкции, также встречается слово *tossia*: «...восстановленный фрагмент, сохранивший часть

воскового покрытия, содержит список предметов, среди которых можно распознать обозначения вроде *tossiam* и *sagum* 'плащ' с денежными суммами напротив них» [Tomlin 1992: 141–158].

Хотя данный текст крайне поврежден и не издан полностью, сам факт совместного употребления *tossia* и *sagum* — слова, также обозначающего верхнюю одежду, — подтверждает интерпретацию *tossia* как термина для обозначения ткани или предмета одежды.

Таким образом, латинские существительные *tossia* и *bedox*, встречающиеся в одном документе из Виндоланды, вероятно, представляют собой заимствования, вошедшие в латинский обиход в северных провинциях. Оба слова связаны с текстильной сферой и обозначают, по-видимому, разновидности тканей или одежд, типичных для местной традиции.

Заимствования подобного рода свидетельствуют о том, что латинская терминология, использовавшаяся в быту и торговле в Британии, активно усваивала местные наименования, прежде всего в областях, где имелись специфические реалии материальной культуры.

Заключение

Рассмотренные лексемы *tossia* и *bedox* демонстрируют сложность языковых контактов в северо-западных провинциях Римской империи. Материал табличек из Виндоланды позволяет говорить о существовании региональной текстильной терминологии, часть которой могла быть связана с кельтской языковой средой. Вместе с тем ограниченность источников и отсутствие надежных этимологических параллелей не позволяют с уверенностью определить генетическую принадлежность рассматриваемых слов.

Главным результатом проведенного анализа стало уточнение значений ряда лексем, ранее считавшихся гапаксами или не поддававшихся интерпретации. Так, на основе контекста табличек установлено, что *bedox* и *tossia* относятся к текстильной сфере и обозначают, вероятно, виды плотных шерстяных тканей или предметы одежды, аналогичные *sagum*. Эти слова можно рассматривать как заимствования — вероятно, кельтские, закрепившиеся в латинской профессиональной терминологии северных провинций. Они подтверждают, что таблички из Виндоланды представляют собой источник первостепенной важности не только для реконструкции быта, но и для языковой реконструкции, фиксирующий стадии адаптации иноязычных элементов в латинском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонец Е.В. Деревянные диптихи типа грамот Виндоланды и их отражение в римской литературе // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2009. № 13. С. 13–20.
2. Барышников А.Е. Города юго-востока римской Британии: империализм, традиции и особенности урбанизации // Вестник древней истории. 2022. Вып. 1(82). С. 101–116.
3. Солопов А. И. Начала латинской стилистики. М., 2008.
4. Adams J.N. *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge, 2003.
5. Adams J.N. The language of the Vindolanda writing tablets: an interim report // *Journal of Roman Studies*. 1995. Vol. 85. P. 86–134.
6. Beekes R.S.P. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden, 2010.
7. Bowman A.K. *Life and Letters on the Roman Frontier: Vindolanda and its People*. London, 1994.
8. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses I)*. London, 1987.
9. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses II)*. London, 1994.
10. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses)*. Vol. III. London, 2003.
11. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses)*. Vol. IV, Part 1. London, 2010.
12. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses)*. Vol. IV, Part 2. London, 2011.
13. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses)*. Vol. IV, Part 3. London, 2019.
14. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris, 1968–1980.
15. Delamarre X. *Dictionnaire de la langue gauloise*. Paris, 2003.
16. Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. Paris, 2001.
17. Fleuriot M.L. *Dictionnaire des gloses en vieux breton*. Paris, 1964.
18. Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1960–1972.
19. Glare P.G.W. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford, 2012.
20. Holder A. *Alt-Celtischer Sprachschatz*. Leipzig, 1891–1913.
21. Lauffer S. *Diokletians Preisedikkt*. Berlin, 1971.
22. Lewis C.T., Short C. *A Latin Dictionary*. Oxford, 1879.
23. Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, 1996.
24. Matasović R. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden, 2009.
25. Mommsen Th. *Edictum Diocletiani de pretiis rerum venalium*. Berlin, 1893.
26. Tomlin R.S.O. *The Twentieth Legion at Wroxeter and Carlisle in the First Century: Epigraphic Evidence // Britannia*. 1992. Vol. 23. P. 141–158.
27. Vaan M. de. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden, 2008.
28. Walde A., Hofmann J.B. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1938–1954.
29. Whatmough J. *The Dialects of Ancient Gaul*. Camb. (Mass.), 1970.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

30. CIL XIII = *Corpus Inscriptionum Latinarum. Volumen XIII: Inscriptiones trium Galliarum et Germaniarum Latinae*. Berolini, 1943.

REFERENCES

1. Antonets E.V. Derevyannye diptikhi tipa gramot Vindolandy i ikh otrazhenie v rimskoy literature [Wooden diptychs of the Vindolanda type and their reflection in Roman literature]. *Indoevropayskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*, 2009, no. 13, pp. 13–20. (In Russ.)
2. Baryshnikov A.E. Goroda yugo-vostoka rimskoy Britanii: imperializm, traditsii i osobennosti urbanizatsii [Cities of southeastern Roman Britain: imperialism, traditions and features of urbanization]. *Vestnik drevney istorii*, 2022, 1(82), pp. 101–116. (In Russ.)
3. Solopov A. I. Nachala latinskoy stilistiki [Beginnings of the Latin Prose Composition]. Moscow, 2008.
4. Adams J.N. Bilingualism and the Latin Language. Cambridge, 2003. 682 p.
5. Adams J.N. The language of the Vindolanda writing tablets: an interim report. *Journal of Roman Studies*, 1995, vol. 85, pp. 86–134.
6. Beekes R.S.P. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden, 2010.
7. Bowman A.K. *Life and Letters on the Roman Frontier: Vindolanda and its People*. London, British Museum Press, 1994. 168 p.
8. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses I)*. London, British Museum Press, 1987.
9. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses II)*. London, British Museum Press, 1994.
10. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses III)*. London, British Museum Press, 2003.
11. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses IV), Part 1*. London, Society for the Promotion of Roman Studies Publ., 2010.
12. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses IV), Part 2*. London, Society for the Promotion of Roman Studies Publ., 2011.
13. Bowman A.K., Thomas J.D. *The Vindolanda Writing-Tablets (Tabulae Vindolandenses IV), Part 3*. London, Society for the Promotion of Roman Studies Publ., 2019.
14. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris, 1968–1980.
15. Delamarre X. *Dictionnaire de la langue gauloise*. Paris, 2003.
16. Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. Paris, 2001.
17. Fleuriot M.L. *Dictionnaire des gloses en vieux breton*. Paris, 1964.
18. Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1960–1972.
19. Glare P.G.W. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford, 2012.
20. Holder A. *Alt-Celtischer Sprachschatz*. Leipzig, 1891–1913.
21. Lauffer S. *Diokletians Preisedikt*. Berlin, 1971.
22. Lewis C.T., Short C. *A Latin Dictionary*. Oxford, 1879.
23. Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, 1996.
24. Matasović R. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden, 2009.
25. Mommsen Th. *Edictum Diocletiani de pretiis rerum venalium*. Berlin, 1893.
26. Tomlin R.S.O. The Twentieth Legion at Wroxeter and Carlisle in the First Century: Epigraphic Evidence. *Britannia*, 1992, vol. 23, pp. 141–158.
27. Vaan M. de. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden, 2008.
28. Walde A., Hofmann J.B. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1938–1954.
29. Whatmough J. *The Dialects of Ancient Gaul*. Cambridge (Mass.), 1970.

SOURCES OF EXAMPLES

30. CIL XIII = *Corpus Inscriptionum Latinarum. Volumen XIII: Inscriptiones trium Galliarum et Germaniarum Latinae*. Berlin, G. Reimer Publ., 1943.

Поступила в редакцию 22.10.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 22.10.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Анастасия Дмитриевна Леонович — аспирант, специалист по учебно-методической работе кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; leons1807@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia D. Leonovich — PhD Student, Teaching Assistant, Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; leons1807@gmail.com

СТАТЬИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РОМАН С. КЛЫЧКОВА «ЧЕРТУХИНСКИЙ БАЛАКИРЬ» И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА

Н.З. Кольцова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; koltsovaru@rambler.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу жанровой природы романа С. Клычкова «Чертухинский балакирь». Ставится задача выделения жанровой доминанты произведения, рассматриваются точки зрения разных исследователей на соотношение литературного и фольклорного начал. Отмечаются некоторые черты сходства «Чертухинского балакиря» и произведений магического реализма (с их сплавом национальных мифов и новейшей литературной техники) — но лишь типологического, поскольку генетически роман, безусловно, связан с классической русской литературой (Пушкин, Гоголь) и неомифологической прозой Серебряного века (Сологуб, Блок, Андрей Белый, Ремизов и др.). Тем более, очевидно, не следует сравнивать роман Клычкова с антиутопией (в духе замятинского романа «Мы»). Подробно рассматривается вопрос о фольклорных традициях в романе: фольклор используется не просто для стилизации: он проникает в текст на глубинном уровне, и в этом проявляется модернистская основа творческого метода Клычкова (русские писатели-модернисты, хорошо чувствуя и зная фольклор, свободно с ним экспериментируют). Клычков воспроизводит сотворение мифа, показывает процесс его рождения из реальности, эволюцию и — закат. «Чертухинский балакирь» — эсхатологический миф, который демонстрирует гибель деревенского «земного рая». На основе привлеченных материалов — современных исследований по детской советской литературе — высказывается точка зрения о типологическом сближении клычковского романа и детской литературной сказки 1920–1930-х гг., в которой развивается концепция «обыкновенного», «рукотворного» (творимого человеком) чуда (Грин, Олеша). Важно, однако, что при этом оценка «рукотворного» чуда у Клычкова и, например, у Олеша, различна.

Результаты исследования позволяют говорить о жанровой «текучести» «Чертухинского балакиря», о его жанровом синкретизме и об органичном сочетании элементов былички, фольклорной волшебной и литературной сказки, а также романа — с доминированием фольклорных жанров. Определяется эта «текучесть» принадлежностью Клычкова к писателям-модернистам; именно модернизм утверждает стиль в качестве содержательной компоненты произведения, определяет принципы взаимодействия литературы и фолькло-

ра, а главное — специфику авторской модели мира и мифа, основу которого составляет ориентация на структуру как романа, так и сказки.

Ключевые слова: волшебная сказка; влияние фольклора; категория чудесного; Клычков; литература 1920–1930-х гг.; русская литературная сказка

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-8

Для цитирования: Кольцова Н.З. Роман Клычкова «Чертухинский балакир» и русская литературная сказка // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 100–111.

S. KLYCHKOV'S NOVEL *CHERTUKHINSKY BALAKIR* AND THE RUSSIAN LITERARY FAIRY TALE

Natalia Z. Koltsova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; koltsovaru@rambler.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the genre nature of S. Klychkov's novel *Chertukhinsky Balakir*. The task is to highlight the genre dominant of the work, and the points of view of different researchers on the relationship between the literary and folklore principles in the text are considered. Some similarities between *Chertukhinsky Balakir* and works of magical realism (with their fusion of national myths and the latest literary technique) are noted, but only typological similarities, because genetically the novel is undoubtedly connected with classical Russian literature (Pushkin, Gogol) and the neo-mythological prose of the Silver Age (Sologub, Blok, Andrei Bely, Remizov, etc.). Moreover, it is obvious that Klychkov's novel should not be compared with a dystopia (in the spirit of Zamyatin's novel *We*). The issue of folklore traditions in the novel is considered in detail: folklore is used by Klychkov not simply to stylize the text — it penetrates the text at a deep level — and this demonstrates the modernist basis of Klychkov's creative method (Russian modernist writers, having a good sense and knowledge of folklore, freely experiment with it). Klychkov literally reproduces the creation of a folklore myth, shows the process of its birth from reality. *Chertukhinsky Balakir* is an eschatological myth that demonstrates the decline of the village "earthly paradise". Based on the materials involved — modern research on Soviet children's literature — a point of view is expressed about the typological rapprochement of Klychkov's novel and the children's literary fairy tale of the 1920s–30s, which develops the concept of an "ordinary", "man-made" miracle (Grin, Olesha). It is important, however, that the assessment of the "man-made" miracle by Klychkov and, for example, Olesha, is completely different. The results of the study allow us to talk about the genre "fluidity" of *Chertukhinsky Balakir*, about its genre syncretism and the organic combination of elements of a bylichka, a folklore magic and literary fairy tale, as well as a novel — with the dominance of folklore genres. This "fluidity" is determined by Klychkov's belonging to modernist writers; it is modernism that asserts style as a substantive component of a work, determines the principles of interaction between literature and folklore, and most importantly — the specifics of the author's model of the world and myth,

the basis of which is the orientation towards the structure of both the novel and the fairy tale.

Keywords: category of the miraculous; fairy tale; influence of folklore; Klychkov; literature of the 1920s–30s; Russian literary fairy tale

For citation: Koltsova N.Z. (2026). S. Klychkov's Novel *Chertukhinsky Balakir* and the Russian Literary Fairy Tale. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 100–111.

Взаимодействие фольклора и литературы определяет художественное своеобразие романа Клычкова, который не случайно соотносят с явлением магического реализма: ведущей чертой этого художественного метода выступает органичный сплав национальных мифов и новейшей литературной техники. Так, работы Скоропеловой, Солнцевой и Кислицына [Скороспелова 2003; Солнцева 2013; Кислицын 2005] убедительно доказывают, что процессы, в мировой литературе вышедшие на поверхность во второй половине XX в., в русской культуре отчетливо обозначились уже в 1920–1930-е гг. — и творчество представителей «новокрестьянской литературы» является ярчайшим проявлением т. н. неомифологизма [Топоров 1990]. Безусловно, параллели между произведениями Борхеса, Кортасара и Клычкова, Кондратьева и др. исследователи помещают в поле схождения типологических, поскольку генезис послереволюционной русской неомифологической прозы предопределен русской культурой — творчеством Гоголя, Лескова, с одной стороны, и модернистской ветвью Серебряного века — с другой. Собственно, и сказ, и орнаментализм — ведущие стилевые тенденции в прозе Советской России 1920-х гг. — в значительной степени являются продолжением гоголевской линии русской литературы. Фольклорный сказ и стилизация «Вечеров на хуторе близ Диканьки» безошибочно угадываются в стиле романов «На берегах Ярыни» Кондратьева, «Чертухинский балакирь» Клычкова.

Как бы то ни было, при анализе стиля романа Клычкова исследователи сходятся в одном: литературные приемы не могут быть рассмотрены в отрыве от фольклорной традиции. Однако в вопросах жанровой принадлежности романа в работах литературоведов просматривается мышление бинарными оппозициями, которое разделяет два начала: фольклор «отвечает» в романе «Чертухинский балакирь» за наличие черт сказки и былички, а литература — за свойства романа. Так, Игнатова отмечает ориентацию Клычкова на жанр былички [Игнатова, 2015: 150–155]: это и установка на достоверность, и образы представителей низшей демонологии (в тексте действуют не сказочные персонажи — Баба Яга, Кощей, но леший,

колдунья¹), а также реальный (не условный сказочный) хронотоп (названа деревня, точно указано время событий) и отсутствие характерных для сказки словесных формул, преобладание сказового слова.

Не менее ощутимы в романе черты волшебной сказки: это и образы главных героев — Маши и Петра Кирилыча Пенкина, «изгоев», «дурачков», и связанный с ними сюжет сватовства, мотив «подменной невесты». И даже «демоническое существо», «пришедшее» в роман «Чертухинский балакирь» не из сказки, а из былички, — леший Анютюк — выступает в роли не антагониста, но чудесного помощника главного героя. Кислицын справедливо отмечает, что «Клычков исключает лешего из сферы зла» [Кислицын 2005: 50]. Итак, органичный синтез сказки и былички не вызывает сомнений в том, что роман имеет фольклорные корни.

Стремление же вписать произведение в литературный контекст и соотнести с явлением магического реализма подчас приводит исследователей к спорным выводам. Так, опираясь на концепцию Гугнина, с точки зрения которого, «в обязательный... набор признаков магического реализма входят антиутопичность, антипрагматизм, антиидеологизм и антидогматизм» [Гугнин 1998: 108], Кислицын утверждает антиутопичность прозы Клычкова: «...романы его суть антиутопии» [Кислицын 2005: 34]. С данным выводом, однако, сложно согласиться, особенно когда речь идет о «Чертухинском балакире», являющемся наиболее ярким воплощением эсхатологического патриархального мифа. Действительно, антиутопия должна быть направлена на развенчание псевдоидеальной модели мира, умозрительного «земного рая», тогда как роман Клычкова — это «поминальная молитва» по ушедшему, действительно прекрасному миру: «Буду я глядеть на вас с печки... вспоминать всю нашу судьбу, как на поминальном обеде, все вспомню, ничего не забуду и навек закреплю, как торжественный дьяк челобитню!..» [Клычков 1988: 228]. Жанровая специфика клычковского романа явно не может трактоваться в контексте жанра антиутопии, уже заявившего о себе в творчестве Замятина («Мы»), Козырева («Ленинград»). Но не вписывается роман и в какой-либо иной сугубо литературный жанровый канон.

На наш взгляд, поиск жанровой доминанты «Чертухинского балакиря» немислим без учета синкретических установок автора, усвоившего уроки Серебряного века, чуткого к специфике русского фольклора и в то же время свободно экспериментирующего с ним,

¹ Мелетинский пишет: «Мифические существа, например, в русской сказке иные, чем в русской же быличке, отражающей сохранившиеся в определенной среде суеверия» [Мелетинский 2000: 265].

как это происходит в творчестве Сологуба, Блока, Белого, Городецкого, Ремизова, А.Н. Толстого, идущих по пути не столько стилизации, сколько создания оригинальных текстов («Котофей Котофеич» А. Ремизова, «Иван Царевич и Алая-Алица» А.Н. Толстого и пр.).

Думается, и роман Клычкова принадлежит тому же ряду произведений: в нем фольклорные жанры представлены не как сложившиеся каноны, но как развивающиеся «организмы», помнящие о своем родстве друг с другом и общем истоке — мифе. Писатель воспроизводит сотворение мифа, позволяя читателю увидеть сам процесс его рождения из реальности. Сказка и быличка в романе выступают не просто как родственные жанры, но как различные этапы развития единого мифа (по Мелетинскому, быличка — архаичный вариант сказки, ср. [Мелетинский 1970: 139–147]). «Текучая» жанровая природа «Чертухинского балакиря» сопротивляется выявлению какого-то одного, застывшего жанрового элемента, в том числе и фольклорного. Более того, движение от мифа к быличке, а от последней к сказке есть своего рода аналог становления и эволюции жанра романа (если Эйхенбаум полагает, что роман «вырос» из цикла новелл [Эйхенбаум 1927: 166—209], то для Бахтина «протороман» — это карнавальная мениппея [Бахтин 2002: 151]). Волшебная сказка, как и роман, занимает вершинное положение в жанровой иерархии. И, на наш взгляд, в структуре клычковского произведения сказка (не только фольклорная, но и литературная) «подстраивает под себя» и другие жанровые формы.

Мотив инициации, деление романного пространства на «свое» и «чужое», сюжет путешествия не оставляют сомнений в том, что сказка предопределяет композицию произведения в целом, хотя есть и отклонения от фольклорного канона, например трагический финал. Литературная «предыстория» романа акцентируется цитацией — это и пушкинская «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», и гоголевская сказочная Диканька. Собственно, интертекстуальность — это не столько проявление интеллектуальной игры, сколько «обнажение приема»: литературная сказка (которую, как известно, отличает большее, по сравнению с фольклорной волшебной сказкой, разнообразие сюжетов, отклонения от пропповского алгоритма, выход за пределы замкнутого сказочного мира) у Клычкова во многом формирует сюжетную основу.

Еще раз подчеркнем: Клычков ориентируется прежде всего на явление *русской* литературной сказки, при том, что нельзя отрицать и влияние на него европейской традиции — но не только литературной. «Проводником» этого влияния, в том числе, возможно, театрального, явилась сама атмосфера Серебряного века — постановки пьес Ибсена, Метерлинка с их зримым чудом, преломившиеся

в свою очередь в творчестве писателей-модернистов. И, думается, верным будет утверждение, что за «магическое» пространство в культуре Серебряного века «отвечали» прежде всего карнавальная эстетика, театрализация самой жизни (жизнетворчество), а не литературная прозаическая сказка.

Если все же рассуждать о жанровой модели литературной сказки, актуальной для Клычкова, то следует признать, что для писателя важен опыт XIX века — прежде всего Пушкина и Гоголя, тогда как его современники могут иметь другие ориентиры. Так, Липовецкий, рассматривая литературную сказку 1920-х годов на примере творчества Клычкова, Олеси, Замятина, Ахматовой, Цветаевой, Хлебникова, Клюева, Леонова, особое внимание уделяет различиям между жанровыми установками писателей-сказочников, но при этом выявляет и инвариантные черты русской литературной сказки как таковой [Липовецкий 1992]. Обращаясь к трудам коллег, он отмечает, что ее ключевые признаки обозначены уже ими. Эти признаки таковы: ярко выраженное авторское начало; наличие фантастики (которая героями воспринимается как нечто неожиданное — в отличие от фольклорной сказки с ее пафосом «неудивления»); феномен чуда (является обязательным условием и фольклорной, и литературной сказки, но последняя подвергает чудо переосмыслению); адресация прежде всего детской аудитории; опора на фольклор (на традиции волшебной сказки); замкнутость и устойчивость формы; развитие действия в условном хронотопе.

Однако, на наш взгляд, в книге Липовецкого не всегда корректно расставлены акценты в комментировании того или иного положения предшественников-«оппонентов». Так, неразличение понятий «фантастика» и «чудо» искажает смысл высказывания Брауде, с которой Липовецкий вступает в спор: «Единственный устойчивый признак литературной сказки, по Л.Ю. Брауде, фантастический сюжет (“чудо (...) сюжетобразующий фактор”). Но в таком случае и “Фауст” Гете, и “Нос” Гоголя — это литературные сказки», — пишет Липовецкий [Липовецкий 1992: 4]. Оппонируя Липовецкому, подчеркнем: очевидно, что в повести Гоголя несчастье, произошедшее с майором Ковалевым, ни в коей мере не подпадает под категорию чуда (особенно в лосевском понимании слова, актуальном именно для сказки). Чудо и фантастика — принципиально различные категории: по Лосеву, «[ч]удо не есть просто проявление высших сил». С точки зрения Лосева, чудо есть прежде всего преобразование личности, или «совпадение случайно протекающей эмпирической истории личности с ее идеальным заданием» [Лосев 2001: 190]. Думается, в связи с романом Клычкова можно говорить именно о лосевской трактовке чуда — при том уточнении, что категория чуда существенна и для

литературной сказки (где чудо, однако, имеет еще одно «измерение» — оно может быть и «рукотворное»).

На наш взгляд, природу клычковской интерпретации чуда может прояснить концепция Октябрьской, изложенная ею в масштабном труде «Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920–1950-х годов» [Октябрьская 2016], где рассмотрены историко-культурные предпосылки обращения современников Клычкова к сказке и изменения в ее жанровой природе, порожденные эпохой.

Октябрьская отмечает: «Современная писателю общественная ситуация, а также текущий литературный процесс все сильнее начинают влиять на сказку, что... стало приводить к... размыванию ее канонических жанровых основ» [Октябрьская 2016: 129]. Одним из радикальных изменений в «геноме» сказки автор исследования считает как раз новую концепцию чуда. Обыгрывая название знаменитой пьесы Шварца (написанной, однако, уже в 1954 г.), Октябрьская на примере сказки Олеси «Три толстяка» показывает, как трансформируется в литературе 1920-х гг. концепция чудесного — теперь читателю предстоит поверить в «обыкновенное чудо»: «Все сказочные приключения лишены привычного для народной сказки волшебства, а скорее напоминают не менее интересные для ребенка ловкие цирковые трюки. <...> Олеша не использует традиционную фантастику, характерную для волшебной сказки, но сохраняет значимую для нее жанровую ситуацию — борьбу за гармонизацию мира и такие черты сказочного повествования, как игровое, карнавалнопраздничное начало, совмещающая его с традицией романтической новеллы или повести-сказки с присущей им игрой с мотивами мертвое / живое, театр / цирк, с сюжетом оживающих кукол и т. д. <...> Таким образом, роман-сказка “Три толстяка” открывает новую ипостась чуда — его обыкновенность» [Октябрьская 2016: 138–139].

Безусловно, по отношению к роману Клычкова рассуждать об установке на воссоздание атмосферы цирка и пр. невозможно, но сама конструкция — обнажение *механики* чуда, подвергающее сомнению возможность его иррациональной, «внеземной» природы, — обнаруживает конвергентное родство с типологически несхожими явлениями культуры, в том числе с литературой для детей. У Клычкова попытка рационализации чудесного, как и желание претворения утопии, чуда, в жизнь подвергается ироническому переосмыслению (и его горькая ирония переходит в сарказм): рукотворное чудо — уже не игра, а обман, который оборачивается гибелью героев и мира, уничтожением подлинно чудесного. Так, за чудесным помощником главного героя скрывается Спиридон, выдающий себя

за Антютика-свата: пользуясь доверчивостью балакиря, мельник выдает за него некрасивую дочку. Ульяна-бобылка приходит к Маше-непромыхе под видом «доброй» кудесницы, обещающей ей обрести красоту. И все же дезавуирования чуда не происходит: магия клычковского романа заключается в том, что быт и волшебство не отменяют друг друга, дистанция между ними колеблется. Показательно, что уже в связи с клычковской поэзией Липовецкий замечает, что «...ситуация полной гармонии между обыденной реальностью крестьянского быта и волшебной сказкой природы... отнесена у Клычкова в идеальную даль прошлого: в пору детства, в ушедшие века. Неидеальная современность не согласуется со сказкой, современные люди, считает Клычков, глухи и слепы к ней» [Липовецкий 1992: 47].

Некоторые исследователи, однако, относят категорию «обыденности» чудесного к корневым свойствам литературной сказки как таковой. Так, Лупанова уже в сказке XIX века отмечает установку на «иллюзию достоверности» [Лупанова 1959: 490], которая, по мнению исследовательницы, достигается нагнетанием бытовых деталей и подробностей. «Вера в чудо, конкретизация его при помощи черточек реального быта... — все это позволяет говорить о сказочной реальности, сказочной обстоятельности», — пишет и Ляхова [Ляхова 1980: 23]. Обыденное у Клычкова подчас неожиданно заявляет о себе, позволяя увидеть за сказочной «дымкой» отнюдь не романтические картины деревни: «За столом лица у всех посвежели от песни, зацвели улыбкой бабы круглые щеки, и на всякую теперь любо смотреть, даром что корявы... Да где только это царство, в котором и взаправду идут мужики за князей, а бабы и девки за королевы?» [Клычков 1988: 393].

Думается, такие фрагменты в первую очередь направлены на привлечение внимания к повествовательной стратегии автора. При этом акценты с событийного ряда смещаются на самую «ситуацию наблюдения» и на образ повествователя. Выдвижение на передний план последнего высвечивает тему соединения в романе обыденного и чудесного (что создает зыбкую атмосферу, поддерживающую читателя в состоянии «эпистолической неуверенности»).

Еще одним признаком литературной сказки, отличающим ее от сказки фольклорной, исследователи считают игровое начало: «Кроме сказочной жанровой ситуации, оживает и обновляется в литературной сказке и семантическое ядро субъектной организации волшебной сказки: создаваемое главным образом ее средствами свободное, игровое отношение к художественной реальности» [Липовецкий 1992: 157]. И здесь следует отметить своеобразие клычковской модели сказки в связи с его интерпретацией концепции

игры — последняя в соответствии с традициями народной культуры ассоциируется со злыми силами, во всяком случае в персонажной сфере. Однако и в этом случае Клычков переосмысляет традицию: носителем зла является мельник Спиридон с его притворством и своего рода оборотничеством, и зло это обусловлено принадлежностью миру людей, а не природы (зооморфный Антюттик, как было указано выше, не воплощает в себе злое начало). Таким образом, в романе трансформации подвергаются сущностные черты не только сказки, но и былички.

И все же Липовецкий не считает свойства сказки — и литературной, и фольклорной — определяющими в жанре «Чертухинского балакиря»: «Сказочность не способна стать идейно-эстетической доминантой “Чертухинского балакиря”» [Липовецкий 1992: 70]. С этим суждением исследователя согласиться сложно, как и с утверждением, что «у Н. Клюева, С. Клычкова, В. Хлебникова... сказочные образы играли стилеобразующую роль — создавали определенный эмоциональный фон, иной раз использовались как форма частной эстетической оценки» [Липовецкий 1992: 59].

Липовецкий так определяет жанр клычковского произведения: «Ведь это, в сущности, глубоко самобытный народный философский роман, в котором с точки зрения народа решается философский вопрос о смысле мужицкой жизни, счастье мужика» [Липовецкий 1992: 67]. Думается, что характеристика «Чертухинского балакиря» как народного философского романа — пусть и самобытного — все же не затрагивает его жанровой природы и вряд ли может считаться жанровым определением, как едва ли жанровая доминанта «Кому на Руси жить хорошо» может быть обозначена словами «народная философская поэма» (не случайно по отношению к произведению Некрасова чаще всего используется определение «народная поэма-эпопея»). Как уже не раз было доказано, жанровая специфика того или иного произведения определяется отнюдь не только его проблематикой — и, на наш взгляд, в случае с Клычковым главным является указание на характер *мифологизирования* автора, творчество которого принадлежит эпохе зрелого модернизма. В этом отношении можно принять стремление Липовецкого вписать клычковскую прозу в один ряд с творчеством перечисленных им авторов — Ремизова, Клюева, Хлебникова. Действительно, без учета «орнаментальной техники», уникальной повествовательной стратегии, как, впрочем, и остальных признаков модернистского текста (в том числе и ярко выраженного интертекстуального начала), выявить жанровую доминанту романа «Чертухинский балакирь» представляется затруднительным.

В романе Клычкова модернизм, утверждающий стиль в качестве содержательной компоненты произведения, обуславливает сами принципы взаимодействия литературы и фольклора, но главное — специфику авторского мифо- и миромоделирования, основу которого составляет ориентация на структуру как романа, так и сказки.

И даже если черты клычковского романа, сближающие его с литературной сказкой, занимают подчиненное положение по отношению к жанровым признакам фольклора — былички и фольклорной сказки, не учитывать их при анализе жанровой природы текста вряд ли возможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 6. М., 2002.
2. *Бушмин А.С.* Сказки Салтыкова-Щедрина. Л., 1976.
3. *Игнатова А.В.* Функция былички в романе С. Клычкова «Чертухинский балакирь» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. Т. 25, вып. 15. С. 150–155.
4. *Кислицын К.Н.* Проза С.А. Клычкова: поэтика магического реализма. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
5. *Клычков С.А.* Чертухинский балакирь. М., 1988.
6. *Липовецкий М.Н.* Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). Свердловск, 1992.
7. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М., 2001.
8. *Лупанова И.П.* Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959.
9. *Ляхова В.В.* Категория фантастического в советской драматической сказке для детей // Проблемы метода и жанра, Томск, 1980. Вып. 7. С. 18–25.
10. *Мелетинский Е.М.* Миф и сказка // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 139–147.
11. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 2000.
12. *Октябрьская О.С.* Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920–50-х годов. М., 2016.
13. *Скороспелова Е.Б.* Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003.
14. *Солнцева Н.М.* К вопросу о типологии магического реализма (проза С.А. Клычкова) // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 3 (55). С. 7–19.
15. *Солнцева Н.М.* Крестьянский космос в русской литературе 1900–1930-х годов. М., 2013.
16. *Топоров В.Н.* Неомифологизм в русской литературе начала XX в. Роман А.А. Кондратьева «На берегах Ярыни». Trento, 1990.
17. *Эйхенбаум Б.М.* О Генри и теория новеллы // Эйхенбаум Б.М. Литература: Теория. Критика. Полемика. Л., 1927. С. 166–209.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii v 7 tomakh*. T. 6. Moscow, *Russkie slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ*, 2002. 505 p. (In Russ.)
2. Bushmin A.S. *Skazki Saltykova-Shchedrina* [Tales of Saltykov-Shchedrin]. Leningrad, *Khudozhestvennaya literatura Publ*, 1976. 280 p. (In Russ.)
3. Ignatova A.V. Funktsiya bylichki v romane S. Klychkova «Chertukhinskii balakir'» [The Function of the bylichka in S. Klychkov's Novel *Chertukhinsky Balakir*]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. History and Philology], 2015, T. 25, vyp. 15, pp. 150–155. (In Russ.)
4. Kislitsyn K.N. *Proza S.A. Klychkova: poehtika magicheskogo realizma* [Prose of S.A. Klychkov: the poetics of magical realism]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2005. 200 p. (In Russ.)
5. Klychkov S.A. *Chertukhinskii balakir'* [Chertukinski Balakir]. Moscow, *Sovetskii pisatel' Publ*, 1988. 688 p. (In Russ.)
6. Lipovetskii M.N. *Poetika literaturnoi skazki (na materiale russkoi literatury 1920—1980-kh godov)* [Poetics of the literary fairy tale (based on Russian literature of the 1920s-1980s)]. Sverdlovsk, *Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta*, 1992. 184 p. (In Russ.)
7. Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Moscow, *Mysl' Publ*, 2001. 559 p. (In Russ.)
8. Lupanova I.P. *Russkaya narodnaya skazka v tvorchestve pisatelei pervoi poloviny XIX veka* [Russian folk tale in the works of writers of the first half of the 19th century]. Petrozavodsk, *Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelskoi ASSR*, 1959. 504 p. (In Russ.)
9. Lyakhova V.V. *Kategoriya fantasticheskogo v sovetskoi dramaticheskoi skazke dlya detei* [The category of the fantastic in the Soviet dramatic fairy tale for children]. *Problemy metoda i zhanra* [Problems of method and genre, Issue 7], 1980, vyp. 7. Tomsk, *Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, pp. 18-25. (In Russ.)
10. Meletinskii E.M. *Mif i skazka* [Myth and fairy tale]. *Folklor i etnografiya* [Folklore and ethnography]. Leningrad, *Nauka Publ*, 1970, pp. 139-147. (In Russ.)
11. Meletinskii E.M. *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow, *Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN*, 2000. 407 p. (In Russ.)
12. Oktyabr'skaya O.S. *Formirovanie i razvitie zhanrovoy sistemy v russkoi detskoj proze 1920–50-kh godov* [The formation and development of the genre system in russian children's prose of the 1920s–50s]. Moscow, *MAKS Press Publ*, 2016. 248 p. (In Russ.)
13. Skorospelova E.B. *Russkaya proza XX veka: ot A. Belogo. («Peterburg») do B. Pasternaka («Doktor Zhivago»)* [Russian prose of the twentieth century: from A. Bely (*Petersburg*) to B. Pasternak (*Doctor Zhivago*)]. Moscow, *TEIS Publ*, 2003. 358 p. (In Russ.)
14. Solntseva N.M. *K voprosu o tipologii magicheskogo realizma (proza S.A. Klychkova)* [On the typology of magical realism (prose by S.A. Klychkov)]. *Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie»* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 3 (55), pp. 7–19. (In Russ.)
15. Solntseva N.M. *Krest'yanskii kosmos v russkoi literature 1900—1930-kh godov* [Peasant Space in Russian Literature of the 1900s — 1930s]. Moscow, *Izdatel'stvo Literaturnogo instituta imeni A.M. Gor'kogo*, 2013. 112 p. (In Russ.)
16. Toporov V.N. *Neomifologizm v russkoi literature nachala XX v. Roman A.A. Kondrat'eva «Na beregakh Yaryni»* [Neomythologism in Russian literature of the

early twentieth century. Novel by A.A. Kondratiev *On the banks of the Yaryn*. Trento, *Edizioni M. V.*, 1990. 328 p. (In Russ.)

17. Ehikhenbaum B.M. *O. Genri i teoriya novelly* [O. Henry and the theory of the short story]. Ehikhenbaum B.M. *Literatura: Teoriya. Kritika. Polemika*. Leningrad, *Priboi Publ*, 1927, pp. 166-209. (In Russ.)

Поступила в редакцию 07.08.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 07.08.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Наталья Зиновьевна Кольцова — к.ф.н., доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; koltsovaru@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Z. Koltsova — PhD in Philology, Associate Professor, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; koltsovaru@rambler.ru

КУЛЬТУРНАЯ СИМВОЛИКА ОБРАЗА ЗМЕИ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Е.М. Болдырева

*Юго-Западный университет, Чунцин, Китайская Народная Республика;
e71tih@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу символического потенциала образа змеи в китайской и русской поэзии. Змея рассматривается как семиотический код во многих мировых культурах, один из важнейших зооморфных архетипов, позволяющих исследовать как закономерности исторического и культурного развития, так и уникальную специфику индивидуально-авторских художественных миров. На примере произведений китайских и русских поэтов разных эпох (Ли Бо, Мао Цзэдун, Ай Цин, Лу Бэньчжун, Юань Чжэнь, Лю Баньнун, Дин Вэй, Ли Шен, Сюй Чжимо, Чжу Сян, Ван Фаньчжи, Бунин, Бальмонт, Брюсов, Сологуб, Мандельштам, Гиппиус, Кузмин, Цветаева, Эллис, А.К. Толстой, Заболоцкий, Мартынов, Ахмадулина) анализируются различные вариации актуализации архетипических значений образа змеи в зависимости от этнокультурных и цивилизационных факторов, а также когнитивной памяти авторов; выявляются как универсальные символические коннотации образа змеи, изоморфные для русской и китайской культуры (змея как символ зла и смертоносности, красоты и искусства, легендарно-мифологической древности, подлинной мудрости и высшего знания, материальный эквивалент человеческой души), так и различия принципов художественной репрезентации образа змеи в двух разных культурах: в китайской поэзии змея предстает как конкретный физический объект, актуализирующий значимые для национального менталитета и связанные с древнейшими мифологическими представлениями китайцев качества и смыслы, в русской поэзии конкретность и реалистичность в изображении змеи утрачивается, а змея становится авторской метафорой, аккумулирующей в себе множество символических значений, важным компонентом индивидуально-авторских мифов, встроенным в сложную систему автореминисценций и обретающим статус интертекстуального рефрена, контрапункта основных мотивных линий и семантических тенденций.

Ключевые слова: символ; мифология; зооморфный архетип; образ змеи; аллегория; культурная парадигма; русская лирика; китайская лирика; лирический герой

Финансирование: Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР.

Для цитирования: Болдырева Е.М. Культурная символика образа змеи в русской и китайской поэзии // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 112–128.

CULTURAL SYMBOLISM OF THE SNAKE IMAGE IN RUSSIAN AND CHINESE POETRY

Elena M. Boldyreva

Southwest University, Chongqing, China; e71mih@mail.ru

Abstract: This article analyzes the symbolic potential of the snake image in Chinese and Russian poetry. The snake is examined as a semiotic code in numerous world cultures and as a key zoomorphic archetype that allows us to explore the patterns of historical and cultural development, as well as the unique specificities of individual artistic worlds. Through the works of Chinese and Russian poets from different eras (Li Bo, Mao Zedong, Ai Qing, Lu Benzong, Yuan Zhen, Liu Bannong, Ding Wei, Li Shen, Xu Zhimo, Zhu Xiang, Wang Fanzhi, Bunin, Balmont, Bryusov, Sologub, Mandelstam, Gippius, Kuzmin, Tsvetaeva, Ellis, A.K. Tolstoy, Zabolotsky, Martynov, Akhmadulina), the study analyzes various ways in which archetypal meanings of the snake image are actualized, depending on ethno-cultural and civilizational factors, as well as the cognitive memory of the authors. It identifies both universal symbolic connotations of the snake image that are isomorphic for Russian and Chinese culture (snake as a symbol of evil and mortality, beauty and art, legendary and mythological antiquity, authentic wisdom and higher knowledge, and the material equivalent of the human soul) and the differences in the principles of artistic representation of the snake image in two different cultures. In Chinese poetry, the snake appears as a concrete physical object, actualizing qualities and meanings significant to the national mentality and associated with the most ancient mythological representations of the Chinese people. In Russian poetry, the concreteness and realism in the depiction of the snake are lost, and the snake becomes an authorial metaphor, accumulating a multitude of symbolic meanings, an important component of individual authorial myths, integrated into a complex system of self-reflections, and acquiring the status of an intertextual refrain and counterpoint to the main motivic lines and semantic tendencies.

Keywords: symbol; mythology; zoomorphic archetype; snake image; allegory; cultural paradigm; Russian lyrics poetry; Chinese lyrics poetry; lyrical hero

Funding: The article was prepared within the framework of the activities of the Center for the Study of Russian-speaking Countries of the Southwestern University of the People's Republic of China under the Ministry of Education of the People's Republic of China.

For citation: Boldyreva E.M. (2026) Cultural Symbolism of the Snake Image in Russian and Chinese Poetry. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 112–128.

«Змея, проползла ты сквозь сердце мое, никогда не вылечусь от этого» (Горький), «О варвары, тигры, змеи лютые, грызите сие сердце, пускайте в него томный ваш яд» (Радищев), «Змея! Змея! Недаром я дрожал. Она меня чуть-чуть не погубила» (Пушкин), «Я теперь не женщина, я змея! И я его больно ужалю» (Островский), «Имеет ли его взгляд свойство гремучей змеи — останавливать кровь в жилах» (Герцен), — галерея змей в мировой литературе неисчерпаема: она персонаж и древней китайской «Легенды о Белой змейке», и новелл Пу Сунлина, и повести современного автора Чжан Сюэдуна «Поцелуй змеи», и основа аллегорического подтекста многих сказок европейских авторов («Белая змея» братьев Гримм, золотая змейка из сказки Гофмана «Золотой горшок», змея из сказки Сент-Экзюпери «Маленький принц»), и часто встречающийся образ в прозе русских писателей XX века («Волшебное кольцо» Шергина, «Голубая змейка» Бажова и др.), и символическая основа текстов современной литературы («Змея» А. Сапковского).

Змея — это амбивалентный символ, воплощающий зло и благо одновременно, она эмблема зла, коварства, лжи, разрушительной силы — и сохранения тайн бытия; символ страсти и мудрости, яда — и исцеляющих сил; смерти, уничтожения — и бессмертия, способности к перерождению и воскресению, это олицетворение и мужского и женского, и лунного и солнечного начала, воплощение противоположных стихий огня и воды, низшее земное существо и тварь Божия, а также символ Высшего мира. Практически во всех мировых культурах змея является одним из важнейших зооморфных архетипов. Мы будем анализировать различные вариации актуализации архетипических значений образа змеи в русской и китайской поэзии с целью выявить многозначность образа змеи в зависимости от этнокультурных и цивилизационных факторов, а также когнитивной памяти авторов.

**«Эй, берегись! Я вся — змея!»:
змея как символ смертоносного зла**

Самый очевидный семантический ореол образа змеи определяется его традиционной коннотацией, укорененной в мифах, легендах и преданиях: змея символизирует угрозу, ядовитость, смертоносность. Мотив обмана и коварства, связанных со змеей, эксплицируется во многочисленных баснях, так, у Крылова змея просит Юпитера даровать ей соловьиный голос, но, несмотря на замену «гнусного шипенья» звучными и дивными трелями, птицы в ужасе разлетаются от страшного певца. Аналогичная сюжетная ситуация лицемерного обмана встречается в китайской басне «Добрая змея», где Змея собирается съесть воробья, при этом нежно уговаривая его

покориться судьбе и лицемерно заявляя, что она непохожа на остальных змей, грубых и бесцеремонных, называя свою жертву «мой сладкий Воробушек».

В китайской поэзии много произведений, где змея представлена в своей угрожающей, страшной и ядовитой ипостаси. Так, Лу Бэньчжун из династии Сун писал: «Над холмами клубились облака, здания, казалось, вращались, словно мельницы на ветру, а всевозможные ядовитые твари, воспользовавшись мрачной погодой, выползали на улицу и праздновали друг с другом. Во дворе каждую ночь скапливаются змеи, а я сижу в хижине больной, и печаль почти разрывает мне сердце» [吕本中 2024] (*здесь и далее перевод мой — Е.Б.*). Змея соотнесена с такими устойчивыми мотивами, как клубящийся густой туман, пронизывающий ветер, закручивающий в безумном змеином танце здания и хижины, мрачная ночь. Устойчивый мотив размножающихся змей, вызывающих панический ужас, встречается и в стихотворении Юань Чжэня «Змея» [元稹 2016]. Поэт вспоминает древнюю легенду, где показана история двух эпох: в первой строке рассказывается об императоре династии Хань, который обезглавил змею своим мечом, во второй строке описывается размножение питонов после сожжения меча в династии Цзинь, в третьей строке говорится о повсеместном распространении питонов, которые могут покрывать дороги в дневное время, окутывая все реки и ручьи «ядовитым дымом», и обретает кульминацию мотив быстрого размножения змей и их поразительной выживаемости в любых условиях. Форсированная гиперболизация в описании змей, внушающих страх, есть в стихотворении Лю Баньнуна «Голод», где лирический герой, сидящий в безмолвном унынии у дверей дома, смотрит на вершину разрушенной башни с обломанными корнями кустарника и высохшей травой и вспоминает, как в детстве ему говорили: «В этой разрушенной башне живет змея, у нее голова величиной с ведро!» “Ух! Страшно!” — думает он». [В поисках звезды заветной 1988: 78]. Змея как губительное зло есть у Ли Бо в «Трудной дороге в Шу»: «Избегайте тигров утром и змей вечером; Они скрежещут зубами и сосут кровь» [李白 2024], где змеи являются подобием свирепых тигров, они останавливают на пути и убивают множество людей. В стихотворении «Змея» Дин Вэя гиперболизация змеи уже приобретает легендарное измерение: несмотря на свои небольшие размеры, змея, по преданию, способна проглотить огромных слонов, и «тело змеи настолько длинное, что она способна опоясать гору Куньлунь» [丁谓 2024]. Стихотворение Юань Чжэня «Змея» — о самой ядовитой змее из тысячи видов других змей, которая «выплевывает свой язык, как трепещущее пламя», похожа на «плотно

сморщенный белый цветок, когда сворачивает свое тело» [元稹 2016], и извергает ядовитый газ, от которого у людей волосы встают дыбом.

Как ни странно, в русской поэзии картины смертоносности змеи встречаются крайне редко. Змея по умолчанию воспринимается как знак угрозы и смерти, как, например, в «Песне о вещем Олеге», однако эта смертоносность и ядовитость змеи, вызывающая панический страх, не становится у русских поэтов предметом лирической рефлексии. Этот мотив может появляться либо как повод для иных семантических акцентов, либо как один из устойчивых компонентов авторского метатекста, включенный в сложную систему автоинтертекстуальных переключек. Первый вариант мы видим, например, в стихотворении Льва Эллиса «Ангел Хранитель», воссоздающем устойчивую лирическую модель религиозной поэзии, когда недремлющий ангел-хранитель оберегает невинное дитя от всякого грозящего ему зла. Задремавшая на скамейке мать, малютка, тянущийся к «блестящей змейке», напряженное ожидание приближающейся катастрофы («Ближе, все ближе веселые ручки, вот уж остался последний вершок») — и спасительное вмешательство «печального и строгого» Ангела Хранителя, ограждающего дитя белым крылом и изгоняющего змейку, которая «в злобной тревоге медленно прочь ползает свистя».

Другой вариант реализации традиционного для змеиной символики мотива смертоносности, угрозы и ужаса, вызываемого даже самим видом змеи, мы встречаем у Бунина. В названиях целой серии стихотворений Бунина присутствует слово «змея»: «Змея» («Покуда март гудит...»), «Змея» («Зашелестела тонкая трава...»), «Ночная змея», «У шалаша» и др., лирический субъект то представляет себя змеей, то желает уничтожить ее. В.Н. Муромцева-Бунина вспоминала, что Бунин одновременно чувствовал и ужас перед змеями, и притяжение к ним, он мог долго смотреть на змей с какой-то сладострастной мукой, утверждал, что укус змеи — нечто совсем особое, мистически странное, незапамятно древнее (заметим, что змея не является единственным и уникальным объектом, вызывающим у Бунина подобного рода эмоции: таково же, например, восприятие героем его романа «Жизнь Арсеньева» смерти). Наиболее ярко представлен мотив устрашающей змеи в стихотворении «Ночная змея», в котором глаза медленно ползущей змеи «горят, как угли», она «сосредоточила всю силу зла в своем горящем взгляде». Мотив вызывающей страх змеи подкрепляется дополнительными «пугающими» и мрачными обертонами: «сумрачная мгла», «ночной бор», «сморщенные мухоморы», торчащие из ям пни и зловещая тишина, изредка нарушаемая «шуршаньем мхов».

В стихотворении «Покуда март гудит...» змея, сначала спящая «в листе тяжелым, холодным сном», а потом развивающая свои кольца, опьяненная теплотой лучей и медленно ползущая по ковру из пестрых листьев, становится субъектом лирического повествования, спокойно-бесстрастно констатируя и свою прихотливую изменчивую красоту, и свою смертоносность: «Чем жарче день, чем мухи золотистой — Тем ядовитей я». В стихотворении «Змея» («Зашелестела тонкая трава...»), с одной стороны, змея предстает как воплощение «живой жизни», многоцветной жизненной материи, завораживает своей телесностью, фактурностью, яркой физиологической ошутимостью, и лирический герой испытывает необычайное, почти физиологическое наслаждение от желания «расплющить» ее копьевидную головку. С другой стороны, змея одновременно включена в мифологическую систему координат, это «исчадие, проклятое в раю», ее «лик раскосый и зовущий» актуализирует один из ключевых для Бунина мотивов — древности/вечности, маркированный во всем его творчестве словами «древний», «первобытный», «первозданный», «древнейшие», являющимися в авторской аксиологии знаком качественного превосходства. По сути, образ змеи у Бунина становится своего рода контрапунктом основных мотивных линий и семантических тенденций в творчестве поэта — упоение живой жизнью, острое ощущение жизненной материи, замороженность прошлым, древним и непреодолимая тяга к мистически страшным явлениям, непостижимым человеческим разумом.

Таким образом, змея в своей угрожающей, пугающей, коварной и смертоносной ипостаси явлена в китайской поэзии в значительно более широком диапазоне, чем в русской, здесь представлено несколько инвариантных сюжетов: мотив стремительно и пугающе размножающихся змей, гиперболизация физического облика змеи и превращение ее в фантазмагорическое существо, мотив ядовитости и смертоносности змей. В восприятии лирического субъекта змеи вызывают страх и ужас, коррелируют с состояниями тоски, болезни, душевной депрессии. В русской же лирике змея как реальный эмпирический образ ядовитой и пугающей твари представлена довольно редко, значительно чаще русских поэтов тревожит и одновременно влечет страх перед черными «змеиными» человеческими душами.

«И вновь цвету, горю, меняюсь, ряжусь то в медь, то в сталь, то в бирюзу»: змея как символ красоты, искусства и любви

Поскольку символика змеи в высшей степени амбивалентна, она символизирует одновременно ложь, предательство, коварство —

и красоту, как природную, так и человеческую. Змея как символ красоты, как произведение искусства представлена в стихотворении китайского поэта Ли Шена из династии Тан «Умная змея появляется в храме Шаолинь». Поэт описывает замысловатую текстуру на теле змеи, словно из нее сплетены узлы: «Тело змеи изгибается и сворачивается, неторопливо оглядываясь по сторонам. Чешуя змеи плотно прилегает к телу и переливается ярким изумрудно-зеленым светом. Брюхо змеи покрыто золотистым блеском и движется, словно изогнутое кольцо» [李绅 2024]. Змея предстает как произведение искусства несравненной красоты и «шедевр Творца», которым восхищается поэт — ее фактурой, изгибами, сиянием золотой чешуи.

Этот же комплекс мотивов, репрезентирующих красоту змеи — блеск, гладкость, переливы, извивы, — часто встречается и в русской поэзии, будучи, однако, сопряженным с темой смертоносности этой красоты. В стихотворении Заболоцкого «Змеи» описываются завитые между камнями «тела блестящих гадин», «прекрасных тварей гряда», «змеи гладки, как стекло». Такое же единство красоты и смертоносности мы видим в стихотворении Бунина «Покуда март гудит...», когда змея — лирический герой, развивая свои кольца, опьяняясь теплыми лучами весеннего солнца, описывает свою прихотливую изменчивую красоту («И вновь цвету, горю, меняюсь, Ряжусь то в медь, то в сталь, то в бирюзу») и одновременно констатирует прямую зависимость своей ядовитости от степени красоты окружающего мира. В стихотворении Бунина «У шалаша» змея соотнесена с символикой огня, всполохи вечернего костра напоминают «блещащих, убегающих, свистящих золотых и синих змей».

Холодная и причудливая красота змеи как произведение искусства, традиционное для лирического тезауруса уподобление обманчивой причудливой красоты змеи красоте возлюбленной представлены в стихотворении А. Толстого «Змея, что по скалам влечешь свои извивы...», где змея — это образец, по которому художник создает прекрасное: «Помедли, дай списать чешуйный твой узор. Хочу для девы я холодной и красивой Счеканить по тебе причудливый убор», — и в стихотворении Ахмадулиной «Молитва змеи» («Как холодна змея, красива»), где змея воспринимается как совершенный текст («Все крапинки ее курсива так четко распределены»). В стихотворении М. Кузмина «Глаз змеи, змеи извивы...» красота змеи тоже соотнесена с красотой любви. Виртуозное прихотливое сплетенье змей уподобляется страстному слиянию тел: «Глаз змеи, змеи извивы, Пестрых тканей переливы, Небывалость знойных поз...». Все стихотворение пронизывает змеиная метафорика в описании любовного акта как прекрасного произведения искусства.

В стихотворениях Брюсова «Змеи» и «Три змеи, три кольца, окружили меня...» змеиная метафорика также используется в описании завораживающей и губительной любовной страсти («Три змеи, три кольца, окружили меня, И в глаза мне глядят шесть сверканий огня. Давят кольца всё крепче...»), волосы возлюбленной обретают змеиные характеристики: «извилистые змеи кудрей», «скользящие пряди волос», которые сплетает и расплетает лирический герой. Но змеиная образность в любовном поэтическом дискурсе являет и скрытое в женской красоте и очаровании змеиное губительное коварство, когда взору лирического героя, все позабывшего в бреду «взволнованных грез» и поцелуев, предстает мелькнувший из кудрей возлюбленной «змеи раздвоенный язык».

«Жизнь моя, змея моя!»:

змеиная метафорика в поэтическом тексте

Таким образом, очевидно, что в русской и китайской поэзии змея довольно часто выступает как троп, змеиная образность лежит в основе лирической метафорики, когда различные жизненные явления в восприятии лирического субъекта уподобляются змее. В стихотворении Сюй Чжимо «Яд» («Сегодня я песен не пою...») лирический герой ощущает черную тоску от царящего вокруг него разврата, жадности, трусости и мрака, и этот нестерпимый «звериный вой» страшного мира порождает в его самовосприятии мрачную череду змеиных уподоблений: «у моих губ змеится хищная улыбка», «ядовиты мои мысли, потому что таков этот мир», «в моих словах вдруг проглянут язычки двуглавой змеи». Змеиная, подлая, звериная сущность окружающего мира («человечность — под гнетом зверства, свет — под пятой мрака») заставляет героя ощущать эти же процессы в собственной душе («злодейство — в глубине ваших душ»), мир отравлен ядом беззакония и бесчеловечности, и таким же змеиным ядом отравлена темная душа поэта [В поисках звезды заветной. Китайская поэзия первой половины XX в. 1988: 205]. В стихотворении Ли Бо «Отдых весной у озера» («В расщелину я, напевая, захожу...») лирический герой с трудом карабкается в расщелине, пробираясь вдоль ручья, пытаясь найти нужную извилистую дорогу, и сравнивает свою траекторию со змеей: «мой путь стал как змея» [Ли Бо 2023: 51]. Чжу Сян в стихотворении «Прошедшее с трудом отбросил я...» описывает стремление лирического героя всеми силами избавиться от ненавистного гнета своего прошлого, «подло глядящего» на него, подобно змее, и отравляющего своим ядом душу, «вонзаясь в сердце жалом»: «Прошедшее с трудом отбросил я И приказал, чтобы оно лежало В болоте смрадном и не выползало, И не шу-

мело, злобно вопия» [Сорок поэтов. Китайская лирика 20–40-х годов 1978: 187].

Если в стихотворениях китайских поэтов змеиная метафорика носит преимущественно негативный характер, характеризуя «ядовитость» мыслей и чувств лирического героя, то для русских поэтов змеиная образность, как мы уже отмечали, часто используется в любовном поэтическом дискурсе, как, например, в стихотворениях Брюсова «Змеи» и «Три змеи, три кольца окружили меня...», где лирический герой, окруженный и замороженный страстно-смертельными объятьями «трех колец», чувствует, что гибнет под «яростью ласки» жадных поцелуев («Три змеи, три кольца, окружили меня, В теле — смерть, в сердце — ужас, в глазах — блеск огня»), или в стихотворении Мандельштама «Не спрашивай, ты знаешь...», где прихотливая любовная страсть тоже описывается при помощи змеиной метафоры: «Дай руку мне. Что страсти? Танцующие змеи. И таинство их власти — убийственный магнит!».

Значительно более мрачные сферы сущности и бытия лирического субъекта воплощает змеиная образность в лирике Гиппиус и Сологуба. Гиппиус с ее, можно сказать, «змеиной» репутацией, называющая себя «ласковой коброй», в стихотворении «Она» уподобляет змее собственную душу: «Она шершавая, она колючая, Она холодная, она змея», «Своими кольцами она, упорная, Ко мне ласкается, меня душа. И эта мертвая, и эта черная, И эта страшная — моя душа!», клеймя ее, как бы подхватывая мрачно-беспросветный калейдоскоп определений из написанного годом ранее стихотворения «Все кругом» нескончаемым рядом ниспровергающих эпитетов «бессовестная», «жаркая», «шершавая», «холодная», «противно-жгучая», «тяжкая», «вялая», «неповоротлива», «тупа», «тиха», «глуха», «мертвая», «черная», «страшная». Не случайно и непреодолимое влечение к змее «певца смерти» Сологуба, с его отцом-Дьяволом и автомифом о Солнце — Драконе — Огненном Змее. «Змеиный текст» творчества Сологуба довольно обширен, включая и роман «Заклинательница змей», и сборник стихотворений «Змий». Собственная жизнь, уподобляясь змее, обретает многие «змеиные» характеристики: и отравленность сладким ядом вина, и запутанность «тонкими нитями» страшного мира, и замороженность «хладными водами» блаженной смерти, — и реализуется в формулировке, приобретающей статус онтологической основы бытия поэта: «Жизнь моя, змея моя!». В контексте сологубовской «эстетики ужасного» змея предстает как воплощение злой демонической силы, символ несовершенных законов бытия, злой судьбы, предначертанной человеку. Отсюда и одна из эпистемологических характеристик змеи — «многоцветная ложь бытия»: в одноименном стихотворении лири-

ческий герой, отравленный дыханием лжи, неоднократно отождествляет себя с «больной и злой змеей», «отверженный» путь которой, как и бессмысленно-безнадежная судьба человека, проходит по «мглисто-сырым» расселинам «нахмуренных скал»: «Пресмыкаюсь томительно я, Как больная и злая змея».

«Но молча в памяти моей звенит: “Змея! Змея!”».

Легендарно-мифологическая символика змеи

Змея, с присущим ей богатым символическим потенциалом в различных религиозно-мифологических системах, часто предстает в поэтическом дискурсе в легендарно-мифологическом измерении. В китайской поэзии змея часто возникает в качестве компонента древней легенды. В стихотворении Мао Цзэдуна «Башня желтого аиста» («Ширь китайской земли омывает разливом Янцзы...») упоминается знаменитый исторический памятник «Башня желтого аиста», расположенный на берегу реки Янцзы на горном перевале в Шэшань (Змеиная гора), существовавший в период Троецарствия и неоднократно воспетый в поэзии разных эпох: это стихотворение Мао Цзэдуна перекликается со знаменитым одноименным произведением поэта Танской эпохи Цуй Хао, воспроизводящим сюжет старинного предания о спустившемся с небес святом отшельнике на желтом аисте, а величественная легендарная Змеиная гора, защищающая Янцзы, уже более тысячи семисот лет является частью величественной панорамы: «Защищают Янцзы Черепаха-гора и Змея» [Антология китайской поэзии 1957: 8]. Ван Фаньчжи, поэт династии Тан, в стихотворении «От бедных людей не должно никак отвращаться...», призывающем заботиться о бедных людях, «класть снадобья на их язвы» и «не огорчаться, что жемчуг не будет наградой» [Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова 2007: 48], использует аллюзию на легенду из «Записок о поисках духов» Гань Бао, где описывается холм Перерубленная Змея в уезде Суйсянь, возле которого Суйский хоу встретил огромную перебитую посередине змею и повелел приложить к ее ране целебное снадобье. Змея уползла, но через год она вернулась и принесла в своей пасти для хоу чистую белую жемчужину, излучающую ясный лунный свет, и эту жемчужину назвали «Жемчужина Волшебной Змеи». В стихотворении Юань Чжэня «Змея», как мы уже упоминали, воспроизводится древняя легенда об императоре династии Хань, который обезглавил змею своим мечом, вызвав тем самым, после сожжения меча во времена династии Цзинь, стремительное размножение ядовитых питонов. В стихотворении Ли Бо «Трудная дорога в Шу» содержится аллюзия на старинную легенду о том, как император Цин отправил своих воинов в государство Шу, по дороге воины увидели змею

и захотели ее поймать, но змея уползла и скрылась в расщелине скалы, воины стали пытаться выдернуть ее оттуда за хвост, но это оказалось губительным: земля раскололась, горы разверзлись и все воины погибли, а сопровождающие их девушки обратились в камни: «Разверзлись горы, землю колотило, И пятерых китайских воинов убило [Ли Бо 2023: 81]. Змея здесь символизирует нечто злое и трудно искоренимое, первопричину и бедствие, которое может привести к гибели нации.

В отличие от китайской поэзии, в которой легендарно-мифологическая символика змеи всегда привязана к определенной конкретной легенде, связанной с той или иной исторической эпохой и с конкретным человеком — императором, военачальником или древним поэтом, — в русской лирике подобная историческая конкретность утрачивается и змея предстает как компонент авторского мира-мифа. Таков, например, весьма обширный «змеиный текст» Бальмонта, в творчестве которого змея становится синтезом множества излюбленных авторских лейтмотивов. Пристрастие Бальмонта-неоромантика к лирическим моделям заговора, заклятия, его восприятие поэзии как колдовства, «хмельной ворожбы» отражается в стихотворениях «Заговор против змеи», «Слово от змеи», «Слово от змеиного яда», «Змеиная свеча», «Змеиное число», «Змеиный глаз» и др., поэтическая «всеядность» Бальмонта, желание вобрать в себя огромное количество разных культур реализуется в калейдоскопе различных мифологических ипостасей змеи, контаминации различных мифологических парадигм: так, в стихотворении «Голубая змея» «голубая змея с золотой чешуей» предстает как владычица «Мирового Эфира» и соотнесена с образами Вавилона, Египта, Китая, Индии и землями майя, в стихотворении «Женщина-Змея» летающая женщина-змея Цигуакоатль, управляющая мировыми стихиями, возникает в контексте образов и сюжетов индейской теологии («И знали, вот, была Богиня, была здесь Женщина-Змея»), в стихотворении «Змеиное отродье» мотив змеи дается сквозь призму образов мифологии греческой, таким образом, в «змеином тексте» Бальмонта сплетаются разные архетипические смыслы: фольклорная символика огня и тайны, христианские мотивы зла и демонизма, греческая символика познания и божественного озарения. Змея в творчестве Бальмонта становится символом универсальной древности, порой даже не имеющей определенной культурно-исторической соотнесенности, и возникает в контексте особого, авторского мифа: в стихотворении «Ступени» он прозревает «в расщелинах древних ступенчатых слов» «змей забытых заветов

и ков» и называет змею «старинная правда моя», веруя, что она позволит ему обрести «заветный клад» («Проснулась змея и встречен при входе я Змеем»), а в стихотворении «Змея» змея предстает как воплощение древней, таинственной памяти и первооснова жизни, когда в сознании лирического героя звучит вечный рефрен: «Но молча в памяти моей звенит: “Змея! Змея!”». Змея становится одним из элементов поэтического космоса Бальмонта, связываясь множеством интертекстуальных сцеплений с другими произведениями поэта с космогонической символикой и мотивами вселенной и созвездий как звеньев мироздания: в стихотворении «Многосозвенную змею созвездья дружные сковали...» змеиное сплетение предстает как рисунок вселенной, своего рода модель мироздания, в стихотворении «Змеиное число» «восемь лучистых планет» складываются в восьмерку «змеиного извива», ткущего «звездные нити» и опьяняющего душу.

«Змея оправдана звездой...»: змея как символ мудрости, катализатор философской рефлексии, раздумий о смысле жизни и предназначении собственного бытия

Символика мудрости и знания, воплощенная в змее, вполне традиционна, не случайно средневековые китайские поэты неоднократно воспевали змею как олицетворение подлинной мудрости, превосходящей человеческий разум. В стихотворении «Змея» китайского поэта Дин Вэя из династии Сун есть строки, содержащие аллюзию на уже упомянутую нами древнюю легенду и актуализирующие связанный с образом змеи мотив высшего знания и понимания вечных законов бытия: «Змея выходит из своего укрытия с жемчужиной во рту, чтобы отплатить за глубокую услугу. Змеи издревле считались мудрыми» [丁谓 2024]. В стихотворении Ай Цина «Для моллюсков мягкотелых...» апелляция к образу змеи является иллюстрацией довольно прозрачного философского тезиса о том, что открытое, явное зло менее страшно, чем зло молчаливое, ибо от него нет спасения и человек не в состоянии увидеть его, распознать и противостоять ему: «Заслышав волчий вой, берешь дубинку в руки. Змея ползет — Ни шороха, ни звука» [Ай Цин 1989: 115].

В русской поэзии тоже встречаются подобные модели, когда змея предстает как аллегория прозрачной жизненной сентенции, как, например, в стихотворении Л. Мартынова «И вскользь мне бросила змея...», где змея выступает в качестве олицетворения несправедливого жизненного пути, неприемлемого для лирического героя: «Но я-то знал, что так нельзя — Жить извиваясь и скользя». Однако в русской лирике образ змеи порождает огромное количество фило-

софско-мировоззренческих построений, воссоздающих важнейшие экзистенциальные проблемы жизни и смерти, времени и вечности, Бога и человека, добра и зла и онтологического оправдания существования зла в мире. В уже упомянутом нами стихотворении Заболоцкого «Змеи» параллельно с мотивом неразрывного единства красоты и смертоносности звучит мысль о вечной мудрости, заключенной в змее, о загадке и тайне, сокрытой в ней. Спящие змеи, с одной стороны, растворены в безмятежном идиллическом простом природном мире: прохладный лес, цветы, «жаркое, простое» солнце, льющее на них свое тепло, змеи органически встроены в этот мир, устраивая свои гладкие, как стекло, тела между такими же гладкими камнями, словно заполняя пространство недостающим паззлом, как бы завершая создание картины бездумно-прекрасного природного бытия. Но, с другой стороны, «змеи спят, запрятав лица в складках жареного тела. И загадочны, и бледны...», у них закрыто лицо, непостижимое человеческим разумом, и во второй части стихотворения они становятся катализатором философской рефлексии лирического героя, когда временные рамки раздвигаются в вечность, «время в воздухе плывет», спустя годы «человек тела находит, сна тяжелый образец», и по-прежнему спящая вечным сном «прекрасных тварей гряда» вызывает в сознании «мудреца», теперь ощущающего себя в наскучившей природе, как в тюрьме, серию вечных вопросов: «Для чего они? Откуда? Оправдать ли их умом?» — о происхождении, сущности и высшем предназначении всего живого на земле и о возможности/невозможности оправдания бытия любого земного творения, даже смертоносного. В стихотворении Ф. Сологуба «Права змея, когда шипит и жалится...» тоже ставится философская проблема оправдания зла: «Права змея, когда шипит и жалится, — В ней горькое кипение отрав, Но если человек печалится, Поймите, люди, он не прав». Зло и смертоносность змеи воспринимается как нечто естественное, незыблемая основа бытия.

В стихотворении «Змея оправдана звездой...» змея становится камертоном, первым компонентом формулы Цветаевой, стремящейся осмыслить парадоксальную структуру мироздания и оправдать зло как неотъемлемую часть мира, что по сути близко формуле теодицеи Лейбница в его трактате 1710 года «Опыт теодицеи о благодати Бога, свободе человека и происхождении зла», где мир трактуется как совершенное творение Бога, который допускает существование зла ради эстетического разнообразия, не случайно слово «оправдана» звучит уже в первой строчке стихотворения (заметим, что через три дня после этого Цветаева напишет стихотворение «Бог — прав...», и все понятия, воплощающие негативные стороны бытия,

получат своих семантических двойников (змея будет соотнесена с «гадом», низость со «срамом», могильный горб с «мором» и «смадом», чернь с «попраным словом» и др.), однако лишатся позитивных компонентов эстетических оппозиций). В стихотворении «Змея оправдана звездой...» не эксплицируется, но явно подразумевается, что «Бог прав» как высший художник и творец мироздания, создающий мир, в котором образность апокалипсиса совмещена с риторикой веры, а добро и зло едины, что делает жизнь трагичной и прекрасной одновременно.

Еще один пример художественной репрезентации мотива оправдания в контексте «змеиного дискурса» русской поэзии — стихотворение Ахмадулиной «Молитва змеи». Снова, как и у Цветаевой, здесь возникают Бог и змея как основные компоненты авторского мифа, змея погружается в свою «страшную молитву» с «таинственной грустью», с «глазами, полными тоски», не в силах больше выносить свое страшное предназначение: «Знать, душу грешную свою с надеждой богу поверяет, в молитве с нею порывает и просит: “Бог, прости змею!”» Это стихотворение органически встраивается в единый поэтический метатекст Ахмадулиной, являя собой еще одну вариацию ее излюбленного жанра молитвы и соотносясь с грузинской темой ее творчества (см. упоминание о распространенном в Армении и Грузии традиционном женском танце невесты узундара), в котором Грузия — это мир светлой радости и спасительного добра, несущий в себе духовное освобождение, где душа воскресает и обретает свет, не случайно в финале стихотворения набирает силы и достигает кульминации мотив оправдания змеи как аллегории любого существа, погрязшего в грехе и вступившего на путь зла: ей нужно отпустить грехи, не попрекать «смертельным делом», вспомнив, что ее тело все же «обращено к солнцу», и если она «отстоит свою молитву», ей предначертано духовное перерождение, освобождение и обретение внутренней гармонии.

* * *

«В глубине всякой груди есть своя змея» [Сочинения Козьмы Пруткова 1976: 145] — являясь важным компонентом в различных мифологических и художественных системах, сопровождая на протяжении многих столетий всю нашу цивилизацию, змея в поэтических текстах проходит путь эволюции от конкретного эмпирического образа до метафоры человеческой души и универсального символа, воплощающего различные и культурно-исторические явления, и мифологические и фольклорные архетипы, и индивидуально-авторские мифомыры. Безусловно, можно выделить универ-

сальные символические коннотации образа змеи, изоморфные для русской и китайской культуры: змея как символ зла и смертоносности, красоты и искусства, легендарно-мифологической древности, подлинной мудрости и высшего знания, материальный эквивалент человеческой души. Однако налицо и явные различия принципов художественной репрезентации образа змеи в двух разных культурах. В китайской поэзии змея предстает зачастую как конкретный физический объект, актуализирующий значимые для национального менталитета и связанные с древнейшими мифологическими представлениями китайцев качества и смыслы, в русской же поэзии конкретность и реалистичность в изображении змеи утрачивается, а змея становится авторской метафорой, аккумулирующей в себе множество символических значений, как социокультурных и религиозно-мифологических, так и окказиональных индивидуально-авторских. В китайской поэзии в образе змеи сконцентрированы в большей степени универсальные сущностные характеристики, присущие большинству мировых культур, и вряд ли можно говорить об индивидуально-авторской интерпретации данного образа, поскольку большинство поэтов воспроизводят веками сложившиеся в китайской культуре инвариантные модели «змеинового текста», тогда как в русской поэзии образ змеи становится важным компонентом индивидуально-авторских мифов, встроенным в сложную систему автореминисценций и обретающим статус интертекстуального рефрена, контрапункта основных мотивных линий и семантических тенденций в творчестве поэтов. В китайской поэзии семантика образа змеи в пределах одного текста, как правило, одномерна, в русской поэзии поэтическая семантика змеи амбивалентна, она воплощает одновременно красоту и смертоносность, восхищение «живой жизнью» и мистический ужас, блаженную и губительную любовную страсть, гибель и возрождение. Наконец, если в китайской поэзии традиционные символические смыслы змеи (смертоносность, мудрость, красота, древность) являются в определенной степени аксиоматичными и текст представляет собой поэтическую иллюстрацию той или иной сущностной характеристики змеи, то для русских поэтов эти аксиомы становятся «стартовой площадкой» для мучительного поиска решений «экзистенциальных теорем» о сущности бытия, о предназначении всего живого на земле, о соотношении Бога и человека, времени и вечности и о возможности онтологического оправдания существования зла в «прекрасном и яростном мире».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ай Цин. Слово солнца. Избранные стихотворения: Сборник. Пер. с кит. М., 1989.
2. Антология китайской поэзии в 4 томах, Том 4. Перевод с китайского под общей редакцией Го Мо-жо и Н.Т. Федоренко, М., 1958.
3. В поисках звезды заветной. Китайская поэзия первой половины XX в. М., 1988.
4. Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова. СПб., 2007.
5. Ли Бо. Стихотворения / На рус. и кит. яз. / Пер. с кит. и примеч. Ван Илан, Т. и Э. Мадиванов под ред. К. Эндельгарта. СПб., 2023.
6. Сорок поэтов. Китайская лирика 20-40-х годов. Пер. с кит., статьи об авторах и предисл. Л. Черкасского. М., 1978.
7. 丁谓 Дин Вэй. «蛇» («Змея»). [Электронный ресурс]. URL: <https://shici.com.cn/poetry/0x194825de> (дата обращения: 23.12.2024)
8. 元稹 Юань Чжэнь. «蛇» («Змея»). [Электронный ресурс]. URL: https://www.guwenxue.cc/article_14963.html (дата обращения: 23.12.2024)
9. 吕本中 Лу Бэньчжун. «蛇» («Змея»). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yuanshici.com/shici/fb51491> (дата обращения: 23.12.2024)
10. 李白 Ли Бо. 蜀道难 («Трудная дорога в Шу»). [Электронный ресурс]. URL: <https://guoxue.baikе.so.com/query/view?id=9f69596246419c41e8068c699393c4fb&type=poem> (дата обращения: 23.12.2024)
11. 李绅 Ли Шен. «灵蛇见少林寺» («Умная змея появляется в храме Шаолинь»). [Электронный ресурс]. URL: <https://so.gushiwen.cn/shiwen/8c76459b4557.aspx> (дата обращения: 23.12.2024)

REFERENCES

1. Ai Qing. *Slovo solntsa* [The Word of the Sun]. Moscow, *Raduga*, 1989. 224 p. (In Russ.)
2. *Antologiya kitaiskoi poezii in 4 v.* [Anthology of Chinese poetry in 4 volumes]. Vol 4. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura*, 1958. 339 p. (In Russ.)
3. *V poiskakh zvezdy zavetnoi. Kitaiskaya poehziya pervoi poloviny XX v.* [In search of the cherished star. Chinese poetry of the first half of the XX century]. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura*, 1988. 350 p. (In Russ.)
4. *Kitaiskaya poehziya v perevodakh L'va Men'shikova* [Chinese poetry translated by Lev Menshikov]. Saint-Petersburg, *Peterburgskoe Vostokovedenie*, 2007. 304 p. (In Russ.)
5. Li Bo. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Saint-Petersburg, *Simpozium*, 2023. 96 p. (In Russ.)
6. *Sorok pohtov. Kitaiskaya lirika 20-40-kh godov* [Forty poets. Chinese lyrics from the 20s and 40s]. Moscow, *Nauka*, 1978. 342 p. (In Russ.)
7. 丁谓. Ding Wei «蛇» [Snake] URL: <https://shici.com.cn/poetry/0x194825de> (accessed: 23.12.2024)
8. 元稹. Yuan Zhen «蛇» [Snake] URL: https://www.guwenxue.cc/article_14963.html (accessed:23.12.2024)
9. 吕本中. Lou Benzong «蛇» [Snake] URL: <https://www.yuanshici.com/shici/fb51491> (accessed: 23.12.2024)
10. 李白. Li Bai. 蜀道难 [Shu Dao is difficult] URL: <https://guoxue.baikе.so.com/query/view?id=9f69596246419c41e8068c699393c4fb&type=poem> (accessed:23.12.2024)

11. 李绅. Li Shen. «灵蛇见少林寺» [An intelligent snake appears in the Shaolin Temple]
URL: https://so.gushiwen.cn/shiwenv_8c76459b4557.aspx (accessed:23.12.2024)

Поступила в редакцию 09.02.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 09.02.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Елена Михайловна Болдырева — доктор филологических наук, профессор
Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР;
e71mih@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena M. Boldyreva — Prof. Dr., Institute of Foreign Languages, Southwest University, China; e71mih@mail.ru

СИНТЕЗ СЛОВА И ИЗОБРАЖЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Н.С. ЛЕСКОВА: «ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ АНГЕЛ» (1873) — «ПОЛУНОЩНИКИ» (1890)

О.В. Евдокимова

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург; odnodum8@mail.ru

Аннотация: Рассматривается одна из доминант поэтики Н.С. Лескова — взаимодействие слова и изображения. В данном аспекте анализируются особенности образа в знаменитом «Запечатленном ангеле» (1873), написанном в самый визуальный период творчества писателя (1870–1880-е гг.) и в мастерском сказе «Полунощники» (1890), принадлежащем последнему периоду жизни русского классика. Синтез слова и изображения в создании словесной иконы (иконы Ангела — образа образа) осуществлен в «Запечатленном ангеле» в опоре на «идеальные зримые структуры» (В.В. Бычков) и в понимании иконописи как искусства, которое пронизано «чистым идеализмом», «усовершенствованием в формах, уже найденных», развивается «в собственных традициях» (П.П. Муратов). Установлено, что в произведении Лескова, в котором не описываются изображения икон или картин, писателю также необходим в качестве основания-«прориси» словесного образа образ изобразительный, например живописный. В «Полунощниках» для этого послужил образ, воплощенный русским художником Н.Н. Ге в картине «Что есть истина?» (1890). Не только мировоззренческая близость писателя и художника, активный диалог слова и изображения в русской культуре конца XIX века, общность темы, развиваемой в произведениях, обусловили обращение Лескова к картине Ге, но и доминанта поэтики автора «Запечатленного ангела». Образ писателя XIX века, наделенный анагогической (возводительной) функцией, основывается на синтезе слова и изображения (варианте синтеза искусств, свойственного эстетике древнерусской культуры) в его направленности, устремленности от дольного мира к горнему.

Ключевые слова: слово и изображение; икона; картина; образ образа; Н.С. Лесков; Н.Н. Ге; «Запечатленный ангел»; «Полунощники»; «Что есть истина?»

Финансирование: Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 54-ВГ).

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-10

Для цитирования: Евдокимова О.В. Синтез слова и изображения в поэтической системе Н.С. Лескова: «Запечатленный ангел» (1873) — «Полунощники» (1890) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 129–141.

WORD AND IMAGE SYNTHESIS IN NIKOLAI LESCOV'S POETIC SYSTEM: *THE SEALED ANGEL* (1873) — *NIGHT OWLS* (1890)

Olga V. Evdokimova

*The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia;
odnodum8@mail.ru*

Abstract: The article examines one of the dominant features of Nikolai Leskov's poetics — the interaction of word and image. The article analyzes the features of the image in *The Sealed Angel* (1873), written in the most “visual” period of the writer's work (1870s — 1880s), and in *Night Owls* (1890), which belongs to the last period of the Leskov's life. The word and image synthesis in the creation of a verbal icon (the icon of an Angel — the image of an image) in *The Sealed Angel* is based on the “ideal visible structures” (V.V. Bychkov). It also reflects the understanding of icon painting as an art that is permeated with “pure idealism”, “improvement in forms already found”, and that develops “in its own traditions” (P.P. Muratov). It has been established that Leskov also needs a pictorial image, for example, a painting, as a basis (“tracing”) of the verbal image even in the literary work, in which images of icons or paintings are not described. In the *Night Owls* the image embodied by Nikolai Ge in the painting “What is Truth?” (1890) served in this way. Not only the ideological closeness of the writer and the artist, the common theme developed in their works, the active dialogue of word and image in Russian culture of the late 19th century, but also the poetics dominant of the author of *The Sealed Angel* determined Leskov's appeal to Ge's painting. The image of a 19th-century writer, endowed with an anagogical function, is based on the synthesis of word and image (a variant of the arts synthesis, inherent to the ancient Russian culture aesthetics) in its direction, aspiration from the lower world to the upper one.

Keywords: word and image; icon; painting; image of an image; Nikolai Leskov; Nikolai Ge; *The Sealed Angel*; *Night Owls*; “What is Truth?”

Funding: This research is supported by the internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia.

For citation: Evdokimova O.V. (2026) Word and Image Synthesis in Nikolai Leskov's Poetic System: *The Sealed Angel* (1873) — *Night Owls* (1890). *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 129–141.

Проблеме взаимодействия слова и изображения в творчестве Н.С. Лескова посвящены многие, различающиеся по тематике и методам работы [Н.С. Лесков в контекстах истории культуры 2011; Голубинская 2022; Зенкин 2023]. Теоретико-философское осмысле-

ние феномена изображения в современной науке также активно развивается [Ямпольский 2019; Седакова 2021; Антонов 2024].

То, что взаимодействие слова и изображения — одна из доминант поэтики Лескова, с очевидностью обнаруживает сопоставление знаменитого «Запечатленного ангела» и позднего сказа «Полунощники». Тема словесной иконы («Запечатленного ангела») — русская иконопись, поэтика «Полунощников» обусловлена поэтикой картины Н.Н. Ге «Что есть истина?»¹. В том и другом произведении искусство Лескова-рассказчика (в вариантах словесного и визуального рассказов) достигает мастерской выразительности.

Сравнивая удаленные друг от друга по времени написания тексты, обратим внимание на константные и индивидуальные особенности в образе, характерном для «словесного изографа» (А. Волынский).

Словесная икона («Запечатленный ангел»)

Характеристика «словесная икона» применительно к «Запечатленному ангелу» сложилась в моих работах достаточно давно. К 2013 году, ко времени выхода из печати научно-практического издания «Повесть “Запечатленный ангел”: проблемы и перспективы изучения» [Евдокимова 2013], эта характеристика приобрела статус термина и получила распространение в науке о Лескове.

В комментариях к произведению в Полном собрании сочинений Н.С. Лескова в 30-ти томах (2014) о «словесной иконе», однако, сказано так: «Как видим, доказательств в подтверждение того, что на иконе (Ангела. — О.Е.) изображен именно архангел Михаил (концепция А.А. Горелова. — О.Е.), недостаточно. Мы полагаем, что Лесков не задавался целью буквально следовать указаниям подлинника, но стремился создать “словесную икону” как воплощение самой сути русского иконного письма с его высоким духом и отточенным мастерством» [Звежинская, Михайлов-Длугопольский, Лепяхин, Столярова 2014: 398]. Комментарии выполнены группой авторов, которые формуле «словесная икона» придали метафорический и оценочный характер, что лишило ее того специального смысла, который обусловлен сложным взаимодействием слова и изображения, определившим уникальность поэтики «Запечатленного ангела» — шедевра Лескова. Очевидно, что смыслы, заключенные в формуле «словесная икона», необходимо вновь понять и вернуть-

¹ Впервые сравнение «Полунощников» Лескова и картины Ге «Что есть истина?» осуществила В.А. Махова в магистерской диссертации «“Что есть истина?»: к проблеме “Слово и изображение в русской литературе конца XIX века” (Н.С. Лесков и Н.Н. Ге)», защищенной на кафедре русской литературы РГПУ им. А.И. Герцена под руководством О.В. Евдокимовой в 2022 г.

ся в то научное поле, которое позволит описать своеобразие образа и формотворчества сказителя XIX века.

Сосредоточимся именно на изображении иконы Ангела, напомним текст: «Особенно же были при нас две иконы, одна с греческих переводов старых московских царских мастеров: Пресвятая Владычица <...>; а другая ангел-хранитель, Строгонова дела. Изрещи нельзя, что это было за искусство в сих обеих святынях! Глянешь на Владычицу, как пред ее чистотою бездушные деревья преклонились, сердце тает и трепещет; глянешь на ангела... радость! Сей ангел воистину был что-то неопишное. Лик у него, как сейчас вижу, самый светло-божественный и этакий скоропомощный; взор умилен; ушки с тороцами, в знак повсеместного отовсюду слышания; одеянье горит, рясны золотыми преиспещрено; доспех пернат, рамена препоясаны; на персях младенческий лик Эмануилов; в правой руке крест, в левой огнепаляющий меч. Дивно! дивно!.. Власы на головке кудреваты и русы, с ушей повились и проведены волосок к волоску иголкой. Крылья же пространны и белы как снег, а испод лазурь светлая, перо к перу, и в каждой бородачке пера усик к усик. Глянешь на эти крылья, и где твой весь страх денется: молишься “осени”, и сейчас весь стихаешь, и в душе станет мир. Вот это была какая икона!» [Лесков 2014: 10–11].

Своеобразие этого изображения проанализируем в ракурсе исследования П.П. Муратова «Русская живопись до середины XVII века», обосновав выбранный ракурс.

Имя Муратова — известного искусствоведа, знатока древнерусской живописи — принадлежит культуре Серебряного века; «Человек Серебряного века» — так называлась одна из персональных выставок, ему посвященных. Упомянутый труд Муратова создавался в русле многотомной «Истории русского искусства» под редакцией И.Э. Грабаря (в 1914–1916 гг., т. 6).

Муратов, говоря об иконописи, естественно и принципиально не исключает ее из истории развития живописного искусства в целом, в «древнерусской живописи» (так он называет иконопись) исследователя интересует ее эстетическая сторона [Там же: 20], сопряженная с сакральными смыслами иконы. Чувство стиля, высоко развитое в иконописи, выражается, с точки зрения Муратова, в особом внимании к форме, которая трактуется «как традиционная живописная идея искусства»: вся жизнь иконописца «уходила на усовершенствование в формах, уже найденных. От колыбели поглощенная иногда даже мелочными заботами о мастерстве, русская живопись от колыбели обращалась к изощренному глазу и воспитанному вкусу любителя» [Там же: 33–34].

В «Запечатленном ангеле» Лескова изображение иконы дано именно в ракурсе «изошренного глаза и воспитанного вкуса любителя». Это относится и к герою, сказывающему о совершенной красоте иконы, стоя на коленях, и к автору, разделяющему это состояние. Созерцание красоты иконы лежит в основе образа, созданного Лесковым: «Изрещи нельзя, что это было за искусство...» [Лесков 2014: 10].

«Древнерусская живопись», по словам Муратова, осуществляла «огромную работу над композицией», поэтому в каждой иконе, даже малоискусной, композиция стремилась к совершенству. В этом проявляется особенность искусства, пронизанного «чистым идеализмом», которое развивается «в собственных традициях», сосредоточено «на стилистическом существе живописи» [Муратов 2008: 25–29]. Говоря об этом, искусствовед имеет в виду, что иконопись — это искусство в высшей степени, в фокусе, поэтому способное открывать «онтологические окна» (П.А. Флоренский).

Композиция изображения Ангела у Лескова направлена к тому, чтобы показать: икона была «что-то неопишное». Синтезирует изображение то воздействие образа, которое проявляется в движении взгляда от лика к крыльям через фиксацию «идеальных зримых структур». Последняя формула принадлежит не Муратову, а исследователю нашего времени, в близком ключе размышляющему об эстетике иконы. Говоря о художественном каноне и его роли в эстетическом сознании средневекового типа, В.В. Бычков, в частности, пишет: «...в иконографическом каноне древнерусского искусства, восходящем к византийскому прототипу, закреплены визуализированные “идеи” (в платоновском смысле), “внутренние эйдосы” (в платоновском смысле), архетипические схемы, или *лики*, изображаемых персонажей и событий священной истории; те идеальные зримые структуры, в которых дано предельное визуальное выражение сущности изображаемого феномена» (курсив Бычкова. — О.Е.) [Бычков 2008: 311].

У Лескова «идеальные зримые структуры» — это «лик <...> светло-божественный», «взор умилен», «ушки с тороцами», «одеянье горит», «рясны златыми преиспещрено», «доспех пернат», «рамена препоясаны», «на персях младенческий лик Эмануилев», «в правой руке крест», «в левой огнепалящий меч», «власы на головке кудреваты и русы», «крылья же пространны и белы как снег», «испод лазурь светлая» [Лесков 2014: 10–11]. В них и в композиционном оформлении их дано «предельное визуальное выражение» сущности иконы. Вся композиция изображения Ангела, подчеркнем, определена движением взора или «очей души» смотрящего. «Идеальные зримые структуры» в тексте писателя XIX века обусловлены интен-

цией отнесения их к иконописному искусству в статусе «традиционных живописных идей», многие взяты из иконописных подлинников [Евдокимова 2013: 75–100]. «Неописуемая» красота Ангела — не красота феномена, принадлежащего искусству Нового времени. Это подтверждают слова-знаки, маркирующие состояние смотрящего на Ангела: «Глянешь на эти крылья, и где твой весь страх денется...»; «Дивно! Дивно!..»; «...глянешь на ангела... радость!». Образ, созданный Лесковым, стремится в своем воздействии к тому, чтобы быть тождественным воздействию иконы: радость — дивно — мир. Закономерно в отдельное предложение выделены слова: «Вот это была какая икона!» [Лесков 2014: 11]. Словесная икона Лескова — это образ образа, изображение изображения — выполнена по принципу «перевода» (слова в изображение, изображения в слово) в следовании смыслу и «технике» иконописания.

Аргументируем, почему трудно назвать образ Ангела стилизацией, интерпретацией, адаптацией, обратившись к искусствоведческой литературе последнего времени, к труду известного историка искусства — И.Л. Бусевой-Давыдовой. В обширной работе «Русская иконопись от Оружейной палаты до модерна: поиски сакрального образа» исследователь вписывает икону Ангела в историю развития русской иконописи. Бусева-Давыдова считает, что в основе изображения у Лескова «лежит впечатление о реальной иконе XVI–XVII века...» [Бусева-Давыдова 2019: 268], продолжая уже богатую традицию поиска конкретных икон, с которых писатель XIX века «списал» своего Ангела. Но каждый раз при обнаружении прототипа он не оказывается единственным, и новая находка не останавливает поиска. Приведенное же предположение может породить вопрос: какой именно иконы? Он актуален тем более, что рядом с текстом в книге расположена иллюстрация иконы «Архангел Михаил. Около 1671» [Там же: 269]. Доказательств в пользу данного прототипа мало, ими не могут быть «обильное золочение» или «мелочное» письмо, т. к. икон с такими особенностями много. Поиски прототипа Ангела, наверное, не остановимы, но сами они демонстрируют, что Лескову важнее не следование за конкретной иконой, веком (XV, XVI или даже XVII), направлением (Строгановская икона), а икона в ее феноменальности.

Основной тезис Бусевой-Давыдовой звучит так: «Писателю удалось не только адекватно передать особенности живописного произведения вербальными средствами, но и интерпретировать язык средневекового искусства в соответствии с культурой и эстетикой Нового времени» [Там же: 268]. Названы средства интерпретации. Для описания выбрана фигура именно ангела — «бесплотного существа», а значит, и не встает вопрос о «жизненной правде», важной

для изображения, принадлежащего культуре Нового времени. В целях создания «восторженной характеристики» подобрана эмоциональная, возвышенная, поэтическая лексика, наводящая на воспоминания об известных художественных образах. «Светлая лазурь», с точки зрения искусствоведа, «очевидно, навеяна хрестоматийным стихотворением М.Ю. Лермонтова» [Там же]. Но лесковская «испод лазурь светлая» («идеальная зримая структура») рассчитана на впечатления не словесные (литература XIX века), а зримо-иконные.

«Неописуемая» красота Ангела укоренена в предании, писатель не стилизует изображение, т. к. не использует эффекта границы, дистанции, не интерпретирует его или объясняет для читателя XIX века в силу того, что в основе образа Ангела лежит аналогическая (возводительная) функция, функция возведения образа к Первообразу: «И были-с эти два образа для нас <...> святая святых, чудным Веселила художеством изукрашенная» [Лесков 2014: 11]. В этом Лесков органично наследует эстетическому сознанию средневекового типа.

Муратов одним из первых подчеркнул, что «лики ангелов выражают тончайшую и благороднейшую идею красоты, унаследованную русскими художниками от Византии и взлелеянную как-то особенно бережно» [Муратов 2008: 32]. Ни одно искусство, считает критик, так, как русское, не ценило «красоту линий и силуэта, которую давали возможность осуществлять крылатые фигуры» [Там же: 29]. В «Запечатленном ангеле» окончательно оформляет изображение, придает ему завершенность именно впечатление от изображения крыльев Ангела. Лесков и Муратов так совпали в понимании красоты иконы именно потому, что для писателя и искусствоведа эстетика иконописи укоренена в ее традиции, вернее, в предании. В связи со сказанным отметим еще одно существенное их совпадение. Муратов уже в XX веке сказал о русской иконописи то, что как откровение прозвучало в веке XIX в повести Лескова «На краю света». «Как бы то ни было, — пишет автор сочинения о «древнерусской живописи», — русское искусство может гордиться тем, что оно создало абсолютно прекрасное художественное воплощение Спасителя и, таким образом, исполнило то, чего не в силах была исполнить итальянская и северноевропейская живопись лучшей эпохи» [Там же: 31]. Сравни у Лескова: «Закроем теперь все это (альбом с репродукциями изображений Христа на картинах европейских живописцев. — О.Е.), и обернитесь к углу, к которому стоите спиной: опять лик Христов, и уже на сей раз это именно не лицо, — а лик. <...> И вот, в эту же меру, в какую, по-моему, проще и удачнее наше народное искусство поняло внешние черты Христова изображения,

и народный дух наш, может быть, ближе к истине постиг и внутренние черты Его характера» [Лесков 2021: 160].

Словесная картина («Полунощники»)

Лескову был необходим изобразительный (не словесный) образ как основание (своеобразная «прорись») для создаваемого им образа, и когда он не описывал икону или картину в тексте. Об этом свидетельствует синтез слова и изображения в позднем сказе «Полунощники», имеющем жанровый подзаголовок «пейзаж и жанр».

«Полунощники» рассказывают о вере, обрядовери, христианстве Л.Н. Толстого, о поклонении Иоанну Кронштадтскому, о его почитателях, о Христе, о живущих по Евангелию. В литературоведении стало общим местом утверждение, что не делает его неверным, — сказ написан Лесковым в его следовании за идеями позднего Л. Толстого. Так об этом говорит, например, А.А. Федотова: «Повесть “Полунощники”, бесспорно, является одним из самых значительных “толстовских” художественных произведений писателя...» [Федотова 2018: 36]. Идеи Л. Толстого прямо декларируются в тексте повести, что очевидно, например, в сильной его позиции — в финале: «А поездка эта все-таки принесла мне пользу: мне стало веселее. Я как будто побогател впечатлениями, — и теперь, когда мне случается возвращаться ночью по купеческим улицам и видеть теплящиеся в их домах разноцветные лампы, я уже не воображаю себе там одних бесстыжих притворщиц или робких и безнадежных плаксов “темного царства”, а мне сдается, будто там уже дышит бодрый дух Клавдиньки, дающий ресурс к жизни во всяком положении, в котором высшей воле угодно усовершенствовать в борьбе со тьмою все рожденное от света» [Лесков 1958: 217].

Основное повествование «Полунощников» преобладающе включает в себе Слово не автора-повествователя, а колоритной его героини — Марьи Мартыновны. О специфике речи героини-рассказчицы писала Т.Б. Ильинская в статье «Особенности сказовой поэтики повести Н.С. Лескова “Полунощники”», отмечая: «Но самым главным аргументом в пользу постановки проблемы речевой неправильности в повести “Полунощники” становится то, что в рамках произведения речь главной героини-рассказчицы Марьи Мартыновны, с одной стороны, получает ироническую оценку как речь неправильная, а с другой — признается исключительно талантливой за свои живописно-изобразительные достоинства» [Ильинская 2018: 15].

Любой фрагмент текста, действительно, демонстрирует намеренную, входящую в авторскую творческую задачу живопись словом, например, такой: «От этакого пустяка — а меня просто ужас обхва-

тил: заденет, думаю, мерзавец (кот. — О.Е.), туфлю за какое-нибудь легкое стуло или табуретку и загремит, и они тогда сейчас сюда взойдут, и какова я им покажусь на своей каланче? куда мне тогда и глаза девать и что выдумать и сказать: зачем я это в здешнем месте, вскочивши на стол, случилась?» [Лесков 1958: 203]. Прием деформации лежит в основе зрительной образности слова рассказчицы, прием, свойственный образу в иконописи и в авангардистской живописи.

Федотова с живописным началом связывает «устранение нарративной оценки» в произведении Лескова: «Повествовательный ракурс в этом случае приближается к живописному: “взгляд” (или “слух”) наблюдателя фиксирует многочисленные детали (интерьера, речи, сюжета и т. д.), однако полностью отказывается от какого-либо их идеологического комментария» [Федотова 2018: 36].

Впервые о живописной природе образа в «Полунощниках» говорила Б.С. Дыханова в статье «“Пейзаж и жанр” в лесковских “Полунощниках”: живопись с натуры или герменевтика образов» [Дыханова 2004], анализируя текст в аспекте специфики жанрового подзаголовка.

Соглашаясь с наблюдениями исследователей, конкретизируем проблему взаимосвязи слова и изображения в тексте, назвав тот живописный образ, который лежит в основании словесного образа в повести Лескова. Это образ, воплощенный в картине Н.Н. Ге «Что есть истина?».

Лесков внимательно следил за развитием творчества Ге. В критической заметке «Картина (“Что есть истина?” — О.Е.) профессора Ге за границей. (Письмо в редакцию)» (1890) писатель акцентирует внимание на восприятии картины в России и за ее границами. Везде, особенно же в России, критиками (специалистами) были отмечены «крайний реализм» и «недостатки письма» в произведении Ге, обращено внимание на странность формы. Но не профессиональная критика, а «зритель», особенно «из простых», тот, который испытывает впечатление непосредственно, переживая, реагирует на особенности образа, не анализирует прежде восприятия, как свидетельствует Лесков, откликнулся образу Ге соответственно его особенностям: «...Христос в картине Ге необыкновенно трогательно действует на посетителей выставки *из беднейшего класса*, и в Гамбурге дело дошло до того, что тамошние рабочие, по целым дням стоящие перед этой картиной, не могли помириться с мыслью, что ее от них увезут...» (курсив Лескова. — О.Е.) [Лесков 1984: 196]. Лесков подчеркивает, что зрители хотели постоянно видеть так изображенное «лицо» Христа, «много сказавшее их чувству» [Там же]. Именно «недостатки письма», экспрессивность формы погружали в изо-

бражение, способствовали тому, чтобы смотрящие могли дать ответ на вопрос, что есть истина.

Особенности формы в «Страстном цикле» Ге, куда входит картина «Что есть истина?», искусствоведы исследовали многоаспектно. Анализируются удивляющие цветовая палитра (коричневая охра, красная ртутная киноварь, желтый и коричневый кадмий), резко-контрастное расположение фигур (Пилат и Христос на картине «Что есть истина?»), поэтика ослепляющего света, изображение лика Христа, который не утешает, а вызывает мучительные переживания, другие приемы деформации формы [Карпова 2001: 43–47].

В экспрессивном образе «Полунощников» приемы деформации связаны не только с речью героини-рассказчицы. Живописный образ Ге «питает» слово Лескова на всех уровнях поэтики текста. Уже в названии произведения темы света и тьмы как взаимоотталкивающие слиты в обытовленном и одновременно символическом образе. Резко контрастно противопоставлены главные герои — Марья Мартыновна (полюс Пилата) и Клавдинька (полюс Христа). Колоритная рассказчица занимает, как и Пилат на картине Ге, почти все пространство повествования, предстает в живописной конкретности и в ослепительном свете, «давит» на восприятие слушающего и читателя. Клавдинька во многом нарисована нерелексирующими, живописными глазами Марьи Мартыновны: она мучительница всех, разрушительница устоявшегося порядка именно потому, что стремится следовать за Христом, живя не для себя, а для ближнего. Последнее не сказано прямо, а нарисовано словом рассказчицы. Клавдинька, как и Христос на картине Ге, не утешает, а мучает. Эффект, достигаемый деформацией изображения, состоит в том, что текст побуждает читателя за ослепляющей, преобладающей цветистой яркостью живописного слова героини-рассказчицы разглядеть через качество иконной статуарности в образе Клавдиньки молчаливую простоту истины евангельского Христа.

Прямое слово автора-повествователя в его назидательности (см. цитированный финал повести) разъясняет, упрощает смыслы, а проявляющийся в тексте Лескова образ, впервые воплощенный в картине Ге через «недостатки письма», помогает увидеть, что есть истина, т. е. возвести образ к Первообразу.

Лесков во многом следовал за поздним Л. Толстым, но оставался «черезмерным писателем» (Б.М. Эйхенбаум) и не мог отказаться от «излишков таланта», несмотря на сетования автора «Исповеди». Сказитель — восприимчивник древнерусского эстетического сознания, того, что в наследуемом образе константно или вечно: через синтез слова и изображения в его текстах осуществляет себя не только назидательная, но анагогическая функция образа [Бычков 2011: 811–

822]. Именно в силу таких эстетических ориентаций писатель XIX века имел исключительный интерес к русской иконописи, предсказал многие открытия в области эстетики иконы, увидевшие свет в трудах П.П. Муратова, Е.Н. Трубецкого, П.А. Флоренского, был всегда обращен к истории живописной культуры, к искусству мозаики, к ювелирному мастерству, к выразительности орнаментального узорочья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов Д.И. Нимб и крест. Как читать русские иконы. М., 2024.
2. Бусева-Давыдова И.Л. Русская иконопись от Оружейной палаты до модерна: поиски сакрального образа. М., 2019.
3. Бычков В.В. Древнерусская эстетика. СПб., 2011.
4. Бычков В.В. Феномен иконы. История. Богословие. Эстетика. Искусство. М., 2008.
5. Голубинская Ю.А. И. П. Сахаров и Н. С. Лесков у истоков художественно-эстетического понимания русской иконописи // Новый филологический вестник. 2022. № 61. С. 98–109.
6. Дыханова Б.С. «Пейзаж и жанр» в лесковских «Полунощниках»: живопись с натуры или герменевтика образов // Русская литература. 2004. № 3. С. 16–28.
7. Евдокимова О.В. Повесть «Запечатленный ангел»: проблемы и перспективы изучения. СПб., 2013.
8. Звездинская Е.Ю., Михайлов-Длугопольский Е.В., Лепяхин В.В., Столярова И.В. Примечания // Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М., 2014. Т. 12. С. 367–520.
9. Зенкин С.Н. Образ и сказ (Лесков) // Зенкин С.Н. IMAGO IN FABULA. Интрадиетический образ в литературе и кино. М., 2023. С. 234–252.
10. Ильинская Т.Б. Особенности сказовой поэтики повести Н.С. Лескова «Полунощники» // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 14–20.
11. Карпова Т.Л. Николай Ге. М., 2001.
12. Лесков Н.С. Запечатленный ангел // Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М., 2014. Т. 12. С. 7–65.
13. Лесков Н.С. Картина профессора Ге за границей. (Письмо в редакцию) // Лесков Н.С. О литературе и искусстве. Л., 1984. С. 196–197.
14. Лесков Н.С. На краю света // Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М., 2021. Т. 14. С. 157–216.
15. Лесков Н.С. Полунощники // Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. М., 1958. Т. 9. С. 117–217.
16. Муратов П.П. Русская живопись до середины XVII века // Муратов П.П. Русская живопись до середины XVII века. История открытия и исследования. СПб., 2008. С. 19–164.
17. Н.С. Лесков в контекстах истории культуры / Науч. ред., отв. сост. О.В. Евдокимова. СПб., 2011.
18. Седакова О.А. Круг, крест, человек. Данте и Равенна // Седакова О.А. Мудрость Надежды и другие разговоры о Данте. СПб., 2023. С. 126–231.
19. Федотова А.А. Нарративная организация повести Н.С. Лескова «Полунощники» // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 2. С. 32–39.
20. Ямпольский М.Б. Изображение. М., 2019.

REFERENCES

1. Antonov D.I. Nimb i krest. Kak chitat' russkie ikony [The Nimbus and the Cross. How to Read Russian Icons]. Moscow, *AST Publ*, 2024. 302 p. (In Russ.)
2. Buseva-Davydova I.L. Russkaya ikonopis' ot Oruzhejnoy palaty do moderna: poiski sakral'nogo obraza [Russian Icon Painting from the Armoury Chamber to Modern: Search for a Sacred Image]. Moscow, *BooksMART Publ*, 2019. 475 p. (In Russ.)
3. Bychkov V.V. Drevnerusskaya ehstetika [Old Russian Aesthetics]. Saint Petersburg, *Centr gumanitarnykh iniciativ Publ*, 2011. 831 p. (In Russ.)
4. Bychkov V.V. Fenomen ikony. Istoriya. Bogoslovie. Ehstetika. Iskusstvo [The Icon phenomenon. History. Theology. Aesthetics. Art]. Moscow, *Scientific and Publishing Center "Ladomir"*, 2008. 633 p. (In Russ.)
5. Golubinskaya YU.A. I.P. Sakharov i N.S. Leskov u istokov khudozhestvenno-ehsteticheskogo ponimaniya russkoj ikonopisi [Ivan Sakharov and Nikolai Leskov at the origins of the artistic and aesthetic understanding of Russian icon painting]. *Novyj filologicheskij vestnik*, 2022, no. 61, pp. 98–109. (In Russ.)
6. Dykhanova B.S. «Pejzazh i zhanr» v leskovskikh «Polunoshchnikakh»: zhivopis' s natury ili germenevtika obrazov [Scenery and genre in Leskov's "Night Owls": painting from life or the hermeneutics of images]. *Russkaya literatura*, 2024, no. 3, pp. 16–28. (In Russ.)
7. Evdokimova O.V. Povest' «Zapechatlennyj angel»: problemy i perspektivy izucheniya [“The Sealed Angel”: problems and prospects of study]. Saint Petersburg, *Svoyo izdatel'stvo Publ*, 2013. 105 p. (In Russ.)
8. Zvezhinskaya E.YU., Mikhajlov-Dlugopol'skij E.V., Lepakhin V.V., Stolyarova I.V. Primechaniya [Commentary]. Leskov N.S. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. [The Complete Works of Nikolai Leskov in 30 Vol.]. Moscow, *TERRA: Knizhnyj Klub Knigovek Publ*, 2014, pp. 367–520. (In Russ.)
9. Zenkin S.N. IMAGO IN FABULA. Intradiegeticheskij obraz v literature i kino [IMAGO IN FABULA. Intradiegetic image in literature and cinema]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ*, 2023. 620 p. (In Russ.)
10. Il'inskaya T.B. Osobennosti skazovoj poehtiki povesti N.S. Leskova «PolunoshchnikI» [Features of the skaz poetics in the “Night Owls” by Nikolai Leskov]. *Verkhnevolzhskij filologicheskij vestnik*, 2018, no. 3, pp. 14–20. (In Russ.)
11. Karpova T.L. Nikolaj Ge [Nikolai Ge]. Moscow, *Belyj gorod*, 2001. 63 p. (In Russ.)
12. Leskov N.S. Zapechatlennyj angel [The Sealed Angel]. Leskov N. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. [The Complete Works of Nikolai Leskov in 30 Vol.]. Moscow, *TERRA: Knizhnyj Klub Knigovek Publ*, 2014. pp. 7–65. (In Russ.)
13. Leskov N.S. Kartina professora Ge za granicej. (Pis'mo v redakciju) [The Picture by Professor Ge Abroad. (Letter to the editor)]. Leskov N.S. O literature i iskusstve [About Literature and Art]. Leningrad, *Izdatel'stvo leningradskogo universiteta Publ*, 1984. pp. 196–197. (In Russ.)
14. Leskov N.S. Na krayu sveta [On the Edge of the World]. Leskov N.S. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. [The Complete Works of Nikolai Leskov in 30 Vol.]. Moscow, *TERRA: Knizhnyj Klub Knigovek Publ*, 2021. pp. 157–216. (In Russ.)
15. Leskov N.S. Polunoshchniki [Night Owls]. Leskov N.S. Sobranie sochinenij: v 11 t. [The Complete Works of Nikolai Leskov in 11 Vol.]. Moscow, *Goslitizdat Publ*, 1958, pp. 117–217. (In Russ.)
16. Muratov P.P. Russkaya zhivopis' do serediny XVII veka. Istoriya otkrytiya i issledovaniya [Russian Painting until the mid-17th Century. History of Discovery and Research]. Saint Petersburg, *Bibliopolis Publ*, 2008. 429 p. (In Russ.)

17. N.S. Leskov v kontekstakh istorii kul'tury [Nikolai Leskov in the context of cultural history]; nauch. red., otv. sost. O.V. Evdokimova. Saint Petersburg, *Izdatel'stvo RGPU im A.I.Gercena Publ*, 2011. 334 p. (In Russ.)
18. Sedakova O.A. Mudrost' Nadezhdy i drugie razgovory o Dante [The Wisdom of Hope and other talks on Dante]. Saint Petersburg, *Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ*, 2023. 337 p. (In Russ.)
19. Fedotova A.A. Narrativnaya organizaciya povesti N.S. Leskova «PolunoshchnikI» [Narrative organization of the “Night Owls” by Nikolai Leskov]. *Verkhnevolzhskij filologicheskij vestnik*, 2018, no. 2, pp. 32–39. (In Russ.)
20. Yampol'skij M.B. Izobrazhenie [The Image]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ*, 2019. 420 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 11.03.2025

Принята к публикации 18.02.2025

Отредактирована 20.03.2026

Received 11.03.2025

Accepted 18.02.2025

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Ольга Владимировна Евдокимова — д.ф.н., профессор, профессор кафедры русской литературы филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена; odnodum8@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Evdokimova — Prof. Dr., Department of Russian Literature, Faculty of Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia; odnodum8@mail.ru

ЭФФЕКТ ФАНТАСТИЧЕСКОГО В РАССКАЗЕ ОЛДОСА ХАКСЛИ «ЦИНТИЯ»

А.А. Зубов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Автономная некоммерческая организация высшего образования «Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского», Санкт-Петербург, Россия; artem_zubov@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию эффекта фантастического в раннем рассказе «Цинтия», вышедшем в первом сборнике прозаических произведений Олдоса Хаксли «Лимбо», и преследует две цели. Во-первых, проблематизировать фантастику как категорию читательского переживания, связанного с ослаблением реальности в вымышленном мире текста. Во-вторых, проанализировать используемые Хаксли повествовательные приемы, которые обуславливают появление этого переживания у читателя рассказа. Для достижения этих целей в статье вводится понятие эффекта фантастического.

Статья состоит из двух разделов. В первом рассматриваются работы, в которых исследуется рецептивное, экспериенциальное измерение фантастики. Автор, отталкиваясь от трудов Ц. Тодорова, С.Н. Зенкина и др., предлагает понимать под эффектом фантастического такой текстуальный эффект, который позволяет читателю испытать сбой реальности внутри мира текста. Автор исходит из положения, что этот эффект создается не темой или содержанием произведения, а его эстетической формой.

Во втором разделе автор анализирует рассказ Хаксли и рассматривает его в контексте тем и проблем сборника «Лимбо». В частности, внимание уделяется дуализму сакральной и профанной любви в этом сборнике. Анализ показывает, что эффект фантастического в рассказе создается за счет изменений в точке зрения и повествовательной манере, которые настраивают читателя на разные режимы восприятия сюжета и позволяют интерпретировать его в сверхъестественном ключе. Вместе с тем автор показывает, что эффект фантастического работает и на раскрытие темы рассказа, позволяя снять оппозицию между видами любви, показать их нераздельность.

Ключевые слова: эффект фантастического; фантастика; фантастическое; Олдос Хаксли; стиль; интонация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-11

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00584, <https://rscf.ru/project/25-28-00584/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

Для цитирования: Zubov A.A. Эффект фантастического в рассказе Олдоса Хаксли «Цинтия» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 142–152.

THE EFFECT OF THE FANTASTIC IN ALDOUS HUXLEY'S "CYNTHIA"

Artem A. Zubov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, Saint-Petersburg, Russia;
artem_zubov@mail.ru*

Abstract: The article explores the effect of the fantastic in Aldous Huxley's early short story "Cynthia," which was published in author's first story collection *Limbo*, and pursues two goals. First, it examines the fantastic as a category of reader's experience associated with the violation of norms of reality within the fictional world of the text. Second, it analyzes Huxley's narrative techniques that evoke this experience in the reader. To achieve these goals, the article introduces the concept of the effect of the fantastic.

The article consists of two sections. The first examines works that explore the receptive, experiential dimension of the fantastic. Drawing on T. Todorov's, S.N. Zenkin's, and other scholars' works, the author proposes that the effect of the fantastic is a textual effect that allows the reader to experience a disruption of reality within the textual world. The author proceeds from the premise that this effect is created not by the theme or content of the work, but by its aesthetic form.

In the second section, the author analyzes Huxley's short story in the context of themes and problems of *Limbo*. In particular, the author focuses on the duality of sacred and profane love in this collection. The analysis reveals that in the short story the effect of the fantastic is achieved through a shift in narrative point of view which tunes the reader to different modes of perception of the plot—opens it up to a supernatural interpretation. The author also demonstrates that the effect of the fantastic supports the theme by removing the opposition between types of love and showing their inseparability.

Keywords: the effect of the fantastic; the fantastic; Aldous Huxley; style; tone

Funding: The reported study was funded by RSF, project number 25-28-00584, <https://rscf.ru/project/25-28-00584/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

For citation: Zubov A.A. (2026) The Effect of the Fantastic in Aldous Huxley's "Cynthia." *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 142–152.

«Цинтия» — ранний рассказ Олдоса Хаксли, опубликованный в первом сборнике прозаических произведений писателя «Лимбо» (1920). По сюжету герой-повествователь рассказывает историю из прошлого, когда он был студентом Оксфорда — «в далекие дни на-

чала нашего ужасного века» (264)¹. Это история о новой знакомой его друга, Лайкэма, с которой он встретился в театре и которая будто бы богиня, о том, как между ними сразу вспыхнула страсть, а также что и он сам — тоже некий бог.

Рассказ можно условно поделить на две части: в первой герой выслушивает историю Лайкэма, во второй — наблюдает встречу «богов» своими глазами. Части отличаются не только сменой точки зрения, но и повествовательной манерой, которая влияет на восприятие происходящего читателем. В первой части однозначно ироничное, скептическое отношение рассказчика к истории друга передается и читателю: Лайкэм кажется пленником собственных фантазий и страстей, мешающих ему воспринимать события здраво. Во второй из-за изменений в манере повествования появляется двусмысленность в том, как понимать встречу Лайкэма с предполагаемой богиней, что дает читателю возможность интерпретировать происходящее в сверхъестественном ключе. И хотя рассказчик сразу возвращается к прежней манере повествования, показывая, что своего отношения к другу он не поменял, это не отменяет переживания, которое смена точки зрения дала читателю, — опыта ослабления, приостановки правил внутритекстовой реальности. Воздействие, которое этот момент оказывает на читателя, мы предлагаем называть *эффектом фантастического*. Мы также полагаем, что этот эффект работает на раскрытие основной темы рассказа — и одной из сквозных тем сборника — дуализма сакральной и профанной любви: эффект фантастического позволяет писателю снять оппозицию между ними, показать их неразделимость.

Настоящая статья преследует две цели. Во-первых, проблематизировать фантастику как категорию читательского переживания, создаваемого формой произведения, текстуальным эффектом фантастического. Во-вторых, исследовать, какие повествовательные приемы участвуют в создании этого эффекта в рассказе Хаксли.

Эффект фантастического в литературоведении

Фантастикой обычно называют тематическую категорию произведений, рассказывающих о невероятных, невозможных, невысказанных событиях и явлениях. Вместе с этим представляется продуктивным посмотреть на фантастику и как на категорию читательского опыта, связать это понятие с особым переживанием, вызываемым не «фантастическим» содержанием произведения, а его эстетической формой. Это переживание возникает вследствие осо-

¹ Здесь и далее номера страниц из рассказа Хаксли указываются в основном тексте в скобках по изданию: [Хаксли 1987].

бого текстуального эффекта фантастического, который позволяет читателю испытать сбой или ослабление реальности внутри вымышленного мира текста. Функционирование этого эффекта предполагает подстраивание читателя под внутритекстовую реальность, по отношению к которой опознаются отклонения от нее и, таким образом, переживаются как невозможные, «фантастические».

В наших рассуждениях мы опираемся на работы, в которых проблематизируется рецептивное, экспериенциальное измерение фантастики, в частности на исследование Цветана Тодорова. Под фантастикой он понимал такой модус изображения сверхъестественного, при котором оно не натурализуется в вымышленной реальности текста, а показывается как нарушение и поэтому вызывает у читателя интерпретативные колебания о природе этой реальности [Тодоров 1997: 18–25]. Иными словами, переживание читателем невозможности, «фантастичности» событий моделируется дискурсом текста — динамикой отношений между внутритекстовой нормой и отклонением от нее.

Рецептивный подход Тодорова был продуктивно воспринят другими учеными, которые обратились к вопросу, как именно текст направляет читателя — как сигнализирует о нарушении нормы и передает опыт невозможного. Так, Эрик Рэбкин отмечал, что фантастическое в тексте опознается не через сопоставление с внешней реальностью, а наоборот, в результате подстраивания читателя под «правила вымышленного мира», т. е. «фантастичность» текста может переживаться только при погруженном, вовлеченном чтении. Он также предложил различать сигналы фантастического, исходящие от героев, повествователя и имплицитного автора, и исследовал их функции [Rabkin 1976: 17–41]. В XXI веке исследователи сосредоточились в основном на роли героя-фокализатора. В особенности это видно в работах С.Н. Зенкина и П. Гарсия, которые не зависимо друг от друга вводят понятие «эффекта фантастики» / “the fantastic effect”.

Согласно Зенкину, фантастическое не распределено по тексту равномерно, а локализуется в отдельных точках, в которых эффект фантастики создается за счет перепада нормы реальности в вымышленном мире. Ключевая роль в формировании этого эффекта, по Зенкину, принадлежит герою как носителю опыта — он реагирует на странные события и явления, свидетельствует о чуде в мире, где чудес быть не может [Зенкин 2006: 50–53]. Герой, таким образом, — это не только структурная инстанция, но, что важнее, миметическая, предполагающая особый режим восприятия: «подражание», идентификацию, эмпатию, — и заражающая читателя своим аффектом и эмоцией [Зенкин 2018: 295–298].

В схожем ключе рассуждает Гарсия. Как и для Зенкина, для нее важны отдельные моменты в произведениях, в которых сталкиваются конфликтующие версии реальности и которые тем самым оказывают на читателя «фантастический эффект». Так, с точки зрения рецепции в «Дракуле» Б. Стокера абстрактный онтологический статус монстра менее значим, чем реакция на него героя, так как именно она передает читателю опыт нарушения нормы — удивление, шок от слома картины мира, в которой вампиров нет [García 2015: 2–16]. Реакция героя, таким образом, служит подсказкой для читателя, как относиться к происходящему в произведении, что переживать — удивляться нарушению или воспринимать как норму.

Как мы видим, в фокусе внимания ученых — персонаж, который, с одной стороны, сигнализирует о сбое в норме вымышленной реальности и, с другой, передает опыт нарушения, обуславливая чувственно-миметическое переживание текста читателем. Вероятно, во многих случаях так и есть: именно через героя читатель получает опыт фантастического. Однако стоит полагать, что функционирование эффекта фантастического не может сводиться только к «подражательной» реакции читателя на поведение персонажа.

Продуктивнее видеть в эффекте фантастического результат более тонкой со-настройки читателя и текста, при которой читатель подстраивается под разные уровни текста и настраивается на нужный режим восприятия. Как следствие, для анализа эффекта фантастического мы предлагаем обращать внимание не только на реакции персонажей, но также на другие аспекты повествования и следить за тем, как они «работают» на передачу определенного переживания. В рассказе Хаксли мы будем фокусироваться на точке зрения и манере повествования и их роли в создании интересующего нас эффекта.

Эффект фантастического в рассказе Хаксли

Рассказы в сборнике «Лимбо», помимо общей сатирической направленности, объединяют темы дуализма и двойничества: персонажи составляют пары, в которых, с одной стороны, сталкиваются противоположности — разум и чувство, творчество и интеллект, рациональное и иррациональное; с другой, показывается их неразделимость. Эти пары позволяют Хаксли исследовать разные аспекты собственной личности, свое отношение к тем или другим темам и проблемам, среди которых — двойственность любви [Hull 2004: 27–28]. Оппозиция сакральной и профанной любви рассматривается писателем в нескольких рассказах сборника — «Фарсовая история Ричарда Гринау», «И зажили они счастливо» и «Цинтия», причем, как замечают исследователи, «отказ Хаксли видеть в духов-

ной любви какую-то отдельную сферу опыта предполагает, что все формы любви он рассматривает как источники потенциально религиозного переживания» [Hull 2004: 24], Мысль, что божественное может проглядывать сквозь плоть, появляется уже в ранних поэтических опытах Хаксли, важна она и для рассказа «Цинтия».

Динамика повествования в рассказе строится на конфликте интерпретаций, заставляет читателя буквально колебаться между двумя взаимоисключающими трактовками слова «богиня» — ироничной и серьезной, с «кавычками» и без. Согласно ироничной трактовке, история Лайкэма — это не более чем очередная любовная интрижка с легкомысленной барышней-«богиней» из театра, согласно второй — это рассказ о чувственно-возвышенном, почти сверхъестественном опыте.

Напомним, что в первой части рассказа история Лайкэма подается в восприятии настроенного скептически героя-повествователя. Однозначность его отношения подчеркивается ироничной интонацией, с которой он отзывается на реплики друга. Согласно Питеру Стоквеллу, интонация, или тон произведения, — это элемент стиля, который служит для характеристики не вымышленного мира истории, а субъекта повествования через указание на его настроение, отношение к описываемому, индивидуальные черты и т. д. Как следствие, интонация участвует в создании коммуникативной среды между читателем и миром текста и тем самым влияет на его восприятие [Stockwell 2014: 361–362]. Через интонацию могут вводиться различные точки зрения на изображаемые события, что в свою очередь способствует погружению читателя в мир текста, адаптации к внутритекстовой реальности.

Приведем несколько реплик из разговора героев:

— Что ж, послушаем про восхитительную Флосси, или Эффи, или как там ее имя, — сказал я, сдаваясь.

— Поверь, она — богиня.

— Богиня разума², наверное.

— Богиня, — продолжал Лайкэм, — самое восхитительное создание, какое я только встречал. И замечательно то, — добавил он доверительно, с плохо скрываемой гордостью, — что я и сам, очевидно, какой-то бог.

— Бог огородов. Но переходи к фактам³.

---

² “The goddess of reason”, — говорит рассказчик в оригинале и тем самым намекает, что как раз здравого смысла его другу и не достаает. Здесь и далее ссылки на оригинальный текст рассказа Хаксли приводятся без указания номеров страниц по электронной версии издания [Huxley 1920].

³ В оригинале юмор строится на игре слов: “...it seems I myself am a god of sorts. — Of gardens; but do come down to facts.”

— Расскажу тебе всю историю. <...> Я не могу описать ее — она просто совершенство, больше тут нечего сказать.

— Совершенство, — повторил я. — Но ведь и все остальные до нее тоже были такими.

— Дурак! — раздраженно ответил Лайкэм. — Все остальные были просто женщины. А это богиня, говорю тебе (266).

В этом фрагменте видно, как рассказ предлагает читателю две точки зрения на историю Лайкэма. Восклицание «А это богиня, говорю тебе», произнесенное в ответ на скептическую ремарку рассказчика, можно понимать двояко. С точки зрения рассказчика это усиление, поэтическое преувеличение, с помощью которого Лайкэм пытается донести до собеседника, что все его прежние пассии по сравнению с новой — обычные женщины, новая же — «настоящая» богиня, хотя и в иносказательном смысле. Если прочитывать эту фразу с позиции рассказчика, то она выдает неспособность друга контролировать свое воображение и прихоти, т. е. характеризует говорящего, а не «богиню». Для Лайкэма же, наоборот, в его словах нет ни преувеличения, ни иносказания, а есть намерение передать буквальный смысл: его новая знакомая для него, по-видимому, — именно что настоящая богиня.

Хотя в рассказе даются две точки зрения, выбора у читателя в действительности почти нет. Повествование склоняет к тому, чтобы воспринимать историю Лайкэма скептически и соглашаться с иронией рассказчика. Его позиция подается как «ведущая», в разговоре он выступает в более активной роли и всячески пытается подловить друга на (непреднамеренном) искажении фактов. «Наши глаза встретились», — говорит Лайкэм; «Какое ужасное выражение, совсем как из романа» (266), — парирует рассказчик, намекая, что восприятие друга затуманено литературными штампами.

Лайкэм рассказывает, как во время спектакля он и богиня держались за руки. «И ваши ладони, прижатые друг к другу, все больше и больше потели», — ехидно замечает рассказчик, имея в виду, что потливость присуща и «богиням»; «Ничего ты не знаешь: ты никогда не держал в своих руках руку богини» (267), — отвечает Лайкэм. С позиции говорящего эта фраза означает, что у богинь руки не потеют в принципе; если же прочитать ее с точки зрения рассказчика, то она выдает раздражение Лайкэма от того, что в рассказ о «богине» вводятся сниженные, телесные подробности.

В ходе беседы рассказчик пытается поймать друга на непоследовательности в изложении фактов. «В этот напряженный момент я вдруг почувствовал на своей щеке ее поцелуй», — продолжает Лайкэм, на что слышит: «Ты, кажется, говорил, что она целомудрен-

на». Но Лайкэма это противоречие нисколько не смущает, ведь для него никакого парадокса и нет: «Конечно, абсолютно целомудренна, чиста, как снег. Но она из такого снега, который горит, если ты меня понимаешь. Она целомудренно-страстная — именно то сочетание, которое можно ожидать у богини» (267).

На фоне замечаний и издевок рассказчика не может не поражать непоколебимая и последовательная серьезность, с какой Лайкэм говорит о богине. В отличие от рассказчика, чьи слова будто бы намеренно неоднозначны и «заражают» двусмысленностью реплики собеседника, он старается доносить историю так, чтобы она не обозначала ничего, кроме самой себя, старается не упускать никаких деталей, даже «лишних» (создающих так называемый эффект реальности). Например, так он передает ответ своей новой знакомой на вопрос, богиня ли она: «Она сказала, что это интересный вопрос, потому что сама думала о том, какой бог я. И мы сказали друг другу: как невероятно! И я сказал, что уверен в том, что она богиня, а она сказала, что не сомневается в том, что я какой-то бог, и я купил шоколадных конфет, и началось третье действие» (267).

Может создаться впечатление, что Лайкэм показан как наивный простачок, неспособный дистанцироваться от окружения и мыслить критически. Но это не так: например, его характеристика спектакля показывает, что и он владеет иронией и сарказмом: «Это — одно из тех хитроумных соединений мелодрамы с проблемной пьесой, которые захватывают тебя так, что забываешь все на свете, и в то же время дают приятное ощущение, что смотришь что-то серьезное» (266). А значит, серьезность, с какой Лайкэм доносит свою историю, происходит не из его неумения рассказывать иначе, в других стилистических регистрах, а направлена на то, чтобы убедить собеседника в буквальности своего рассказа.

Во второй части рассказа герой-повествователь собственными глазами наблюдает встречу Лайкэма с «богиней», а также выясняет, какой же тот «бог». Смена повествовательной перспективы влияет на интерпретацию событий, делает ее менее однозначной. В частности, это достигается за счет того, как меняется изображение пространства. Так, в эпизоде, предшествующем встрече, по-прежнему прослеживается ирония, но появляется также поэтичность в описании пейзажа: «Мы вышли, когда был уже вечер, и прошли в бледных сумерках⁴ по бечевнику до самого Годстоу», «К этому времени на землю сошла тьма. В небе зажглись звезды» (269). События эпи-

⁴ В оригинале фраза звучит еще более поэтично: “We set out through the pale tranquillity of twilight”; там же подчеркивается атмосферность, меланхоличность момента: “Over the meadows invisible peewits wheeled and uttered their melancholy cry” (в переводе Л. Паршина это предложение отсутствует).

зода и описание природы при этом подаются через призму литературных отсылок и аллюзий: «...заглянули в трактир, чтобы выпить по рюмке портвейна и поболтать с великолепным старым Фальстафом в черном шелковом платье — его хозяйкой», «Ночь была такая, с которой Марло сравнивал Елену Троянскую» (269). Все это опосредует восприятие пейзажа, акцент смещается с природы как таковой на ее «живописность», «сценичность», которая усиливается за счет звукового сопровождения: «Гром воды, доносившийся с далекой плотины, ненавязчиво аккомпанировал всем остальным звукам ночи» (269). В результате пейзаж превращается в декорацию для будто бы готовящейся инсценировки какого-то мифологического сюжета — возможно, о Диане-Кинфии, лесных нимфах и сатирах.

Постепенно пространство начинает размываться, терять четкие очертания, странным образом растягиваться и одновременно сжиматься. Лайкэм неожиданно где-то в неопределенной дали усматривает свою богиню и устремляется к ней через изгороди, болота и поля: «Мы прорвались сквозь первую изгородь ярдах в двадцати друг от друга. Потом на нашем пути оказалась небольшая запруда... Еще две изгороди, вспаханное поле, еще одна изгородь, дорога, ворота, еще одно поле, и вот мы в лесу на холме... Этот лес был кошмаром, но мы как-то пробрались через него и выбежали на открытую поляну на верхушке холма» (269–270). Трудно поверить, что с такого расстояния, тем более через лес вообще можно было что-то разглядеть, однако Лайкэму это удается. В то же время пока горизонтальное пространство растягивается, вертикальное, наоборот, сжимается: «Сквозь деревья на другой стороне прогадины сияла луна, казавшаяся невероятно близкой» (270). Происходит и очередная смена интонации: теперь перед читателем разыгрывается сцена комедийного характера. Природа здесь — это уже не декорация для пьесы на мифологическую тему, а череда препятствий: «Лайкэм попытался перепрыгнуть ее [небольшую запруду. — А.З.], но плюхнулся в воду и, весь в иле, кое-как выбрался на берег» (269), «...он с шумом продирался сквозь кустарник и чертыхался от боли» (270).

Наконец цель достигнута — Лайкэм добежал до богини, ступающей — то ли буквально, то ли фигурально — по дорожке лунного света: «...из-за деревьев на дорожке лунного света появилась женская фигура. Лайкэм рванул навстречу, бросился к ее ногам и обнял ее колени. Она нагнулась и гладила его взъерошенные волосы» (270). Рассказчик бросает взгляд на открывшуюся перед ним сцену, отворачивается и уходит: «Я повернулся и пошел прочь; простому смертному невместно смотреть на объятия богов» (270).

Эффект фантастического, который формируется во второй части рассказа, создается за счет повествовательной организации

текста. В первой части доминировало ироничное отношение рассказчика к истории Лайкэма, оно задавало «реальность» внутри мира текста, которая во второй части за счет изменений в повествовательной манере и интонации становится менее однозначной. Постепенное ослабление «нормы» внутритекстовой реальности обуславливает возможность иных интерпретаций происходящего, в частности в сверхъестественном ключе — как рассказ о буквальной встрече двух богов. Однако рассказ не настаивает на этой интерпретации, а, что важнее, позволяет читателю балансировать между двумя трактовками и тем самым через историю Лайкэма испытать двойственность чувственной любви, в которой сакральное и профанное не взаимоисключают друг друга.

Уже в следующем абзаце, однако, рассказчик возвращается к прежней ироничной манере, никаких радикальных перемен в его мировоззрении встреча с «богами» не произвела. Сюжет рассказа завершается в комедийном ключе, а Лайкэм оказывается в итоге персонажем фарса: «Когда же далеко за полночь Лайкэм вернулся в колледж, я встретил его у входа, тихо взял за рукав, прошептал ему в ухо: “Козлоногий” — и снова захохотал» (270). И тем не менее такое разрешение сюжета не отменяет опыта фантастического, возникшего в короткий момент, когда изменения в повествовательной манере открыли «лазейку» для читательского переживания, которое не совпадает с переживаниями ни одного из героев. Этот опыт явно не исходит от рассказчика, чье восприятие мира не поменялось; этот опыт так же чужд и Лайкэму, который никогда и не сомневался в реальности своей богини. Таким образом, в рассказе Хаксли опыт фантастического — это исключительно читательское переживание, создаваемое за счет изменений в точке зрения и повествовательной манере, которые по-разному окрашивают и оттеняют друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зенкин С.* Эффект фантастики в кино // Фантастическое кино. Эпизод первый / сост. Н. Самутина. М., 2006. С. 50–65.
2. *Зенкин С.* Теория литературы: проблемы и результаты. М., 2018.
3. *Тодоров Ц.* Введение в фантастическую литературу. М., 1997.
4. *Хаксли О.* Цинтия // Хаксли О. Желтый Кром: Роман; Рассказы. М., 1987. С. 264–270.
5. *Garcia P.* Space and the Postmodern Fantastic in Contemporary Literature. The Architectural Void. New York; London, 2015.
6. *Hull J.* Aldous Huxley, Representative Man. Münster, 2004.
7. *Huxley A.* Cynthia // Huxley A. Limbo. London, 1920. P. 245–258. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/54895/pg54895.txt> (дата обращения: 21.10.2025)
8. *Rabkin E.S.* The Fantastic in Literature. Princeton, NJ, 1976.
9. *Stockwell P.* The Cambridge Handbook of Stylistics / Ed. by P. Stockwell, S. Whiteley. Cambridge, 2014.

REFERENCES

1. Zenkin S. Effekt fantastiki v kino [The Effect of the Fantastic in Film]. *Fantasticheskoe kino. Epizod pervyi* [Fantastic Cinema. Episode One]. Ed. by N. Samutina. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2006, pp. 50–65. (In Russ.)
2. Zenkin S. *Teoriya literatury: problemy i rezul'taty* [Theory of Literature: Problems and Results]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2018. 368 p. (In Russ.)
3. Todorov Ts. *Vvedenie v fantasticheskuyu literature* [Introduction to the Study of Fantastic Literature]. Moscow, *Dom intellectual'noi knigi Publ.*, 1997. 136 p. (In Russ.)
4. Huxley A. Tsintiya [Cynthia]. *Huxley A. Zhelyti Krom: Roman; Rasskazy* [Crome Yellow: Novel; Short Stories]. Moscow, *Khudozh. lit. Publ.*, 1987, pp. 264–270. (In Russ.)
5. Garcia P. *Space and the Postmodern Fantastic in Contemporary Literature. The Architectural Void*. New York; London, *Routledge*, 2015. 187 p.
6. Hull J. *Aldous Huxley, Representative Man*. Münster, *Lit Verlag*, 2004. 599 p.
7. Huxley A. Cynthia. *Huxley A. Limbo*. London, *Chatto & Windus*, 1920, pp. 245–258. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/54895/pg54895.txt> (accessed: 21.10.2025)
8. Rabkin E.S. *The Fantastic in Literature*. Princeton, NJ, *Princeton University Press*, 1976. xi, 235 p.
9. Stockwell P. *The Cambridge Handbook of Stylistics*. Ed. by P. Stockwell, S. Whiteley. Cambridge, *Cambridge University Press*, 2014. xv, 673 p.

Поступила в редакцию 22.10.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 22.10.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Артем Александрович Зубов — к.ф.н., преподаватель кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; научный сотрудник РХГА имени Ф.М. Достоевского; artem_zubov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Artem A. Zubov — PhD, Teaching Fellow, Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Research Fellow, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky; artem_zubov@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА РИЧАРДА ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ В СРЕДНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ “RICHARD COER DE LYON”

А.А. Ранчин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; belegdoriat@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена изучению трансформации образа Ричарда I Львиное Сердце в английской литературной традиции от хроник Третьего крестового похода начала XIII в. до анонимной среднеанглийской поэмы “Richard Coer de Lyon”, созданной на рубеже XIV–XV вв. Цель исследования — изучить, как в тексте поэмы “Richard Coer de Lyon” под воздействием жанровых конвенций и условностей трансформируется и переосмыслиется представленный в английских хрониках XIII в. «исторический» образ Ричарда Львиное Сердце. Для достижения поставленной цели в статье последовательно решаются следующие задачи: проанализировать «исторический образ» Ричарда Львиное Сердце в английских хрониках начала XIII в.; проанализировать «литературный образ» Ричарда в поэме “Richard Coer de Lyon”; сравнить «исторический» образ Ричарда с «литературным»; выявить общие и отличные черты в репрезентации фигуры английского короля. В качестве методологической основы работы выбраны сравнительно-исторический метод, а также метод интерпретации текста. В ходе анализа произведений было установлено, что в хрониках XIII в. Ричард изображен в первую очередь в качестве героя, отвечающего критериям идеального рыцаря (храбрый, щедрый, преданный слову чести и крестоносному обету). В тексте поэмы Ричард под воздействием жанровых конвенций в английской литературе XIV–XV вв. обретает ряд черт, свойственных персонажам рыцарского (фантастическое происхождение, участие в турнире, схватка со львом, любовная авантюра и т. д.) и народного (каннибализм, жестокость по отношению к врагу, приверженность Ричарда всему английскому и т. д.) романа. Сравнительно-исторический анализ позволяет сделать вывод, что образ Ричарда Львиное Сердце, представленный в поэме рубежа XIV–XV вв., значительно изменяется в сравнении с тем, что можно видеть в хрониках XIII в.: из исторической фигуры и идеала европейского рыцарства Ричард превращается в английского национального героя.

Ключевые слова: Ричард Львиное Сердце; “Richard Coer de Lyon”; рыцарский роман; народный роман; хроника; образ; средневековая английская литература

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-12

Для цитирования: Ранчин А.А. Литературная трансформация образа Ричарда Львиное Сердце в среднеанглийской поэме “Richard Coer de Lyon” // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 153–165.

THE LITERATURE TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF RICHARD THE LIONHEART IN THE MIDDLE ENGLISH POEM “RICHARD COER DE LYON”

Alexander A. Ranchin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; belegdoriat@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the study of the transformation of the image of Richard I the Lionheart in the English literary tradition, from the chronicles of the Third Crusade of the early thirteenth century to the anonymous Middle English poem “Richard Coer de Lyon”, composed at the turn of the fourteenth and fifteenth centuries. The aim of the study is to examine how, in the text of the poem “Richard Coer de Lyon”, the “historical” image of Richard the Lionheart, presented in the English chronicles of the thirteenth century, is transformed and reinterpreted under the influence of genre conventions and literary traditions. To achieve this aim, the article addresses the following tasks: identifying the “historical” image of Richard in early thirteenth-century English chronicles; identifying the image of Richard in the poem “Richard Coer de Lyon”; and contrasting the “historical” and “literary” representations of Richard in order to reveal both common and divergent traits in the king’s literary image. The methodological basis of the research combines the comparative-historical method with textual interpretation. The analysis demonstrates that in the chronicles of the thirteenth century Richard is primarily depicted as a hero embodying the ideal qualities of a knight: courage, generosity, loyalty to his word and to the crusading oath. In the poem, however, Richard acquires features characteristic of both chivalric romance (fantastic origins, participation in a tournament, combat with a lion, a love affair, etc.) and popular romance (cannibalism, cruelty toward the enemy, emphasis on “Englishness”, etc.). A comparative-historical approach allows the conclusion that the image of Richard the Lionheart in the poem of the late fourteenth and early fifteenth centuries undergoes significant transformation in comparison with the chronicles of the thirteenth century: from a historical figure and ideal of European knighthood Richard becomes a national English hero.

Keywords: Richard the Lionheart; Richard Coer de Lyon; chivalric romance; popular romance; chronicle; representation; medieval English literature

For citation: Ranchin A.A. (2026) The Literature Transformation of the Image of Richard the Lionheart in the Middle English Poem “Richard Coer de Lyon”. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 153–165.

Образ Ричарда Львиное Сердце в английских хрониках начала XIII в.

“Richard Coer de Lyon” (далее по тексту: RCL) — среднеанглийская анонимная поэма (romance), повествующая о приключениях Ричарда Львиное Сердце, преимущественно о его подвигах во время Третьего крестового похода. Текст поэмы дошел до нашего времени в семи рукописях, самая ранняя из которых датируется началом XIV в., а самая поздняя — второй половиной XV в. [Larkin 2015: 3]. Большинство исследователей полагают, что среднеанглийской поэме предшествовал англо-нормандский текст, созданный в середине XIII в. [Hibbard 1969: 147]. Ученые выделяют две версии текста — более краткую и представленную в ранних рукописях метризованную хронику «В» и более позднюю и пространную «А», по жанровым особенностям близкую к рыцарскому роману или песне о деяниях (chansons de geste) [Finlayson 1990; Shutters 2009].

Необходимо сделать уточнение, что в данной статье (в силу ограниченного объема работы) анализируется только версия «А», более подробная и «романизованная».

RCL, пожалуй, наиболее яркий пример процесса переосмысления фигуры Ричарда Львиное Сердце в средневековой английской литературе. Чтобы это продемонстрировать, сначала нужно проанализировать «исторический образ» Ричарда, то есть посмотреть, как его изображали авторы английских хроник начала XIII в., а затем сравнить этот образ с представленным в среднеанглийской поэме. Здесь нужно сделать уточнение, что под «историческим» образом Ричарда Львиное Сердце в данной статье понимается не его реальная личность, а ее отражение в исторической литературе — в данном случае в хрониках Третьего крестового похода.

Охарактеризовать образ Ричарда Львиное Сердце во всех английских хрониках, созданных в начале XIII в., в рамках одной небольшой статьи не представляется возможным. Поэтому в качестве примера остановимся на анализе двух произведений — «Итинерария паломников и деяний короля Ричарда» (далее по тексту: «Итинерарий») английского священнослужителя и хрониста Ричарда де Темпло, а также «Истории Священной войны» (далее по тексту: «История») англо-нормандского поэта и историка Амбруаза.

Данный выбор обусловлен следующими факторами. Во-первых, «Итинерарий» и «История» — наиболее подробные и исторически точные произведения начала XIII в. о правлении Ричарда и Третьем крестовом походе. Во-вторых, они имеют схожую со среднеанглийской поэмой сюжетную структуру. И, в-третьих, именно эти тексты могли служить источниками для RCL [Hibbard 1969; Larkin 2015].

«История Священной войны» поэта, историка и непосредственного участника Третьего крестового похода Амбруаза была написана в 1190-е гг. М.А. Заборов характеризует «Историю» Амбруаза как произведение, занимающее «промежуточное положение между *chansons de geste* и хроникой» [Заборов 1966: 146]. «История» является поэтическим текстом, написанном на нормандском диалекте старофранцузского языка.

«Итинерарий» был создан в промежутке с 1216 по 1222 гг. настоятелем монастыря Святой Троицы в Лондоне Ричардом де Темпло, в молодости лично участвовавшим в Третьем крестовом походе на стороне Ричарда [Nicholson 1997: 9]. Текст «Итинерария» представляет собой хронику на латинском языке с описанием паломничества христиан в Святую Землю и элементами песен о деяниях [Staunton 2017:145–146].

В этих текстах сходны подходы и приемы, используемые авторами при создании образа Ричарда Львиное Сердце.

С одной стороны, это сходство — результат принадлежности обоих хронистов к одному «лагерю». И Ричард де Темпло, и Амбруаз участвовали в крестоносной экспедиции в армии Ричарда, оба стараются возвысить своего господина и показать его в лучшем свете. Так, например, в стремлении представить Ричарда как честного и справедливого правителя Амбруаз и Ричард де Темпло перекладывают вину за казнь Ричардом почти трех тысяч сарацинских пленников на Саладина и его приближенных [Ambrois 1897: 147–148; *Itinerarium* 1864: 243]. С другой стороны, общее для хроник в изображении фигуры Ричарда — проявление жанровых условностей и литературной традиции.

В XII–XIII вв. в западноевропейской литературе под влиянием становления рыцарства как элитарного сословия средневекового общества и появления куртуазной культуры складывается канон изображения идеального рыцаря. Основными качествами, которыми должен был обладать идеальный представитель рыцарского сословия, были: храбрость, щедрость, милосердие, преданность слову чести и куртуазность (учтивость) [Флори 2008: 360, 477–478]. Образы идеализированного воина можно встретить в песнях о деяниях, романах Кретьена де Труа и даже в исторических произведениях.

Ричард Львиное Сердце на протяжении всей жизни стремился внедрить рыцарскую идеологию в управление государством, а его подданные желали видеть в нем своего предводителя и защитника [Флори 2008]. Потому неудивительно, что в «Итинерарии» и в «Истории» образ Ричарда в целом соответствует литературной модели идеального рыцаря.

Английскому королю присущи храбрость, нечеловеческая сила и выносливость. Вот как описывает Ричарда автор «Итинерария»: «Никогда еще ни один воин любой веры не демонстрировал такой исключительности в храбрости, даже в делах старины, традициях сказителей или исторических сочинений давних времен, как король Ричард» («Porro, nec ex gestis antiquorum, vel ex traditione narratum, vel ex lectione scriptorum, a longe retroactis temporibus, unquam alter cuiuscunque credulitatis tantae virtutis praerogativa bellator eximius enitiuit, quanta rex Ricardus») [Itinerarium 1864: 410]. Ричард в своем могуществе и непобедимости превосходит героев давнего прошлого: Роланда, Гектора, Александра Македонского [Itinerarium 1864: 143]. Отвагу и воинскую доблесть Ричарда признают даже враги — Саладин и его эмиры.

Ричард, как подобает идеальному рыцарю, не только храбр, но еще и щедр. В тексте «Итинерария» и «Истории» содержится около пятнадцати эпизодов, где король демонстрирует щедрость по отношению к своим подданным.

Что касается милосердия и приверженности слову чести, в обеих хрониках рубежа XII–XIII вв. встречается не так много проявлений этих качеств со стороны Ричарда, однако они есть. К примеру, это приказ пощадить напавших на крестоносцев жителей Мессины [Ambrois 1897: 17–18; Itinerarium 1864: 163]. Также авторы в силу определенной тенденциозности своих произведений стараются «сладить» известные по арабским и французским источникам наиболее «острые углы» биографии своего господина, чтобы читатели не заподозрили его в пренебрежении идеей милосердия. Самый очевидный и яркий пример — рассмотренный выше эпизод убийства Ричардом и его воинами сарацинских пленников у стен Акры.

Приверженность слову чести авторы обоих произведений чаще всего демонстрируют через крестоносный обет короля, преданность которому постоянно упоминается в обеих хрониках [Ambrois 1897: 262–264, 273–275; Itinerarium 1864: 140, 369, 372, 382]. Ричард также выкупает из сарацинского плена рыцаря Вильгельма де Прё, тем самым показывая верность рыцарской клятве [Itinerarium 1864: 440].

Поскольку оба текста рассказывают о военных событиях, куртуазному поведению в них уделяется не очень много внимания. Правда, Ричард ни в одной известной нам хронике не проявляет себя в роли рыцаря, сражающегося на турнире за руку прекрасной дамы или пишущего любовные стихи [Флори 2008]. Здесь, однако, нужно отметить, что куртуазность в Средние века предполагала не только ухаживания за возлюбленной, но в целом поведение, соответствующее правилам двора. То есть в понятие куртуазности в конце XII — начале XIII вв. входили также храбрость, умение вести

себя в придворном обществе, произносить речи и т. д. И такие моменты, пусть и немногочисленные, где Ричард показывает себя в образе учтвого правителя, в текстах Амбруаза и Ричарда де Темпло тоже есть [Ambrois 1897: 46–47; Itinerarium 1864: 196, 381].

Для двух английских хронистов, создававших свои труды вскоре после описываемых в них событий, Ричард Львиное Сердце был «цветком добродетели и венцом рыцарства» («flos virtutis et vertex militiae») [Itinerarium 1864: 381].

Трансформация восприятия фигуры Ричарда: «романный» образ короля-крестоносца

Фигура Ричарда Львиное Сердце была крайне популярна в английской культуре в XIII и XIV вв. В значительной степени эта популярность была связана с историческим и политическим контекстом. К концу XIII в. крестоносцы потеряли свои завоевания в Святой Земле. Истории о подвигах Ричарда на Востоке напоминали о былых временах, когда европейцам сопутствовал успех в борьбе с сарацинами [Shutters 2009: 76]. Кроме того, образ Ричарда как успешного военачальника был крайне востребован во время Столетней войны. Авторы литературных (и не только) произведений использовали его в качестве «национального символа» для сплочения англичан в борьбе против врага [Shutters 2009]. При этом, как под влиянием внешних обстоятельств, так и вследствие воздействия различных жанровых установок тех произведений, героем которых становился Ричард, его «исторический» образ, представленный в хрониках, постепенно трансформировался.

Более поздняя и обширная версия текста RCL («А») представляет читателю образ английского короля, заметно отличающийся от того, который можно наблюдать в исторических произведениях начала XIII в.

Под воздействием традиций написания рыцарского романа, во-первых, значительно перерабатывается структура текста, несмотря на общую с хрониками сюжетную канву. В поэму добавлены характерные для рыцарского романа эпизоды, рассказывающие о необычном происхождении главного героя (стихи 35–250)¹, о его участии в турнире (стихи 252–426), любовной связи Ричарда с дочерью германского императора и его победе над грозным противником в лице голодного льва (стихи 657–1242). Все эти небольшие сюжеты, за исключением «германского эпизода», не имеют исторической основы.

---

¹ Здесь и далее по тексту номера стихов указаны по следующему изданию: Richard Coer de Lyon / Ed. by P. Larkin. Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 2015.

Так, ни один из источников конца XII — первой половины XIII вв. не сообщает об участии Ричарда в рыцарских турнирах [Флори 2008: 390]. В поэме же этому событию уделяется особенное внимание: на турнире Ричард не только показывает себя как достойный воин, но и таким образом заручается поддержкой двух верных соратников по крестоносной экспедиции — рыцарей Фолька Дойли и Томаса Малтона. Оба героя не существовали в действительности, а вымышлены автором поэмы, возможно, под влиянием романов «артуровского цикла», где король Артур часто изображается в компании двух побратимов Кая и Бедивера. Пожалуй, в сцене рыцарского турнира Ричард впервые в истории литературы появляется в образе его участника. Впоследствии этот образ станет прочно ассоциироваться у современных читателей с Ричардом благодаря романам Вальтера Скотта.

Историческое основание, как было отмечено, есть в эпизоде пленения Ричарда. После окончания Третьего крестового похода английский король и его подданные, пытаясь попасть домой через немецкие земли, оказались в плену сначала у герцога Леопольда Австрийского, а затем у германского императора Генриха VI [Флори 2008; Перну 2009]. В RCL эта история под воздействием жанровых особенностей рыцарского романа, выполняющего прежде всего развлекательную функцию [Ершова 2023], дополняется любовной авантюрой между находящимся в тюремном заключении Ричардом и дочерью его пленителя, а также поединком Ричарда со львом. Оба эпизода пропитаны «романными» образами: запертый в башне герой, прекрасная принцесса, влюбляющаяся в него с первого взгляда и проводящая в его объятьях семь ночей, поедание Ричардом сырого сердца побежденного им льва на глазах у ошеломленного германского императора, который в ужасе дает Ричарду прозвище «Львиное Сердце» (стихи 1115–1118). Пленение Ричарда в поэме помещено автором перед Третьим крестовым походом, в то время как в реальности оно произошло уже после. Вероятно, такое решение автора связано с потребностью создать более приемлемую композицию — пленение Ричарда в конце героической поэмы о крестовом походе в Святую Землю выглядело бы не очень уместно.

Но, наверное, самой необычной из выдуманных историй, предваряющих основное повествование о путешествии Ричарда в Святую Землю, является эпизод женитьбы короля Генриха II на матери Ричарда. В действительности супругой Генриха и матерью Ричарда была Алиенора Аквитанская, герцогиня Аквитании, Гаскони и Пуатье, королева Франции с 1137 по 1153 г., королева Англии с 1154 г. и фактическая правительница государства во время участия Ричарда в крестовом походе. Создатель поэмы полностью игнорирует

историческую реальность, заменяя Алиенору вымышленной принцессой Кассодориэн, дочерью мифического короля Антиохии Корбаринга. Это, с одной стороны, политическое решение — таким образом автор поэмы «лишает» Ричарда связей с Францией, нежелательных во время Столетней войны, а также объясняет интересы английского короля на Востоке его восточным происхождением [Akbari 2005: 201, 204]. С другой стороны, этот отход создателя поэмы от исторической правды позволяет создать типичный для романа сюжет о необыкновенном происхождении главного героя [Shutters 2009: 77].

Стараясь добиться максимального эффекта неординарности происхождения Ричарда, автор текста добавляет в историю большое количество «романных» волшебных деталей: начиная с описания поисков Генрихом II самой красивой женщины в мире, напоминающих приключения рыцарей Круглого стола (стихи 35–184), и заканчивая превращением супруги Генриха и матери Ричарда Львиное Сердце в демоницу (стихи 207–234). Последний эпизод представляет собой вариацию легенды о прекрасной женщине, подарившей правителю сыновей, но превратившейся в демона (в некоторых вариантах легенды в дракона) во время мессы или обряда экзорцизма и улетевшей от своего супруга навсегда. Данная легенда, действительно имевшая отношение к предкам Ричарда (правда, к более дальним), содержится во многих произведениях XIII–XIV вв.: от «Назидания принцам» Гиральда Камбрийского до «Романа о Мелюзине, или Истории рода Лузиньянов» Жана д'Арраса [Семёнов 2023: 2620–2621]. Ричард таким образом предстает в тексте поэмы не просто выдающимся героем, но и не совсем человеком, сыном демоницы, обладающим сверхъестественными способностями.

Тема «демонизма» Ричарда вообще отличительна для данной поэмы. Истоки и причины ее появления в поэме о Ричарде хорошо изучены в предшествующих исследованиях [Shutters 2009; Семёнов 2023]. Здесь же стоит отметить, что Ричард, в отличие от «исторического» образа в хрониках, гораздо чаще предстает перед читателями не благородным рыцарем, а лишенным милосердия и учтивости дьяволом во плоти. Как противники, так и союзники Ричарда подчеркивают его «сверхъестественную» природу при помощи формулы «Это не человек, а дьявол» (“This is a devyl and no man”) (стихи 500; 1112), а также различных ее вариаций: “semyd weel to ben a qued”, “he was a devyl of helle”, “The Englyssche devyl icome is” (стихи 522; 2580; 6818). Правда, в данном случае эта «дьявольская» часть Ричарда положительно оценивается автором поэмы. Ричард — дьявол для своих врагов, а не для союзников [Семёнов 2023: 2619].

Стоит кратко упомянуть еще одну важную и подробно рассмотренную филологами составляющую образа Ричарда в поэме — каннибализм. Впервые на каннибализм Ричарда в поэме обратил внимание Ипполит Тэн в своей «Истории английской литературы». В тексте есть два эпизода, где Ричард совершает акт каннибализма (стихи 3077–3124; 3439–3562). Эта особенность «романного» Ричарда («исторический» не был замечен ни в чем подобном) обусловлена в большей степени не литературной традицией, а политическими мотивами автора, уделившего большое внимание теме английского национализма в тексте поэмы. Поедание сарацин Ричардом вместо свинины низводит его противников до уровня животных, а англичан-крестоносцев возносит на позицию избранного Богом народа (*populi Dei*), поскольку именно по божьей воле Ричард и его люди столь жестоко расправляются с сарацинами [Larkin 2015: 20]. В поэме Ричард — это «бич божий» для всех неверных: ближе к концу текста автор пишет, что Ричард, сокрушая сарацин своим топором, отправлял их души напрямую к Сатане: “Men myghten see hym with myghte and mayne, / Schede the Sarazynys blood and brayn. / Upon the place that grene was, / Many soule went to Santanas” (стихи 7031–7034).

Ричард в RCL в целом зачастую демонстрирует чрезмерную жестокость по отношению к врагу: он приказывает разорять города, грабить и убивать мирных жителей (стихи 2229–2232; 3965–3970; 4659–4663; 6180–6190). Он даже отчитывает французского короля Филиппа II за его милосердие по отношению к сарацинам (стихи 4688–4696). В этих эпизодах, по мнению исследователя поэмы Питера Ларкина, прослеживается влияние не рыцарского, а народного романа, в котором типичная для рыцарского романа объединяющая представителей феодального общества Европы этика заменяется идеей исключительности определенного народа, в данном случае английского [Larkin 2015: 20].

В целом, текст RCL довольно сложно отнести к какой-то одной жанровой традиции: в нем нашли отражения темы и мотивы, характерные для исторической хроники, рыцарского романа, песен о деяниях и народного романа.

К влиянию традиции последнего также можно отнести «английскость» Ричарда в RCL. Автор не только лишает его генетической связи с Францией, убирая из повествования упоминания реальной матери Ричарда и заставляя его говорить на английском языке (которого «исторический» Ричард практически не знал), но также изображает его в сражениях с топором («ахе»), выкованным в Англии, чтобы «крушить сарацинские кости» (стихи 2209–2212). Топор — совсем не рыцарское оружие (в хрониках XIII в. Ричард использует меч), но предмет вооружения английского пехотинца времен Сто-

летней войны. Автор как бы «приближает» своего героя к читателям народного романа [Akbari 2005: 201]. Если «романный» Ричард утрачивает милосердие по отношению к противнику, то его сила и воинские качества под воздействием литературной обработки, наоборот, возрастают. Храбрые и доблестные подвиги Ричарда на поле боя упоминаются в поэме более сотни раз, при этом в ряде эпизодов его физические способности явно гиперболизированы даже в сравнении с крайне комплиментарными по отношению к Ричарду английскими хрониками XIII в. Например, в сражениях с сарацинами Ричард лично побеждает тысячи врагов (стихи 5129; 6835). Нечеловеческая сила, присущая английскому королю в поэме, проявляется в двух эпизодах уничтожения Ричардом монументальных построек врага. В первом эпизоде Ричард могучим ударом разрушает цепь, перегораживающую бухту Акры (стихи 2633–2638), а во втором, также нанеся всего один удар, раскалывает на две части мраморную статую, которой поклонялись сарацины (стихи 6270–6276).

Примечателен также список героев, с которыми автор поэмы сравнивает Ричарда (стихи 6711–6730). Часть из них — герои древнегреческого и древнеримского эпоса (Гектор, Ясон, Ахилл, Геракл, Эней) и песен о деяниях (Александр Македонский, Карл Великий, Роланд), с которыми Ричарда в XIII в. уже сопоставлял создатель «Итинерария» [Itinerarium 1864: 143]. Однако в поэме Ричард в том числе сравнивается с персонажами артуровского цикла (король Артур, Гавейн, Ланселот), а также с героями англо-нормандских рыцарских романов XIII–XVI вв. — Бэвом из Антона и Гаем из Уорвика. Таким образом Ричард в RCL превращается из исторической фигуры в легендарного героя английской литературы.

Наконец, в отличие от «Итинерария» Ричарда де Темпло и «Истории» Амбруаза, RCL — буквально история о приключениях одного героя: необыкновенное появление на свет, испытания, великие подвиги и героическая смерть в конце. В хрониках Ричард — безусловно, главная фигура в повествовании, но его история вписана в более глобальный контекст войны за Иерусалим и христианские святыни. И «Итинерарий», и «История» начинаются с событий, предшествующих прибытию Ричарда в Святую Землю и его напрямую не касающихся. Помимо действий самого английского монарха, авторы хроник уделяют значительное внимание описанию пути крестоносцев на Восток, крестоносному быту, политической и военной обстановке, взаимоотношениям между союзниками и т. д. Степень акцентирования внимания на одном герое в RCL заметна даже в названиях произведений: в среднеанглийской поэме имя Ричарда прямо вынесено в заглавие, тогда как в хрониках оно либо находит-

ся во второй части названия («Итинерарий паломников и деяния короля Ричарда»), либо и вовсе отсутствует («История Священной войны»). В RCL история Ричарда построена по романной модели, где в основе лежит повествование об индивидуальном приключении [Зюмтор 2003: 357], в то время как «Итинерарий» и «История» в большей степени воспроизводят эпическую картину мира, где в центре рассказа — коллективное действие [Там же].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грановский А.В. История короля Ричарда Львиное Сердце. М., 2007.
2. Добиаш-Рожdestвенская О.А. Крестом и мечом. Приключение Ричарда I Львиное Сердце. Л., 1925.
3. Еришова И.В. Рыцарский роман. 2023 // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/rytsarskii-roman-c01fc6>. (Дата обращения: 07.06.2025).
4. Заборов М.А. Введение в историографию крестовых походов (Латинская историография XI–XIII веков. М., 1966).
5. Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики. СПб., 2003.
6. Перну Р. Ричард Львиное Сердце. М., 2009.
7. Семёнов В.Б. Демоническая тема в анонимной английской поэме конца XIV в. «Richard Core de Lyon»: истоки и функции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 8. С. 2615–2623.
8. Устинов В.Г. Ричард I Львиное Сердце. Повелитель Анжуйской империи. М., 2025.
9. Флори Ж. Ричард Львиное Сердце. Король-рыцарь. СПб., 2008.
10. Akbari S.C. The Hunger for National Identity in Richard Coer de Lion // Reading Medieval Culture: Essays in Honor of Robert W. Hanning. 2005. P. 67–83.
11. Ambrisco A. Cannibalism and Cultural Encounters in Richard Coer de Lion // Journal of Medieval and Early Modern Studies 29. 1999. №3. P. 499–528.
12. Ambrois. L'Estoire de la guerre sainte / ed. by G. Paris. Paris, 1897.
13. Anderson C. Constructing Royal Character: King Richard in Richard Coer de Lyon // Publication of the Medieval Association of the Midwest 6. 1999. P.85–108.
14. Chronicles and Memorials of the Reign of Richard I: Itinerarium Peregrinorum et gesta regis Ricardi, auctore, ut videtur, Ricardo canonico Sanctae Trinitatis Londoniensis / ed. by W. Stubbs. London, 1864.
15. Hibbard L. Medieval romance in England: a study of the sources and analogues of the non-cyclic metrical romances. N. Y., 1969.
16. Finlayson J. Richard Coer de Lion: Romance, History or Something in Between? // Studies in Philology 87. 1990. P. 156–180.
17. Larkin P. Introduction // Richard Coer de Lyon / ed. by P. Larkin. Kalamazoo. 2015.
18. Paris G. Le Roman de Richard Cœur de Lion // Romania. 1897. Vol. 25. № 103. P. 353–393.
19. Richard Coer de Lyon / ed. by P. Larkin. Kalamazoo. 2015.
20. Shutters L. Lion Hearts, Saracen Heads, Dog Tails: The Body of Conqueror in Richard Coer de Lion // Masculinities and Feminities in the Middle Ages and Renaissance. 2009. P. 75–100.
21. Staunton M. The Historians of Angevin England. Oxford, 2017.
22. Nicholson H.J. Chronicle of the Third Crusade: A Translation of the Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi. Aldershot, 1997.

REFERENCES

1. Granovskii A.V. *Istoriya korolya Richarda L'vinoe Serdtse* [A Biography of King Richard the Lionheart]. Moscow, *Russkaya panorama Publ.*, 2007. 320 p (In Russ.)
2. Dobiash-Rozhdestvenskaya O.A. *Krestom i mechom. Priklyuchenie Richarda I L'vinoe Serdtse* [Cross and Sword. The Adventures of Richard I the Lionheart]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1925. 116 p. (In Russ.)
3. Ershova I.V. Rytsarskii roman [The Chivalric Romance]. 2023, in: Bol'shaya rossiiskaya ehntsiklopediya [Elektronnyi resurs]. URL: <https://bigenc.ru/c/rytsarskii-roman-c01fc6>. (Accessed: 07.06.2025). (In Russ.)
4. Zaborov M.A. *Vvedenie v istoriografiyu krestovyykh pokhodov (Latinskaya istoriografiya XI–XIII vekov)* [An introduction to the historiography of the crusades (The Latin Historiography of XI–XIII Centuries)]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1966. 381 p. (In Russ.)
5. Zumthor P. *Opyt postroeniya srednevekovoi poehtiki* [The Medieval Poetics]. St. Petersburg, *Aleteiya Publ.*, 2003. 544 p. (In Russ.)
6. Pernu R. *Richard L'vinoe Serdtse* [Richard the Lionheart]. Moscow, *Molodaya gvardiya Publ.*, 2009. 232 p. (In Russ.)
7. Semenov V.B. Demonicheskaya tema v anonimnoi angliiskoi poehme kontsa XIV v. "Richard Core de Lyon": istoki i funktsii [The Demonic Theme in the Anonymous English Poem "Richard Coer de Lyon" of the Late 14th Century: Origins and Functions]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2023. T. 16 (8). pp. 2615–2623. (In Russ.)
8. Ustinov V.G. *Richard I L'vinoe Serdtse. Povelitel' Anzhuiskoi imperii* [Richard the Lionheart. Lord of the Angevin Empire]. Moscow, *Molodaya gvardiya Publ.*, 2025. 424 p. (In Russ.)
9. Flori J. *Richard L'vinoe Serdtse. Korol'-rytsar'* [Richard the Lionheart: King and Knight]. St. Petersburg, *Evrasiya Publ.*, 2008. 672 p. (In Russ.)
10. Akbari S.C. The Hunger for National Identity in Richard Coer de Lion. *Reading Medieval Culture: Essays in Honor of Robert W. Hanning*. 2005. P. 67–83.
11. Ambrisco A. Cannibalism and Cultural Encounters in Richard Coer de Lion. *Journal of Medieval and Early Modern Studies* 29. 1999, № 3. P. 499–528.
12. Ambrois. *L'Estoire de la guerre sainte* / ed. by G. Paris. Paris, 1897.
13. Anderson C. Constructing Royal Character: King Richard in Richard Coer de Lyon. *Publication of the Medieval Association of the Midwest* 6. 1999. P. 85–108.
14. *Chronicles and Memorials of the Reign of Richard I: Itinerarium Peregrinorum et gesta regis Ricardi*, auctore, ut videtur, Ricardo canonico Sanctae Trinitatis Londoniensi / ed. by W. Stubbs. London, 1864.
15. Hibbard L. *Medieval romance in England: a study of the sources and analogues of the non-cyclic metrical romances*. N. Y., 1969.
16. Finlayson J. Richard Coer de Lion: Romance, History or Something in Between? *Studies in Philology* 87. 1990, pp. 156–180.
17. Larkin P. Introduction. *Richard Coer de Lyon* / ed. by P. Larkin. Kalamazoo. 2015.
18. Paris G. Le Roman de Richard Cœur de Lion. *Romania*. 1897, vol. 25, №103. P. 353–393.
19. *Richard Coer de Lyon* / ed. by P. Larkin. Kalamazoo. 2015.
20. Shutters L. Lion Hearts, Saracen Heads, Dog Tails: The Body of Conqueror in Richard Coer de Lion, in: *Masculinities and Feminities in the Middle Ages and Renaissance*. 2009. P. 75–100.

21. Staunton M. *The Historians of Angevin England*. Oxford, 2017.
22. Nicholson H.J. *Chronicle of the Third Crusade: A Translation of the Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Ricardi*. Aldershot, 1997.

Поступила в редакцию 24.10.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 24.10.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Александр Андреевич Ранчин — аспирант кафедры теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; belegdoriat@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Ranchin — PhD Student, Department of Literary Theory, Faculty of Philology, Moscow State University; belegdoriat@gmail.com

«DER ERSTORBENE ULMBAUM» ГЕРДЕРА КАК ИСТОЧНИК СТИХОТВОРЕНИЯ К.Н. БАТЮШКОВА «ЯВОР К ПРОХОЖЕМУ»

Д.И. Мишина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; dashunchik.mishina@gmail.com*

Аннотация: В настоящей работе рассматривается стихотворение К.Н. Батюшкова «Явор к прохожему» из цикла «Подражания древним», предназначенного для брошюры «О греческой антологии». Основу стихотворения составляет сюжет о любви платана и виноградной лозы, восходящий к эпиграмме Антипатра Сидонского. Батюшков, не владевший древнегреческим языком, при создании стихотворения пользовался переводом эпиграммы на французский язык, выполненным С.С. Уваровым. В связи с этим предпринимается попытка проследить характер трансформаций, произошедших вследствие наличия текста-посредника. Сопоставление стихотворения Батюшкова с французским переводом позволило предположить, что, помимо текста Уварова, поэт располагал и другими источниками. Аргументируется гипотеза о том, что при работе над стихотворением «Явор к прохожему» Батюшков также пользовался и сборником Гердера «Blumen aus der griechischen Anthologie» («Цветы из греческой антологии»), в который вошла интересующая нас эпиграмма Антипатра. Сравнение стихотворения Батюшкова с французским и немецким переводами показало, что в интерпретации Батюшкова и Гердера сюжет из древнегреческой эпиграммы истолковывается как иллюстрация дружбы, преодолевающей смерть. Напротив, Уваров в своем переводе трактует отношения лозы и платана как любовные, в чем следует непосредственно оригиналу. Это позволяет сделать вывод, что при написании стихотворения Батюшков опирался не только на французское переложение Уварова, но и на немецкий перевод Гердера.

Ключевые слова: поэзия XIX века; древнегреческая эпиграмма; переводческие трансформации; Гердер; мотив; эмблематика

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-13

Для цитирования: Мишина Д.И. «Der erstorbene Ulmbaum» Гердера как источник стихотворения К.Н. Батюшкова «Явор к прохожему» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 166–176.

“DER ERSTORBENE ULMBAUM” BY HERDER AS A SOURCE OF K.N. BATYUSHKOV’S POEM “THE SYCAMORE TO A PASSER-BY”

Daria I. Mishina

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
dashunchik.mishina@gmail.com*

Abstract: This work examines K.N. Batyushkov’s poem “The Sycamore to a Passer-by” from the cycle “Imitations of the Ancients”, which was meant for the brochure “On the Greek Anthology”. The poem is based on an epigram by Antipater of Sidon about the love of a plane tree and a vine. Batyushkov, who had no command of Ancient Greek, used the translation of the epigram into French by S.S. Uvarov. Our work attempts to trace the nature of the transformations that occurred due to the intermediary text. A comparison of Batyushkov’s poem with the French translation suggested that the poet had other sources besides Uvarov’s text. The paper proves that Batyushkov used the German version of Antipater’s epigram from Herder’s collection “Blumen aus der Griechischen Anthologie” (“The Flowers from the Greek Anthology”) while working on the poem “The Sycamore to a Passer-by”. An analysis of Batyushkov’s poem, French and German translations has revealed that in the interpretations of both Batyushkov and Herder the plot of the ancient Greek epigram is understood as an illustration of friendship overcoming death. On the contrary, Uvarov, in his translation, interprets the relationship between the vine and sycamore as love, which directly follows from the original. This leads us to conclude that when writing the poem, Batyushkov relied not only on the French translation by Uvarov, but also on the German translation by Herder.

Keywords: poetry of the 19th century; ancient Greek epigram; translation transformations; Herder; motif; emblematics

For citation: Mishina D.I. (2026) “Der erstorbene Ulmbaum” by Herder as a Source of K.N. Batyushkov’s Poem “The Sycamore to a Passer-by”. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 166–176.

В первой половине 1820 г. Д.В. Дашковым была издана брошюра С.С. Уварова и К.Н. Батюшкова «О греческой антологии». Ее появление во многом было обусловлено литературной полемикой 1810-х гг. о выборе стихотворного размера для перевода «Илиады», который мог бы быть адекватным эквивалентом античного гекзаметра и не противоречить природе русского языка. Брошюра открывалась статьей, в которой излагались взгляды авторов на принципы перевода античных текстов, имевшие в контексте предшествующих споров программное значение. Основной пафос статьи сводился к различению античного мироощущения и мировоззрения человека нового времени. Уваров и Батюшков обращали внимание на отражение в поэзии «народного духа» древних, который можно понять, только

если «смотреть на нее [антологию — Д.М.] глазами древних» [О греческой антологии 1820: 11]. Иллюстративным материалом брошюры послужили тринадцать стихотворений античных поэтов, русские переводы которых были включены в текст статьи.

Особого внимания заслуживает работа над переводами стихов, предназначенных для иллюстрирования образцов античной поэзии. Уваров осуществил перевод на французский язык оригинальных древнегреческих текстов из собрания Рихарда Брунка «*Analecta veterum poetarum graecorum*» 1772–1776 гг. [Кибальник 2012: 227]. Также Уварову была известна трехтомная «*Anthologia Graeca*» Фридриха Якобса, вышедшая в 1813–1817 гг. и сохранявшая порядок эпиграмм, принятый в Палатинской антологии. Тем не менее, все французские переводы, помещенные в «Прибавлении» к основному тексту брошюры, сопровождаются библиографическими указаниями на древнегреческие стихотворения из издания Брунка; на это же издание ссылается и сам Уваров: «...я стану держаться порядка Аналектов [т. е. «*Analecta veterum poetarum graecorum*» — Д.М.] Брунка» [О греческой антологии 1820: 19]. Батюшков же, не владевший греческим языком, переводил древнегреческие тексты с французских стихотворных переложений Уварова, и именно переводы Батюшкова были помещены в основной текст статьи из брошюры «О греческой антологии» для передачи духовной жизни древних.

Учитывая сложный характер творческой и переводческой работы, которая предшествовала изданию брошюры, небезосновательно предположить смысловые и стилистические сдвиги, сопровождающие, с одной стороны, перевод древнегреческого текста на французский язык Уваровым и, с другой стороны, русский стихотворный перевод Батюшкова с французских переложений его товарища по «Арзамасу». В этом контексте интересно четвертое стихотворение антологии с подзаголовком «Явор к прохожему». Отметим, что в брошюре стихотворение на французском сопровождается ошибочным библиографическим описанием оригинального текста из издания Брунка: там указано, что это XXXVII стихотворение Антипатра Сидонского, помещенное во втором томе на 16-й странице [О греческой антологии 1820: 40]. В действительности же его источником является XXXVIII эпиграмма, расположенная в издании Брунка на той же странице («*Αὔτην με πλατάνιστον ἐφερτύζουσα καλύπτει ἄμπελος...*») [*Analecta* 1773: 16]. Кроме того, в брунковском «*Analecta veterum poetarum graecorum*» автором эпиграммы назван Антипатр Сидонский; эта атрибуция сохранена в брошюре «О греческой антологии». Во втором томе «*Anthologia Graeca*», изданной в 1819 г., то есть за год до выхода брошюры Батюшкова и Уварова, эпиграмма также приписывается Антипатру Сидонскому [*Analecta*

1819: 115]. Сейчас же некоторые исследователи считают автором эпиграммы Антипатра Фессалоникского [The Greek Anthology 1916: 121]. Высказывалось мнение, что вопрос об атрибуции ряда эпиграмм тому или другому из поэтов-тезок не может быть разрешен [Gow 1954: 1].

Если осуществленные Батюшковым стилистические изменения объясняются поэтическими традициями 1810-х гг., то смысловые трансформации могут обуславливаться наличием текстов-посредников между стихотворением Батюшкова и эпиграммой Антипатра. Мы попытаемся выявить отличия стихотворения Батюшкова от древнегреческого оригинала и определить влияние текстов-посредников на характер осуществленных трансформаций. Сопоставляя «Явор к прохожему» с эпиграммой Антипатра, мы постараемся доказать, что Батюшков пользовался не только французским переводом Уварова, но и другим источником, а именно переложением на немецкий язык, выполненным Гердером.

Для начала обратимся к стихотворению Батюшкова. В центре сюжета — тема дружбы, не ослабевающей даже после смерти. Однако в эпиграмме Антипатра она отсутствует вовсе, и мораль сюжета о высохшем платане и поддерживавшей его виноградной лозе осмысляется через проблематику любви, не угасающей с прекращением земной жизни. В древнегреческом тексте читаем: «τοῖν μὲν τοι ἔλεια τιθηεῖσθω τις ἑταῖρην, ἢ τις ἀμείψασθαι καὶ νέκυν οἶδε μόνη» [Analecta 1773: 16] («пусть же впоследствии другие будут окружены заботой такой подруги, которая, даже оставшись одна, возблагодарит мертвого» [здесь и далее перевод мой. — Д.М.]). Достаточно близок к оригиналу и перевод Алексеева: «Пусть же другие <...> на будущее время выбирают себе такую подругу, которая умела бы остаться в одиночестве благодарной и трупу» [Избранные эпиграммы 1896: 63]. Как видим, в эпиграмме Антипатра платан и виноградная лоза служат эмблемой любовных отношений. Красно речиво в этом контексте употребление слова «ἑταῖρα», которое переводится как «подруга», «спутница»; у Аристотеля и Аристофана оно встречается в значении «любовница» или «гетера». В переводе Батюшкова любовный контекст заменяется идеалом дружбы, понятым через призму сентименталистской традиции. Следует принимать во внимание, что Батюшков при работе над переводами ориентировался на выполненные Уваровым переложения на французский язык и смысловые деформации, допущенные им, отразились и в батюшковском стихотворении. В уваровском «Le platane sec au voyageur» находим характерные для сентименталистской эстетики формулы: «Si ton cœur est sensible et tendre, / Demande aux dieux, ô voyageur, / De trouver ici-bas un ami dont le cœur / Appartienne encor

à ta cendre» [О греческой антологии 1820: 40] («Если твое сердце чувствительно и нежно, попроси богов, путник, найти здесь друга, чье сердце по-прежнему принадлежало бы твоему праху»). Представляется, что текст Уварова допускает двоякое прочтение. С одной стороны, «чувствительному и нежному сердцу», являющемуся неизменным атрибутом элегического субъекта 1800–1810-х гг., чужды страсти, поэтому основополагающая в мироощущении сентиментализма категория чувствительности часто сопрягается не с темой любви, а именно с темой дружбы. Не случайно во многих текстах этого периода дружба позиционируется как непреходящая ценность человеческого существования, противопоставленная недолговечности любви и юности. С другой стороны, предшествующий финальным строкам уваровского стихотворения контекст допускает интерпретацию сюжета как аллегории любовных отношений («Je l'aimais autrefois, elle m'aime aujourd'hui» [О греческой антологии 1820: 40] — «Я любил ее когда-то, она любит меня сегодня»). В пользу этой трактовки говорит и избранная Уваровым флористическая метафорика, которая на грамматическом уровне позволяет осмыслить поддержку старого платана виноградной лозой как любовное чувство: во французском языке слово «vigne» относится к женскому роду, а «platanе», фигурирующий не в тексте стихотворения, а только в названии, — к мужскому; форма же «ami» может переводиться и как «друг», и как «любовник», что также предопределяет возможность разных интерпретаций.

Текст Батюшкова двух прочтений не допускает. Строки «Прохожий, если ты для дружества способен, / Чтоб друг твой моему был некогда подобен» [Батюшков 1934: 183] однозначно описывают дружбу, причем в ее сентименталистском изводе. Интересно, что, в отличие от Уварова, который с помощью грамматической категории рода «vigne» и «platanе» включает в описываемый сюжет любовную тематику, Батюшков устраняет оппозицию по роду. Так, поэт использует в качестве главных образов явор (м. р.) и виноград (м. р.), а не виноградную лозу (ж. р.), которая фигурирует у Антипатра, сохраняется у Уварова и косвенно указывает на отношения любви. Полагаем, что подобная переакцентировка осуществлена Батюшковым намеренно, что объясняется как литературной традицией, так и биографическим контекстом. В этом смысле аллегория винограда, обвивающего пень явора, который некогда давал ему «отрадну тень» [Батюшков 1934: 183], органично встраивается в сентименталистскую традицию. Более того, в эпиграмме, призванной, казалось бы, передать мироощущение древних, возникает характерный для элегической поэзии 1800–1810-х гг. топос могилы. В лирическую медитацию обыкновенно включаются темы любви и дружбы, при

этом дружеские узы могут быть противопоставлены недолговечности любви. Связь с поэтикой унылой элегии усиливается и образом прохожего, идущего мимо путника. Вспомним хрестоматийный образец кладбищенской элегии — «Сельское кладбище» Жуковского, завершающееся обращением к прохожему: «Прохожий, помолись над этою могилой» [Жуковский 1959: 33]. В этой же элегии Жуковского встречаем тему посмертной дружбы, отмеченную нами в стихотворении Батюшкова: «Для них наш мертвый прах <...> еще огнем любви для них воспламенен» [Жуковский 1959: 32]. Сравните с текстом стихотворения «Явор к прохожему»: «Чтоб друг твой <...> пепел твой любил, оставшись на земли» [Батюшков 1934: 183].

Таким образом, Батюшков в 1820 г. фактически реактивизирует сентиментальную концепцию дружбы и элегическую поэтику, что, на первый взгляд, входит в противоречие с основной задачей брошюры «О греческой антологии» — передать дух и нравы древних через их поэзию. Однако представляется, что обращение Уварова и Батюшкова к категориям актуальной литературной традиции было направлено на то, чтобы подчеркнуть вневременной характер поэзии древних. Так, в другом месте авторы брошюры «О греческой антологии» прямо заявляют о сходстве эпиграммы уже упомянутого Павла Силенциария с французскими мадригалами [О греческой антологии 1820: 34]. Относительно другой эпиграммы византийского поэта сказано, что она «носит печать времен новейших» [О греческой антологии 1820: 34].

В то же время мы предполагаем, что у Батюшкова на переключение из плана любви в план дружеских отношений повлиял немецкий перевод эпиграммы, осуществленный Гердером в его «Blumen aus der griechischen Anthologie», переизданных в 1818 г. в составе девятого тома венского издания «J.-G. Herders Sämmtliche Werke» и, несомненно, известных Батюшкову. Неслучайно, давая краткую справку об истории изучения поэзии древних, Батюшков и Уваров упоминают и переводы Гердера, которые «верны, но <...> не довольно гибки» [О греческой антологии 1820: 5]. Напомним, что написание стихотворений для брошюры «О греческой антологии» относится именно к этим годам — 1817–1818. Более того, работая в 1821 году над «Подражаниями древним», Батюшков обращается именно к гердеровским «Цветам из греческой антологии». Поэтому вполне обоснованно допустить не только знакомство Батюшкова с немецкими переводами эпиграмм Антипатра из сборника Гердера, но и принятие того ракурса раскрытия темы, который задает немецкий мыслитель. В «Der erstorbene Ulmbaum» Гердера прямо звучит тема дружбы: «O Wandrer, thue dem Freunde Gutes» [Herder 1785:74] («О странник, делай добро своему другу»), однако осмысливается она

не в контексте сентиментальной поэтики, а, как представляется, через призму христианского вероучения. Вместо платана, присутствующего в древнегреческом тексте, Гердер вводит образ вяза («Ulme»). Сюжет соединения вяза и виноградной лозы достаточно широко распространен в европейской культуре XVI–XVIII вв., особенно в литературе эпохи Ренессанса. Характерен данный мотив и для древнеримской поэзии, преимущественно эпохи Августа, при этом союз вяза и виноградной лозы воспринимался именно как любовный [Gil et al. 2004: 9–10]. Исключение составляет, пожалуй, только трактовка, данная в «Emblematum Liber» Андреа Альчиато, в которой союз вяза и виноградной лозы воплощает дружбу, продолжающуюся после смерти [Alciati 1594: 566–568]. Более популярным, тем не менее, оставался сюжетный инвариант, осмысленный в аспекте любовной проблематики. Гердер же, как нам кажется, переводя эпиграмму Антипатра, принимает во внимание интерпретацию данного сюжета, данную в христианской притче из «Подобий» «Пастыря» Ерма. В сочинении Ерма аллегория поддержки плодоносящим виноградным деревом бесплодного вяза связывается с молитвой бедного, которая помогает богатому. Как видим, в основе притчи лежит христианская этика любви к ближнему, отвечающая гуманистическим идеалам Гердера. Не случайно именно в его переводе появляется тема добра, совершение которого и обуславливает сохранение памяти о человеке даже после его смерти: «Wandrer, thue dem Freunde Gutes; es lohnet dich einst noch in dem Grabe mit Dank» [Herder 1785:74] («Странник, делай добро своему другу; когда-нибудь он воздаст тебе благодарность даже в могиле»). Это вполне созвучно финалу притчи Ерма: «Те и другие [бедные и богатые — Д.М.] участвуют в добром деле» [Писания 2008: 264–265]. В эпиграмме Антипатра и, соответственно, во французском переводе Уварова данный мотив отсутствует, а основанием для посмертного воздаяния служит обретение любящего сердца. В контексте выдвижения на первый план дружбы и отказа от мотива любви можно предположить, что при работе над своим переводом Батюшков пользовался не только текстом Уварова, но и переводом Гердера.

Наконец, представляются немаловажными и обстоятельства биографии самого Батюшкова, которые сделали для него актуальной проблему посмертной дружбы. В 1813 году во время сражения под Лейпцигом был убит Иван Александрович Петин, близкий друг и боевой товарищ Батюшкова. Смерть Петина стала для Батюшкова «тяжким ударом» [Майков 1887 Т. 1: 170]. Памяти своего погибшего товарища Батюшкова посвятил очерк «Воспоминание о Петине» (1815) и стихотворение «Тень друга» (1814). Последнее сопровождалось эпитафией из «Смерти Цинтии» Проперция, вводящим тему

загробного существования, а в очерке мысль о памяти об усопшем, живущей в сердцах истинных друзей, созвучна финальным строкам из стихотворения Антипатра. Сравните: «Мы умираем, но зато память о нас долго живет в сердце друзей» [Батюшков 1885 Т. 2: 191] из «Воспоминаний о Петине» и «Чтоб друг твой <...> пепел твой любил, оставшись на земли» [Батюшков 1934: 183] из стихотворного переложения Батюшкова. Таким образом, тема посмертной дружбы приобретала для поэта значимость в свете личных переживаний. Поэтому есть основания полагать, что фрагмент «Явор к прохожему» может отражать его чувства, связанные со смертью Петина, память о котором воплотилась в творчестве Батюшкова.

Итак, нами были выделены основные семантические трансформации, которым подверглась эпиграмма Антипатра при переводе на другие языки и в обработке Батюшкова в частности. Уваров, переведивший стихотворение с греческого оригинала, сохраняет любовную тему античной эпиграммы, однако оперирует сентиментальными концептами «дружбы», «чувствительного сердца». Гердер заменяет платан, фигурировавший в греческом тексте, вязом, в чем видится следование европейской эмблематической традиции. Однако если в эмблематике поддержка старого вяза виноградной лозой прочитывалась в первую очередь как любовный сюжет, то Гердер заменяет отношения любви отношениями дружбы, в чем предполагается влияние гуманистических взглядов самого Гердера. Более того, в духе христианской этики сюжет умирающего вяза и виноградной лозы представлен в «Подобиях» (Similitudines) из «Пастыря» Ерма. У Батюшкова также отсутствуют намеки на любовь явора и винограда, что подчеркивается акцентированием именно темы «дружества» и заменой виноградной лозы (ж. р.) виноградом (м. р.), снимающей оппозицию вяза (м. р.) и винограда (м. р.) по роду.

Полагаем, что тема посмертной дружбы могла возникнуть у Батюшкова в связи с Петиним, памяти которого еще до выхода брошюры «О греческой антологии» Батюшков посвятил очерк и элегию «Тень друга». Однако, как нам кажется, на изменение смысла эпиграммы Антипатра, помимо личного восприятия образов явора и винограда, могло повлиять также знакомство Батюшкова с гердеровским переводом эпиграммы, в котором немецкий философ заменил любовный контекст отношениями дружбы. Поскольку Батюшков прекрасно владел немецким языком и при создании цикла «Подражания древним» в 1821 г. опирался на переводы Гердера из Эзопа, Саади и Павла Силенциария [Кибальник 2012: 233], его знакомство с изданием сочинений Гердера 1818 г. кажется очень вероятным. А с учетом того, что написание стихотворения «Явор к прохожему» относится к 1817–1818 гг., чтение немецкого перевода

греческой эпиграммы и рецепция гердеровской трактовки, оказавшейся Батюшкову более близкой, представляются тем более правдоподобными. Наконец, отметим, что Батюшков, пользуясь этим изданием Гердера в 1821 г., выполняет переводы эпиграмм из его третьей книги «Blumen, aus der Griechischen Anthologie gesammelt». Это «Das Gute des Lebens» Эзопа и «Die Schiffahrt des Lebens» Павла Силенциария из третьей книги «Цветов из греческой антологии» девятого тома сочинений Гердера 1818 г. Эпиграмма «Der erstorbene Ulmbaum», которая, как мы полагаем, оказала влияние на стихотворение Батюшкова «Явор к прохожему», заключает третью книгу «Цветов...» Гердера и расположена рядом с эпиграммами, переведенными Батюшковым позднее. Так, в данной книге эпиграмма Эзопа 36-я по счету, Павла Силенциария — 40-я, а «Der erstorbene Ulmbaum» — 43-я.

Таким образом, мы полагаем, что именно благодаря гердеровскому переводу Антипатра Батюшков увидел в античной эпиграмме не тему любви, а тему дружбы. В связи с этим можно утверждать, что при переводе древнегреческих эпиграмм на русский язык Батюшков пользовался не только французскими переложениями Уварова, но и немецким переводом Гердера. Кроме того, для Батюшкова тема посмертной дружбы и сохранения памяти о друге имела глубоко личный смысл, связанный с Петиним. Отсюда можно заключить, что реинтерпретация первоначального сюжета о виноградной лозе и платане отвечала и собственным переживаниям поэта. Прибавим к этому культ дружбы, который был характерной чертой поэтики 1800–1810-х гг. и постоянно варьировался как в элегиях, так и в дружеских посланиях. В этом отношении трактовка образов усыхающего дерева и виноградной лозы как аллегории дружбы вполне согласуется как с предшествующей литературной традицией, так и с обстоятельствами биографии самого Батюшкова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батюшков К.Н. Сочинения: В 3 т. Т. 2: Проза. СПб., 1885.
2. Батюшков К.Н. Сочинения. М.; Л. 1934.
3. [Батюшков К.Н., Уваров С. С.] О греческой антологии. СПб., 1820.
4. Жуковский В.А. Собрание сочинений. Т. 1: Стихотворения. М.;Л., 1959.
5. Избранные эпиграммы греческой антологии / С греч. пер. В. Алексеев. СПб., 1896.
6. Кибальник С.А. Античная поэзия в России. XVIII — первая половина XIX века. Очерки. СПб., 2012.
7. Майков Л.Н. О жизни и сочинениях К.Н. Батюшкова // Батюшков К.Н. Сочинения: В 3 т. Т. 1: О жизни и сочинениях К.Н. Батюшкова. Стихотворения. СПб., 1887. С. 1–360.
8. Писания мужей апостольских. М., 2008.
9. Analecta veterum poetarum graecorum / Ed. R. F. P. Brunck. Т. II. Argentorati, 1773.

10. Andreae Alciati V. C. *Emblemata. Cum Claudii Minois Diuionensis ad eadem commentariis. Quibus Emblematum omnium aperta origine, mens auctoris explicatur, & obscura omnia dubiaque illustrantur.* Lugduni Batavorum, 1594.
11. *Anthologia graeca. T. 2: ad Palatini codicis fidem edita.* Lipsiae, 1819.
12. Gil L., Fuentes-Utrilla P., López-Rodríguez R. A. The historical relationship of elms and vines // *Investigación agraria. Sistemas y recursos forestales.* 2004. Vol. 13. № 1. P. 7–15.
13. Gow A.S.F. *Antipater of Sidon: Notes and Queries* // *The Classical Review.* 1954. Vol. 4. No. 1. P. 1–6.
14. Herder J.G. *Blumen aus der Griechischen Anthologie // Zerstreute Blätter. Sammlung* 1. Gotha, 1785. S. 1–98.
15. *The Greek Anthology. With an English translation by W. R. Paton. In five volumes. Vol. III.* London, New York, 1917.

REFERENCES

1. Batyushkov K.N. *Sochineniya: V 3 t.* [Works: in 3 vols.]. Vol. 2: *Proza* [Prose]. St. Petersburg, *Tip. V.S. Balasheva Publ.*, 1885. 584 p. (In Russ.)
2. Batyushkov K.N. *Sochineniya* [Works]. Moscow; Leningrad, *Academia Publ.*, 1934. 747 p. (In Russ.)
3. [Batyushkov K.N., Uvarov S.S.] *O grecheskoi antologii* [On the Greek Anthology]. St. Petersburg, *V tip. Departamenta narodnago prosveshcheniya Publ.*, 1820. 44 p. (In Russ.)
4. Zhukovsky V. A. *Sobranie sochinenii. T. 1: Stikhotvoreniya* [Collected Works. Vol. 1: Poems]. Moscow; Leningrad, *Goslitizdat [Leningr. otd-nie] Publ.*, 1959. 480 p. (In Russ.)
5. *Izbrannye epigrammy grecheskoi antologii* [Selected Epigrams from the Greek Anthology]. Transl. from Greek by V. Alekseev. St. Petersburg, *tip. A.S. Suvorina Publ.*, 1896. 167 p. (In Russ.)
6. Kibal'nik S.A. *Antichnaya poeziya v Rossii. XVIII — pervaya polovina XIX veka. Ocherki* [Ancient Poetry in Russia. 18th — First Half of the 19th Century. Essays]. St. Petersburg, *Petropolis Publ.*, 2012. 414 p. (In Russ.)
7. Maikov L.N. *O zhizni i sochineniyakh K. N. Batyushkova* [On the Life and Works of K.N. Batyushkov]. In: *Batyushkov K. N. Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols.]. Vol. 1: *O zhizni i sochineniyakh K. N. Batyushkova. Stikhotvoreniya* [On the Life and Works of K.N. Batyushkov. Poems]. St. Petersburg, *Tip. V. S. Balasheva Publ.*, 1887, pp. 1–360. (In Russ.)
8. *Pisaniya muzhei apostol'skikh* [Writings of the Apostolic Fathers]. Moscow, *Izdatel'skii sovet Russkoi pravoslavnoi tserkvi Publ.*, 2008. 670 p. (In Russ.)
9. *Analecta veterum poetarum graecorum. T. II / Ed. by R.F.P. Brunck.* Argentorati, Typis Ioannis Gothofredi Baueri, 1773. 529 p. (In Lat.)
10. Andreae Alciati V.C. *Emblemata. Cum Claudii Minois Diuionensis ad eadem commentariis. Quibus Emblematum omnium aperta origine, mens auctoris explicatur, & obscura omnia dubiaque illustrantur.* Lugduni Batavorum, Ex officina Plantiniana, 1594. 718 p. (In Lat.)
11. *Anthologia graeca. T. 2: ad Palatini codicis fidem edita.* Lipsiae, Ex officina Caroli Tauchnitii, 1819. 464 p. (In Lat.)
12. Gil L., Fuentes-Utrilla P., López-Rodríguez R.A. The historical relationship of elms and vines. *Investigación agraria. Sistemas y recursos forestales*, 2004, vol. 13, no. 1, pp. 7–15. (In Eng.)

13. Gow A.S.F. Antipater of Sidon: Notes and Queries. *The Classical Review*, 1954, vol. 4, no. 1, pp. 1–6. (In Eng.)
14. Herder J.G. *Blumen aus der Griechischen Anthologie. Zerstreute Blätter. Sammlung 1.* Gotha, Carl Wilhelm Ettinger, 1785, S. 1–98. (In Germ.)
15. *The Greek Anthology. Vol. III.* Trans. by W.R. Paton. London, William Heinemann; New York, G.P. Putnam's Sons, 1916. 464 p. (In Eng. and Grk.)

Поступила в редакцию 23.06.2024

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 23.06.2024

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Дарья Игоревна Мишина — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
dashunchik.mishina@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Daria I. Mishina — PhD Student, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
dashunchik.mishina@gmail.com

МОТИВ БЛУДНОГО СЫНА В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ М.М. ПРИШВИНА

Лили Дин

*Чжэцзянский институт иностранных языков, Ханчжоу, Китай;
lili.ding@yandex.com*

Аннотация: Статья посвящена исследованию трансформации сюжета евангельской притчи о блудном сыне в поэтическом мире М.М. Пришвина и выявляет ее ключевую роль как нарративной и смыслообразующей модели. Анализ фокусируется на произведениях «Кашеева цепь», «Осударева дорога» и «Повесть нашего времени». Утверждается, что Пришвин, вопреки упрощенному восприятию его как исключительно «природного» писателя, глубоко укоренен в христианской традиции. Притча о блудном сыне, содержащая универсальные понятия: уход из дома, искушение духа, покаяние и возвращение в дом, — становится для Пришвина мощным инструментом осмысления социального и экзистенциального опыта.

В «Кашеевой цепи» выявляются два типа «возвращения»: возвращение народницы лишено покаяния, окрашено сожалением, но имеет социальное значение; возвращение второго типа — путь автобиографического героя Алпатова. Его странствие плоти и духа рассматривается как состояние «блудного сына». Ключевым оказывается не столько его возвращение в Елец (дом на уровне географического пространства), сколько духовное обретение «дома» как универсального символа его жизни. В романе «Осударева дорога» притча интерпретируется через призму личного и общего спасения. Возвращение миллионера Волкова заключается в преодолении убеждения в «вечности в рублях» и обретении духовного спасения через служение общему благу и спасение других. В «Повести нашего времени» мотив блудного сына окончательно возвращается в религиозный контекст, воплощая идеал христианской любви и прощения. Таким образом, Пришвин адаптирует архетипическую сюжетную схему «блудного сына», наполняя ее актуальным социальным, экзистенциальным и религиозно-нравственным содержанием, подчеркивая универсальный смысл поиска «дома» в контексте русской духовной истории XX века.

Ключевые слова: М.М. Пришвин; евангельская притча о блудном сыне; христианская традиция; «Кашеева цепь»; «Осударева дорога»; «Повесть нашего времени»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-14

THE MOTIF OF THE PRODIGAL SON IN THE POETIC UNIVERSE OF M.M. PRISHVIN

Lili Din

Zhejiang International Studies University, Hangzhou, CHN; lili.ding@yandex.com

Abstract: This article investigates the transformation of the plot of the Gospel parable of the Prodigal Son within the poetic world of M.M. Prishvin, revealing its key role as a narrative and meaning-forming model. The analysis focuses on the writer's works *Kashchei's Chain*, *Osudareva Doroga*, and *A Tale of Our Time*. It argues that Prishvin, contrary to the simplified perception of him as exclusively a “nature” writer, is deeply rooted in the Christian tradition, organically synthesizing reality and Christian symbols. The parable of the Prodigal Son, containing universal concepts — departure from home, spiritual temptation, repentance, and return to the home — becomes for Prishvin a powerful tool for interpreting social and existential experience. In *Kashchei's Chain*, two types of “return” are identified. The return of the narodnitsa lacks repentance, is tinged with regret, yet holds social significance. The second type of return is the path of the autobiographical hero, Alpatov. His journey of flesh and spirit is interpreted as a state of being the “prodigal son”. The key meaning lies not so much in his return to Yelets (home at the level of geographical space), but in the spiritual attainment of “home” as a universal symbol of his life. In the novel *Osudareva Doroga* this parable is interpreted through the prism of personal and collective salvation. The return of the millionaire Volkov consists of overcoming his belief in “eternity measured in rubles” and attaining spiritual salvation through service to the common good and the salvation of others. In *A Tale of Our Time*, the motif of the prodigal son fully returns to a religious context, embodying the ideal of Christian love and forgiveness. Thus, Prishvin masterfully adapts the archetypal plot structure of the “prodigal son”, infusing it with relevant social, existential, and religious-ethical dimensions, emphasizing the universal significance of the search for “home” within the context of 20th-century Russian spiritual history.

Keywords: M.M. Prishvin; Gospel parable; Prodigal Son; Christian tradition; *Kashchei's Chain*; *Osudareva Doroga*; *A Tale of Our Time*

For citation: Lili Din (2026). The Motif of the Prodigal Son in the Poetic Universe of M.M. Prishvin. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 177–186.

Христианские мотивы, их комбинации переходят на уровень архетипов, т. е. наделяются свойством вездесущности, приобретают характер устойчивых психических схем, бессознательно воспроизводимых и обретающих содержание в художественном творчестве [Лейбин 1991: 28]. Пришвин, «человек христианской природы» [Вар-

ламов 2003: 490], вопреки упрощенному восприятию его как исключительно «природного» писателя, глубоко укоренен в христианской традиции: «пантеистическое мировоззрение позволяло художнику органично применять в своих произведениях как языческие и мифологические, так христианские и сектантско-еретические символы и образы, которые будут активно использоваться им на протяжении всего творческого пути» [Подоксенев 2008: 95].

Притча о блудном сыне (Лк. 15:11–32) занимает важное место в системе христианских ценностей, включая ключевые религиозные концепты: уход из дома, блуждание плоти и духа, искушение, покаяние и возвращение. Для христианского сознания архетип блудного сына изначален и определяющ [Чернов 1994: 152].

Неслучайно в поэтическом мире Пришвина отчетливо прослеживается сюжетная модель «возвращения блудного сына». Художественное мышление писателя органично связано с концептом «ДОМ». «Дом для него — универсальный символ жизни» [Гришина, Полтавцева 2009: 487], ключевое пространство житнетворчества; более того, «смысл жизненного пути для Пришвина был всегда связан с идеей дома» [Гришина, Полтавцева 2009: 487]. В свете этого Пришвин на протяжении всей жизни — как в биографическом, так и в творческом измерении — ищет Вечный Дом и чувство дома. Очевидно, что понятие «дома» в художественной системе писателя не сводится к семейному очагу в узком смысле, но представляет собой его глубокую символическую интерпретацию.

В автобиографическом романе «Кашеева цепь» мотив возвращения проявляется в различных формах. Хотя судьба народницы Евдокии Николаевны (Донечки) не является центральной сюжетной линией и не получает развернутого изображения, фрагментарные упоминания, рассыпанные по основному повествованию, позволяют реконструировать путь ее возвращения.

Будучи двоюродной сестрой Пришвина и старше его на пятнадцать лет, Евдокия Николаевна трактуется писателем в романе как «тетка» эмпирического «я». Для автобиографического героя Донечка выступает первым наставником в сфере общественных идеалов. Ее история излагается в первой части романа устами Кулымушки: мы узнаём, что она работает учительницей в школе «на легальном положении». Акцент на «легальном положении» указывает, что ее прежний статус был «нелегальным». Побуждаемая чувствами милосердия и справедливости, она ранее последовала за братьями в Москву, чтобы примкнуть к народническому движению, ставившему целью просвещение народа и достижение социальной справедливости. Этот поступок знаменует собой первый этап («уход из дома») сюжетной модели «возвращения блудного сына». Впо-

следствии организация была разгромлена: братья были арестованы, а другие товарищи вынуждены покинуть страну. На этом этапе Дунечка переживает кратковременную дезориентацию в жизни, что, однако, не означало утраты веры или избранного пути. По своей сути героиня оставалась романтиком, идеалистом. Как отмечает А. Варламов, она — тургеневская девушка [Варламов 2003: 12]. Испытательный этап оказался не столь трагичным, как могло бы быть, и в итоге героиня предпочла вернуться в деревню, чтобы продолжить дело служения народу.

На средства от своего приданого Дуня основала школу, выпускники которой становились священниками, агрономами, учителями, полицейскими и т. д., но не революционерами. Вернувшись в деревню, героиня сохраняла свои просветительские идеалы и отстаивала права крестьян. Мать автобиографического героя отмечала, что Дунечка на мужиках сосредоточилась; ей безлошадные, двухлошадные больше значат, чем Пушкин и Лермонтов [Пришвин, т. 2, 1982: 21]. Десятилетия преподавания в деревне можно рассматривать как этап возвращения. Однако, в отличие от исконно христианской парадигмы «возвращения блудного сына», «возвращение» Дуни лишено покаянного характера и сопряжено скорее с чувством сожаления. Траектория жизни Дуни — от отъезда из Москвы до возвращения в Елец — невольно вызывает ассоциации с метафорой «блудного сына», но утрачивает религиозную ценность, обретая социальное значение.

Возвращение художника как сюжетная доминанта романа интерпретируется в значительной степени как путь становления личности автобиографического героя. Детская попытка Алпатова вместе с товарищами отыскать страну Золотых гор представляет собой первый шаг, уподобляемый уходу блудного сына из отчего дома. Последовавшие за этим обучение в Тюмени, революционная деятельность, поиски любви в Лейпциге и Париже, а также стремление построить карьеру в Петербурге в географическом плане неизменно удаляли его от исходной точки жизненного пути, родного городка Хрущева. Скитания на чужбине можно рассматривать как отражение экзистенциального состояния персонажа, покинувшего дом в отчаянии. Пространственное блуждание здесь имеет глубоко символическое значение, воплощая духовные искания, метания и трудности в самоопределении. Говоря об ошибочных решениях и заблуждениях Алпатова на пути поиска веры (идеала), писатель заключает: «Нет, блудные дети не виноваты в измене родному гнезду, нет измены, а в перемене чувства нельзя винить никого: не от своей же воли переменяются снега весны света на разливы, и когда воды спадут, сами собой зеленеют луга, и потом начинается весна

человека» [Пришвин, т. 2, 1982: 203]. Здесь выражена авторская надежда на то, что Алпатов обретет свою «весну» — духовное обновление и гармонию.

Алпатову удается вернуться к своим истокам, обрести устойчивое чувство принадлежности и сформировать свою идентичность. Примечательно, что финальное возвращение осуществляется в единстве духовного и географического пространств. Возвращаясь в Елец, герой осознаёт свой художественный талант и избирает поэтическое поприще как путь к обретению радости и счастья. Географически «странствующий сын» возвращается в дом; тогда же он обретает чувство принадлежности к духовному миру, возносясь в высшую сферу призвания художника. Эту мысль ярко выражают слова в дневнике Пришвина: «Остановись на минуту, присядь записать свои мысли, свое чувство, и этот стул или пень, куда ты присел, — уже есть твой дом... ведь каждого из нас судьба ведет в конце концов в свой дом, вот когда бегущий остановился, оглянулся — в этот момент он стал поэтом, и судьба повела его в свой дом» [Пришвин 2009: 9]. Следовательно, для Пришвина духовное измерение принадлежности зачастую преодолевает пространственно-временные рамки и не обязательно сопряжено с физическим возвращением домой в осязаемом географическом пространстве.

Сюжет «возвращения блудного сына» в «Осударевой дороге» реализуется преимущественно в пространстве индивидуального и коллективного. При этом наиболее непосредственное взаимодействие прослеживается между евангельским сюжетом и духовными исканиями идеализированного персонажа Волкова. Уже при первом появлении Волкова акцентируется его внешность. Писатель, сочетая серьезность и иронию, отмечает, что в его лице соединились черты купца Минина и великого князя Пожарского [Пришвин, т. 6, 1983: 64]. Уникальный облик Волкова предвещает его судьбу. Отец Волкова был сапожником, который делал детскую обувь. Когда Волков был маленьким, он учился шить обувь при переменном свете соевых ламп. Однако, познакомившись с Библией, он, по примеру блудного сына, «вздумал уйти из дома, оторваться от близких и начать потом неузнанным среди них новую жизнь» [Пришвин, т. 6, 1983: 87]. Эта попытка бегства в Москву окончилась неудачей, и пришлось продолжить работу «невольником» отца — шить детскую обувь. Позже, благодаря деловой хватке, Волков сколотил состояние в три миллиона рублей, придя к убеждению, что «в рублях есть вечность». Таким образом, детское бегство Волкова предстает как безрассудный поступок, и здесь можно видеть отсылку к притче о блудном сыне. Для Волкова подлинное испытание и искушение кроется в его вере «в рубли». Осознание пагубности этого искушения

становится причиной его духовного возвращения и стремления к искуплению грехов.

Испытывая духовную опустошенность, герой «низвергается» в адское пространство — конюшню, место сбора низших слоев общества для строительства канала. Для его индивидуальной судьбы это, несомненно, деградация: миллионер вынужден обитать в конюшне. Однако облик героя, сочетающий черты национальных героев Минина и Пожарского, предсказывает, что он будет избран. Примечательно, что избирает героя не Отец, а Уланова, выполняющая функции Отца. Она ищет «объединяющее» лицо, способное призвать людей на стройку.

Эти два аспекта — деградация экзистенциального пространства и избранная миссия — отсылают к религиозной метафоре «возвращения блудного сына». Волков, безусловно, предстает блудным сыном в духовном измерении, а пространство конюшни символизирует «его крест, его искупление прошлого» [Логвиненко 2012: 27]. На нем лежит ответственность и за спасение других. Он спасает Зуйку от гибели в пучине жадности и искушения властью. Под его влиянием Вася, бывший вор, обрел уверенность в возможности стать хорошим человеком и участвовать в великом общем деле. Таким образом, конюшня для Волкова символизирует как нравственное падение, так и отправную точку духовного прозрения. Когда-то он был потерян в «рублевой вечности» и блуждал во тьме в поисках личного счастья, но затем обрел свою подлинную ценность в лозунге общего дела «вперед».

Вася оказывается единственным, кто гибнет в руководимой Волковым взрывной операции. Его жертва была неизбежна, что подтверждает трактовку Пришвиным смысла смерти: «Смерть — это налог на живого человека в пользу будущей жизни» [Пришвин, т. 8, 1986: 362]. Для Васи, бывшего вора, пребывающего в «низком» пространстве, смерть обретает значение восхождения души. Само место его захоронения — под сосной в высоких горах — несет метафорический смысл вознесения на небо. Это демонстрирует связь между коммунистической этикой и христианством: тип высшей степени социальной организации, к которой стремится писатель, представляет собой идеальную коммуны [Logvinenko 2015: 202–208].

Писатель использует религиозную метафору «возвращения блудного сына» для изображения духовного пути Волкова. Метафора проецируется и на «возвращение» воровского сообщества в конюшню. Мы полагаем, что для Волкова и воров возвращение предстает как жизненная необходимость. Эта позиция находит выражение в ключевом лозунге Волкова: «Хулиганчики, хулиганчики, сколько в вас душевности» [Пришвин, т. 6, 1983: 107]. Это в определенном

смысле можно считать их воскрешением в духовном плане — как для Волкова, так и для других участников строительства канала.

Мотив «возвращения блудного сына», который Пришвин развивает в «Повести нашего времени», окончательно возвращается в религиозный контекст, воплощая в себе идеал христианской любви. Варламов отмечает, что «Повесть нашего времени» «и есть та книга, которой Пришвин мог бы оправдаться перед Богом» [Варламов 2003: 442].

Траектория судеб главных героев романа позволяет глубже понять, как писатель воспринимал основные тенденции развития общественного бытия и сознания своей эпохи. В повествовательном пространстве романа альтернативность жизненных путей Ивана и Алеши — представителей молодого поколения — отражает сомнения и ожидания как повествователя, так и самого писателя относительно будущего России: по пути революции или религии. «Этим мотивом в структуре сюжета определяется конфликтность поколений в ситуации жизненного выбора пути» [Радь 2013: 599]. В исходном контексте притчи о блудном сыне «уход» сына — это прежде всего отказ от пути, избранного отцом, и конфликт между отцовским авторитетом и сыновним своеволием. Отзвук этого конфликта можно обнаружить в противостоянии Алеши и Гаврилы Алексеевича.

С юности Алеша испытывал непроизвольное, а порой и намеренное стремление оспаривать авторитет старшего поколения, в особенности «иконописного» Гаврилы Алексеевича, исполнявшего обязанности церковного старосты. В романе запечатлено два конфликта между ними. Один из них — спор о вечности, в котором дерзкий Алеша заявляет, что ни в чем вечности нет. Гаврила Алексеевич в гневе возражает: «Как ни в чем, а Бог?» [Пришвин, т. 5, 1983: 157]. Гнев старца был вынужденно утихомирен появлением в саду девушек-переписчиц. Не унимаясь, Алеша вновь перешел в наступление: в графе «вероисповедание» анкеты он указал — «неверующий». После сдачи анкет на лице Алеши выступили слезы, тогда как Гаврила выглядел радостным. Лишь после смерти Гаврилы Алеша раскрыл повествователю правду произошедшего в тот день. Оказалось, что старик на коленях умолял непокорного юношу «не губить свою душу» [Пришвин, т. 5, 1983: 157], после чего Алеша и вычеркнул слово «неверующий» из анкеты.

Однако борьба Алеши за собственное верование не ограничилась этим вычеркиванием и не завершилась со смертью Гаврилы. Напротив, она обострилась в противостоянии с сыном Гаврилы — Ваней. Каждый из них унаследовал сущностные черты своего отца. Когда подрос Ваня, «то мальчик стал рядом с отцом возле ящика, и было

очень похоже, будто рядом с большим, старым дубом поднялся тоненький, молодой» [Пришвин, т. 5, 1983: 151]. Алеша же с детства испытывал неприязнь к благопристойной церковной деятельности. Будучи, подобно своему отцу, либералом по духу, молодой Алеша в конечном итоге стал страстным революционером и атеистом.

С началом Великой Отечественной войны Алеша и Ваня, придерживающиеся совершенно различных убеждений, отправляются на фронт. Безусловно, сам по себе уход на войну не является буквальным воспроизведением мотива блудного сына; соответственно, роман не аккумулирует все религиозные коннотации, присущие сюжетной модели притчи о блудном сыне. Однако представляется, что смысловой центр произведения сосредоточен именно на обретении героями утраченной веры, что реализует ключевую фазу притчи — возвращение.

Выжившему Ване довелось вернуться домой. Он «подошел к церкви, <...> стал на колени и начал кланяться, как иногда нищие, чтобы привлечь внимание милосердных людей. Но никогда не мог бы нищий так долго и так горячо молиться с целью привлечь себе милостыню» [Пришвин, т. 5, 1983: 195]. Когда он раздал милостыню и люди с недоумением спросили, почему герой не оставил немного себе, он ответил: «Самому ничего не нужно: я ведь домой пришел» [Пришвин, т. 5, 1983: 195]. Отстаивая традиционную нравственность, Ваня в конце концов решил броситься в объятия религии, независимо от жизненных перипетий. Это стало естественным завершением его духовного пути. Обряд покаяния и молитвы в церкви символизировал духовное возвращение «домой», к основам веры.

По сравнению с жизненным путем Вани жизненная траектория Алеши демонстрирует очевидную духовную изломанность. Вернувшись домой, он сразу же сталкивается с первым ударом: повторным замужеством своей возлюбленной Милочки, что причиняет ему душевные муки. Руководствуясь прежним принципом «не забыть, не простить», он даже взял у повествователя «Страшную месть» Гоголя, однако потом отказался от мести. Роман завершается новым уходом Алеши из дома. О том, является ли этот «уход» духовной утратой или обретением нового верования, можно судить по словам повествователя: «Бог найдет тебя и поможет тебе, бедному, снять с себя это мученье твое» [Пришвин, т. 5, 1983: 214].

Отказ от возмездия означает, что прежние убеждения Алеши утрачивают силу. Ему нельзя не признать, что именно христианский идеал милосердия принес спасение, и потому он приходит к искреннему решению простить и забыть. Испытывая экзистенциальную растерянность, убежденный атеист решил спасти себя и других путем обращения к традиционному учению. Это также есть форма

возвращения — возвращения к духовным истокам. Выбор Алеши в известной мере отражает мировоззренческую позицию самого писателя, который записал в дневнике 1944 года: «Смысл нашего времени состоит в поисках нравственного оправдания радости жизни, а не в возмездии» [Пришвин 2013: 115]. И это в той или иной степени «восстанавливает гармонию отношений человека с окружающим миром» [Радь 2013: 602].

Пришвин творчески переносит сюжетную парадигму евангельской притчи на структуру собственного поэтического мира. Путем намеренного сюжетного повтора писатель акцентирует социальную, нравственную и религиозную значимость внутренней эволюции персонажей. Тем самым личные судьбы героев обретают вневременное звучание, а сама нарративная модель выступает как универсальный ключ к осмыслению творчества Пришвина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Варламов А.Н.* Пришвин. М., 2003.
2. *Есаулов И.А.* Пасхальность русской словесности. М., 2004.
3. *Лейбин В.М.* Архетип // Современная западная философия: Словарь. М., 1991.
4. *Логвиненко С.В.* Пространство «души-сознания» в романе М.М. Пришвина «Осударева дорога» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2012. № 36. С. 25–30.
5. *Подкошенов А.М.* Философско-мировоззренческий дискурс и культурный контекст творчества М.М. Пришвина. Дис. ... докт. филол. наук. Белгород, 2008.
6. *Пришвин М.М.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 2, 5, 6, 8. М., 1982, 1983, 1983, 1986.
7. *Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. СПб., 2009.
8. *Пришвин М.М.* Дневники. 1944–1945. М., 2013.
9. *Радь Э.А.* Притча о блудном сыне: христианский канонический метасюжет и литературное творчество // Фундаментальные исследования. 2013. № 11. С. 598–604.
10. *Чернов А.В.* Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1994. Вып. 3. С. 151–158.
11. *Шатин Ю.В.* Архетипические мотивы и их трансформация в новой русской литературе // «Вечные» сюжеты русской литературы («Блудный сын» и другие). Новосибирск, 1996.
12. *Logvinenko S.* “Christian Socialism”: The Fate of Russia in M.M. Prishvin’s Novel “Osudareva Doroga” (“Tsar’s Road”) // Mediterranean Journal of Social Sciences. MCSER Publishing, Rome-Italy. 2015, Vol. 6. No. 4, pp. 202–208.

REFERENCES

1. Varlamov A.N. Prishvin. [Prishvin]. Moscow: Molodaia Gvardiia, 2003. (In Russ.)
2. Esaulov I.A. Paskhal'nost' russkoi slovesnosti [The Easterliness of Russian Literature]. Moscow: Krug, 2004. (In Russ.)
3. Lejbin V.M. Arkhetip. Sovremennaia zapadnaia filosofiia: Slovar' [Archetype. Modern Western Philosophy: Dictionary], comp. by Malahov V., Filatov V. Moscow: Politicheskaja literatura, 1991. (In Russ.)

4. Logvinenko S.V. Prostranstvo «dushi-soznaniia» v romane M.M. Prishvina «Osudareva doroga» [The Space of “Soul-consciousness” in M.M. Prishvin’s Novel *Osudareva Doroga*]. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie. 2012, № 36, p. 25–30. (In Russ.)
5. Podoksenov A.M. Filosofsko-mirovozzrencheskii diskurs i kul’turnyi kontekst tvorchestva M.M. Prishvina [The Philosophical Worldview and Cultural Context in M.M. Prishvin’s Creative Works]. Dis. ... dokt. filol. nauk. Belgorod, 2008. (In Russ.)
6. Prishvin M.M. Sobr. soch.: V 8 vols. Vol. 2, 5, 6, 8. [Mikhail Prishvin. Collected Works: In 8 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1982, 1983, 1983, 1986. (In Russ.)
7. Prishvin M.M. Dnevnik. 1923–1925 [Journals. 1923–1925]. St. Petersburg: Rostok, 2009. (In Russ.)
8. Prishvin M.M. Dnevnik. 1944–1945 [Journals. 1944–1945]. Moscow: *Novyi khronograf*, 2013. (In Russ.)
9. Rad’ Ye.A. Pritcha o bludnom syne: khristianskii kanonicheskii metasiuzhet i literaturnoe tvorchestvo [The Parable of the Prodigal Son: Christian Canonical Meta-Plot and Literary Creativity]. Fundamentalnie issledovaniia. 2013, № 11, P. 598–604. (In Russ.)
10. Chernov A.V. Arkhetip «bludnogo syna» v russkoi literature XIX veka [The Archetype of the “Prodigal Son” in Russian Literature of the 19th Century]. Problemy istoricheskoi poetiki. Petrozavodsk, 1994. Vyp. 3, p. 151–158. (In Russ.)
11. Shatin Ju.V. Arkhetipicheskie motivy i ikh transformatsiia v novoi russkoi literature [Archetypal Motives and Their Transformation in Contemporary Russian Literature]. «Vechnye» siuzhety russkoi literatury («Bludnyi syn» i drugie). sb. nauch. trudov. Novosibirsk: *Federal’noe gosudarstvennoe biudzhethnoe uchrezhdenie nauki Institut filologii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, 1996. (In Russ.)
12. Logvinenko S. “Christian Socialism”: The Fate of Russia in M.M Prishvin’s Novel “*Osudareva Doroga*” (“Tsar’s Road”). *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Rome-Italy. 2015, Vol. 6. No. 4, pp. 202–208.

Поступила в редакцию 29.09.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 21.03.2026

Received 29.09.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 21.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Lili Din — к.ф.н., преподавательница института западноевропейских языков и культур Чжэцзянского института иностранных языков; lili.ding@yandex.com

ABOUT THE AUTHOR

Lili Din — PhD (Philology), Teaching Fellow, School of European Languages and Cultures, Zhejiang International Studies University; lili.ding@yandex.com

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПОВЕСТИ Д. ХАРМСА «СТАРУХА»

Шэнь Ян

Сычуаньский университет иностранных языков, Китай; y.shen1990@qq.com

Аннотация: В статье анализируется этическая проблематика повести Д. Хармса «Старуха». Действия героя обычно считались исследователями вынужденными, его самостоятельность была оставлена без внимания. Более того, не был четко объяснен неустойчивый и противоречивый характер героя. В связи с этим предлагается рассмотреть этические проблемы повести с точки зрения личностных качеств главного героя и выбор, сделанный им в различных жизненных ситуациях. Отмечается, что трудно оценить поступки и характер героя на основе общепринятых моральных принципов; в процессе избавления от старухи автор деформирует традиционное понимание бессмертия, стремление к которому может превращать человека в «беспокойника»; акцент смещается с желания недостижимого бессмертия на отсутствие такого желания и на внутренний покой, порождающий чудо — энергию жизни.

Ключевые слова: Д. Хармс; «Старуха»; этика

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерации общественных наук Чунцина (проект № 2023NDQN57) и Городского отдела народного образования Чунцина (проект № 23SKGH213).

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-15

Для цитирования: Шэнь Ян. Этические проблемы в повести Д. Хармса «Старуха» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 187–197.

THE ETHICAL ISSUES IN D. KHARMS' STORY "THE OLD WOMAN"

Shen Yang

Sichuan International Studies University, China; y.shen1990@qq.com

Abstract: The article analyses the ethical issues in D. Kharms' story "The Old Woman". Researchers have usually considered the protagonist's actions to be forced, and his independence has been overlooked. Moreover, the character's unstable and contradictory nature has not been clearly explained. Therefore, it is proposed to examine the ethical issues in the story from the perspective of the protagonist's personal qualities and the choices he makes in various life situations. It is noted that

it is difficult to evaluate the hero's actions and character based on conventional moral principles; in the process of getting rid of the old woman, the author distorts the traditional understanding of immortality, the pursuit of which can turn a person into a "troublemaker"; the focus shifts from the desire for unattainable immortality to the absence of such a desire and to the inner peace that generates the miracle of life energy.

Keywords: D. Kharms; "The Old Woman"; ethics

Funding: The research was carried out with the financial support of the Chongqing Federation of Social Sciences (project No. 2023NDQN57) and the Chongqing City Department of Public Education (project No. 23SKGH213).

For citation: Shen, Yang (2026). The Ethical Issues in D. Kharms' Story "The Old Woman". *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 187–197.

«Старуха» является одним из главных произведений Д. Хармса и обладает ярким автобиографическим характером. Здесь ставятся философские и религиозные проблемы, в том числе и в этическом аспекте. Есть мнение, что в «Старухе» совершается переход Хармса от эстетических исканий к христианской этике [Хейнонен 2003; Токарев 2006]; герой повести рассматривается как человек, не знающий добра и зла; отмечен распад личности героя и переход к бессознательному [Токарев 2004]. Трагическая судьба героя интерпретируется либо как наказание невиновного [Щербинина 2007], либо как отражение беспорядка, свойственного миру в целом [Жаккар 2011]. Существует интерпретация, согласно которой автор критикует современный ему «утопический проект» [Anemone 1991: 89]. Можно сказать, что все эти толкования отрицают способность героя сделать собственный выбор. Мы попытаемся проанализировать этические проблемы, связанные с главным героем, через призму его личностных качеств, проявляющихся в ситуации свободного выбора.

В повести «Старуха» личностные качества главного героя, с одной стороны, связаны с его философско-этическим идеалом, который реализуется в отношениях со старухой.

Герой считает себя писателем, что становится очевидным в начале повести: он берет бумагу и перо, чувствует в себе «страшную силу» и собирается писать рассказ, который обдумал раньше: «Я сижу и от радости потираю руки. Сакердон Михайлович лопнет от зависти. Он думает, что я уже не способен написать гениальную вещь. Скорее, скорее за работу! Долой всякий сон и лень. Я буду писать восемнадцать часов подряд!» [Хармс 1997б: 163]. Кроме того, на героя как писателя указывает и его интерес к необычным часам старухи («Мне вспоминается старуха с часами, которую я видел

сегодня на дворе, и мне делается приятно, что на ее часах не было стрелок» [Хармс 1997б: 162]), которые символизируют отсутствие времени, вечность: для ряда писателей и художников вечность представляет собой философско-этический идеал¹. Часы старухи герой противопоставляет кухонным часам, стрелки которых символизируют заурядность земной жизни: «А вот на днях я видел в комиссионном магазине отвратительные кухонные часы, и стрелки у них были сделаны в виде ножа и вилки» [Хармс 1997б: 162]. Стремление выйти из времени в вечность, условно говоря, убрать стрелки с циферблата является наивысшей ценностью творчества, что дает возможность говорить о герое как творческой личности.

Однако творческий потенциал героя проходит испытание. При первой встрече старуха показывает герою свои часы без стрелок, но при этом называет точное время. Пока еще она не посягает на суверенитет героя. При второй встрече без каких-либо видимых причин отношения между ними складываются по принципу «господин — раб»: один может заставлять другого делать что угодно, а последний не имеет права отказаться: старуха неожиданно является к герою, входит в его комнату и начинает командовать, а он беспрекословно выполняет все ее приказы, унижаясь. Абсурдность заключается в том, что герой начинает понимать «всю нелепость своего положения» [Хармс 1997б: 164]), но внешне, физически делает в точности то, что она требует («Я тотчас исполнил приказание» [Хармс 1997б: 164]). При второй встрече со старухой герой почему-то начинает ощущать себя рабом, а неожиданная смерть старухи в его доме приводит к мысли, что он будет заподозрен в ее убийстве.

Герой предстает одновременно как писатель и как убийца, и оба эти состояния определяются его личным выбором. Через ситуации, когда герой оказывается перед выбором, прослеживается его эволюция, его осознание собственной судьбы, его представления о жизни и смерти человека.

Идентичность (в частности, основанная на кровном родстве, на социальном положении, на профессии и т. д.) может быть приобретена человеком посредством самостоятельного выбора. Тем не менее, появление новой идентичности может быть и спровоцировано той или иной критической ситуацией.

Чаще всего исследователи упоминают очевидную связь между «Старухой» и «Преступлением и наказанием» Достоевского. В частности, например, А. Кобринский, заимствуя выражение сербского филолога М. Йовановича «ситуация Раскольникова», рассматрива-

¹ Так, в стихотворениях Фета явно выражается необходимость победить время и достичь вечности (например, «Теперь» и «Измучен жизнью»).

ет произошедшее с героем «Старухи» как результат не совершившегося действия: герой Хармса не убивал старуху, но она все время сохраняет власть над ним, даже после смерти (см.: [Кобринский 2008: 435]). Жаккар прямо называет происходящее здесь «наказанием без преступления» (см.: [Жаккар 2011: 233]). Подчеркивается трагичность (скорее абсурдность) судьбы человека и трагичность смерти. Однако было бы слишком просто, если бы «Старуха» оказалась вариацией традиционной греческой трагедии. Именно с момента встречи со старухой личностные качества героя становятся более сложными, подтверждением тому является его дальнейший выбор. Герой не пытается доказать свою невиновность, но поступает так, будто именно он убил старуху.

Обратимся к эпизоду, когда герой находит старуху мертвой: можно заметить, что он не только действует как убийца, но и находится в соответствующем психологическом состоянии. Мы видим в нем не невиновного, а человека, который по каким-то причинам реагирует на лежащую на полу старуху таким образом, будто именно он убил ее, сам того не осознавая (перед тем, как обнаружить старуху мертвой, герой на некоторое время теряет сознание). Найдя старуху мертвой, он испытывает не страх, а «страшное чувство досады» и «безумную злость»: смотрит на ее тело с ненавистью, прислушивается к движению за стеной соседней комнаты, остерегаясь, как бы сосед не почуял запах разлагающегося трупа, более того, пинает тело сапогом по подбородку с такой силой, что от удара остается след. Психологическое состояние, речь и поступки героя складываются таким образом, будто он не случайно и неожиданно для себя оказался в данной ситуации, а давно уже ее предвидел.

Важно заметить, что герой проявляет не только отрицательные качества своей личности, но и чувство жалости к окружающим людям. Так, обнаружив старуху мертвой, герой сначала собирается рассказать все своему другу, но сразу отклоняет эту мысль, объясняя это тем, что, «некоторые вещи надо делать одному, без свидетелей» [Хармс 1997б: 169]. С одной стороны, эти слова можно трактовать с точки зрения психологического состояния убийцы: чем меньше свидетелей, тем безопаснее, но, с другой стороны, возможно и то, что герой не хотел, чтобы его друг стал участником абсурдной криминальной ситуации. При их второй встрече герой видит Сакердона Михайловича уже не тем человеком, которым тот был несколько часов назад: друг молча сидит на полу, а его поза с заложенными за спину руками напоминает позу арестованного. Далее, в вагоне поезда, герой становится свидетелем, как два милиционера ведут по платформе человека в такой же позе. Обращая внимание на мифопоэтические значения двух мест встречи героя с Сакердоном Ми-

хайловичем, Кобринский полагает, что при их первой встрече поведение главного героя может быть рассматриваемо «как попытка охранительной магии» [Кобринский 2013: 277]. Однако чуда не произошло.

Таким образом, трудно оценить поступки и характер героя на основе общепринятых моральных принципов. Жалость к окружающим людям исключает, казалось бы, способность убить. Но тогда почему он совершенно по-другому относится к смерти старухи, явно считает себя реальным убийцей? Тем более кто такая старуха, какие качества она в себе несет, в принципе неизвестно.

Повесть датируется концом мая — первой половиной июня 1939 года. В дневнике (запись от 31 октября 1937 года) Хармс составил список ненавистных для него слов и чувств, среди которых «мораль» и «нравственность» [см. Хармс. Записные книжки. ч. 2, 2002: 195]. Годом позже он пишет: «1. Цель всякой человеческой жизни одна: бессмертие. <...> 3. У человека есть только два интереса: земной — пища, питье, тепло, женщина и отдых и небесный — бессмертие». 4. Все земное свидетельствует о смерти. <...> 6. И поэтому человек ищет отклонение от этой Земной линии и называет его прекрасным или гениальным» [Там же: 199]. Видно, что Хармс пренебрегает традиционными понятиями о добре и зле. Высочайшим и единственным идеалом жизни для него оказывается бессмертие, которое может легко отождествляться с Богом, воплощающим в себе совершенную любовь.

По нашему мнению, вопрос о явной противоречивости в характере и поступках героя «Старухи» заключается не в том, каковы герой и старуха, а в том, каких этических принципов они придерживаются. Нет никакого прямого описания старухи, ее характеризуют только столкновения с героем. Она как бы находится в более высоком измерении: может видеть то, чего не видит герой, и заставляет последнего делать то, что ей угодно. Что касается главного героя, за его писательскими претензиями кроется стремление к бессмертию.

После встречи со старухой в повести трижды заходит речь о бессмертии; сравнение эпизодов обнаруживает эволюцию представлений главного героя о бессмертии.

Первый эпизод — диалог с Сакердоном Михайловичем, где на заданный герою вопрос — «верят или не верят во что? В Бога?» [Хармс 1997б: 175] ответом служит вера «в бессмертие», а герой сначала упоминает о вере в Бога лишь по той причине, что «спросить: верите ли вы в бессмертие? — звучит как-то глупо» [Хармс 1997б: 176].

Дальше речь о бессмертии заходит, когда, увидев подползающую мертвую старуху, герой размышляет: «Их зря называют покойники, они скорее беспокойники. За ними надо следить и следить» [Хармс 1997б: 179].

В последний раз тема бессмертия проявляется в конце повести, когда герой, молясь Богу, произносит слова: «ныне и присно и во веки веков» [Хармс 1997б: 188].

Хейнонен ассоциирует старуху с образом Христа, видя в ее смертном существовании аналогию христианского Воскресения. Из того, что герой называет движущуюся старуху не покойником, а «беспокойником», исследователь делает вывод, что «старуха оказывается амбивалентным существом, носящим в себе начала как божественного добра, так и дьявольского зла. <...> в данном случае речь идет прежде всего о том, какой старуха кажется именно герою» [Хейнонен 2003: 145–146]. Внимание перемещается со старухи на степень познания героем Бога, испытание его веры.

На наш взгляд, история о том, что умершая старуха продолжает угрожать жизни героя, не повторяет Воскресение Христа, а пародирует его: способность старухи двигаться, с одной стороны, не указывает на неподверженность смерти, тлению, с другой — не надевает героя (при условии полного послушания указаниям «Творца», то есть приказам старухи) способностью верой поддерживать свое существование, не дает ему возможности обрести внутренние силы. Старуха осталась «беспокойником», каким стал и герой.

Философско-этические вопросы в русской литературе модернизма в основном сводятся к оппозиции «небесное — земное», которая была заявлена уже Владимиром Соловьевым, широко принявшим в свою очередь учение о «двоемирии» Платона. У Соловьева можно увидеть «два мира: мир Времени и мир Вечности. Первый есть мир Зла, второй — мир Добра» [Брюсов 1975: 221]. Ему важно «найти выход из мира Времени в мир Вечности — такова задача, стоящая перед каждым человеком. Победить Время, чтобы все стало Вечностью, — такова последняя цель космического процесса» [Брюсов 1975: 221]. Однако вспомним, как критиковал устремленность символистов к вечности О. Мандельштам:

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, — и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность?
И Батюшкова мне противна спесь:
Который час, его спросили здесь,
А он ответил любопытным: вечность!

Это стихотворение напоминает начало повести, где герой спрашивает у старухи время, она смотрит на циферблат часов, на которых нет стрелок, но все же отвечает: «без четверти три». Если часы здесь символизируют мир Вечности — мир Добра, то старуха олицетворяет мир Времени — мир Зла. А абсурдное воскресение мертвой старухи как бы высмеивает вечность, как ее понимали символисты.

Вряд ли справедливо считать трагедию героя традиционным для христианства испытанием в процессе познания Бога, иначе говоря, понимать ее как путь, на который обречен каждый человек после грехопадения: Хармс многократно в разных произведениях пародировал сакральные образы и религиозные сюжеты. Например, в пародийной сценке «Грехопадение, или Познание добра и зла. Дидаскалия» (1934) грехопадение прямо описывается как история сексуального обольщения Адама Евой. Причем автор в самом начале текста подчеркивает интерес Евы к «пище» — плодам дерева Познания добра и зла («Ева: Вот это дерево познания добра и зла. Адам запретил мне есть плоды с этого дерева. А интересно, какого они вкуса?» [Хармс 1997б: 50]).

В записной книжке Хармса есть такое высказывание (датируется периодом с 18 октября 1926 года по 13 мая 1927 года): «Изрыгни плод познания добра и зла и потухнет меч архангельский и отведешь ты плод жизни» [Хармс 2002а: 99]. Подчеркивается здесь стремление Хармса к «состоянию святости — состоянию алогическому, не знающему оппозиции “добро — зло”» (подробнее см.: [Токарев 2006: 223]). Эта идея потом в более широком плане выразилась и в стихотворении «Хню» (23 апреля 1931 г.), где можно обнаружить много аналогий со «Старухой»².

Таким образом, можно сделать вывод, что Хармс деформирует или деконструирует не само Небесное, а традиционное представле-

² Во-первых, это мотив небесного и земного, призывающий к достижению первого и воздержанию от второго: «аскет в пустыне властелин / бомба в воздухе владычица / оба вместе лучше доказательство человеческого гения» [Хармс 1997а: 199]; во-вторых, мотив первородного греха человека: «Хню к телеграфному столбу / для отдыха прислонилась / потухли щеки хню. Во лбу / окно стыдливое растворилось / в траве бежала змейка / высунув гибкое жало» [Хармс 1997а: 200]; в-третьих, разговор о вере в Бога: «Нам так приятно знать прошедшее / приятно верить в утвержденное / тысячи раз перечитывать книги доступные логическим правилам / <...> и на вопрос: есть ли Бог? Поднимаются тысячи рук / склонные полагать, что Бог это выдумка / Мы рады уничтожить / наук свободное полотно» [Хармс 1997а: 201]; в-четвертых, близость в некоторых деталях, например, путь в болото, символизирующее иной мир («в пути воздушного болота») («Хню») [Хармс, 1997а: 200]; герой «Старухи» пытается отвезти мертвую старуху на болото), и аналогии между стихом «То Бог в кустах нянчил бабочкину куколку» («Хню») [Хармс, 1997а: 199] и развязкой «Старухи», где герой-повествователь видит в кустах зеленую гусеницу.

ние о нем. Когда «собственные мысли» героя и ряд страшных примеров убеждают его в том, что покойники — «народ неважный. Их зря называют покойники, они скорее “беспокойники”» [Хармс, 1997б: 179], он начинает воспринимать абсурдность бессмертия, которое обуславливается неодолимостью смерти. Стоить вспомнить, что Хармс в одном из рассказов отмечал интерес людей к вопросу о существовании загробной жизни: «Я не верю в загробную жизнь. <...> В религиях же о ней говорится либо очень неубедительно, например, в исламе, либо очень туманно, например, в христианстве, либо ничего не говорится, например, в библии, либо прямо говорится, что ее нет, например, в буддизме» [Хармс, 1997б: 156].

Для Хармса «отклонением от земной линии», способом достичь небесного, бессмертия, может служить чудо; к теме чуда он многократно обращается в своем творчестве. В «Старухе» чудо связано с образом чудотворца: герой хотел написать рассказ о чудотворце, который «может сотворить любое чудо, но он этого не делает» [Хармс 1997б: 163], однако сам рассказ оказался недописанным, автор остановился на первой строчке: «Чудотворец был высокого роста» [Хармс 1997б: 164]. В повести никакого чуда не случилось: мертвая старуха не исчезла вдруг как сновидение; чудотворец не сделал ни одного чуда за свою жизнь; герой не дописал «гениальную вещь», не догнал милую даму, не избежал угрозы ареста, в конце концов. Но стремление героя к появлению чуда всегда есть: в конце повести он произносит молитву, текст которой, кстати говоря, в рукописи был зачеркнут Хармсом, и осталась лишь последняя строчка. И здесь нельзя не согласиться с точкой зрения Д.В. Токарева: тем самым Хармс «продемонстрировал принципиальную невозможность фиксации сверхсмысла с помощью письма, которое неизбежно трансформирует вневременной сверхсмысл в смысл, укорененный во времени» [Токарев, 2004: 262]. Здесь сверхсмысл свойствен чуду, так что «если чудо является чудом лишь до тех пор, пока оно не сотворено, то и текст о чуде, текст о сверхсмысленном является таковым лишь до тех пор, пока он не написан» [Там же: 262].

Хотелось бы добавить, что автор специально создает такую незавершенность: не просто для того, чтобы показать невозможность достижения «Небесного интереса», а с целью обратить внимание на внутреннюю потенциальную силу человека, его желание верить в чудо, являющееся «реальным» аналогом Небесного. К тому же, небесные интересы или бессмертие — это философско-этический

идеал, а в повседневной жизни полного отказа от «земных» интересов для любого человека быть не может, тем более в тяжелое время³.

Итак, возвращаемся к вопросу: почему же герой идентифицирует себя с убийцей, если он непричастен к смерти старухи? На самом деле, старуха играет роль какой-то истины жизни, которая заставляет героя понять ограниченность человека, абсурдность слепой веры во что-нибудь из иного мира. Сначала данная истина для героя — писателя, претендующего на художественный идеал, была чужда и неприемлема, чем объясняется и его психологическое противостояние старухе и отвращение к ней. После того, как герою открывается, что стремление к бессмертию — не что-то прекрасное, не достойный путь для человека, а скорее чрезмерное желание, превращающее его в «беспокойника», он начинает обращать внимание на настоящую жизнь сего мира, на своего друга, на арестованного гражданина, ничтожную гусеницу и, конечно, на свою жизнь. В конце повести желание недосягаемого Небесного (бессмертия) превращается во внутренний покой, который, как ожидается, породит чудесную энергию жизни. Вспомним стихотворение 1937 года «Я долго смотрел на зеленые деревья»:

Теперь я гляжу внутрь себя.
Но пусто во мне, однообразно и скучно,
Нигде не бьется интенсивная жизнь
<...>
Вы ждете, что я расскажу о своем путешествии,
Но я молчу, потому что я ничего не видел.
Оставьте меня и дайте спокойно смотреть на зеленные деревья.
Тогда быть может покой наполнит мою душу.
Тогда быть может проснется моя душа,
И я проснусь, и во мне забьется интенсивная жизнь.
[Хармс 1997а: 284–285]

В заключение хотелось еще отметить, что в повести есть два момента, где героем-повествователем «я» вдруг становится непосредственно автор. Первый случай происходит тогда, когда, покинув Сакердона Михайловича, герой как очевидец повествует о том, что делает его друг в комнате; второй случай — в конце повести после молитвы героя. По определению А.Г. Герасимовой, здесь два типа «я» — «я лирическое» и «я сочинительское». Функция последнего заключается в том, «чтобы апеллировать к читателю, соглашаться или отказываться сообщить те или иные подробности, уверять или

³ Начиная с конца 1937 года Хармс часто голодал и многократно просил Бога уничтожить его (см.: [Хармс, 2002б: 192-198]). Кроме того, его мучал и пол (сложные отношения с женой Мариной Малич): «я неделями, а иногда месяцами не знаю женщины» (см.: [Хармс, 2002б: 198]).

сомневаться в достоверности излагаемых событий, указывать на мнимые источники повествования и т. п.» [Герасимова 1995: 129]. В таком случае эпиграф повести, заимствованный Хармсом из «Мистерий» Гамсуна «...И между ними происходит следующий разговор» [Хармс 1997б: 161] может быть интерпретирован как диалог между сочинительским «я» (в котором воплощен и сам автор) и лирическим «я» о том, что делать со «старухой». А появляющаяся почти в конце произведения «золотая верхушка Буддийской пагоды» символизирует стремление сочинительского «я» к внутреннему покою и желание отсутствия самого выбора. И здесь его позиция прямо соотносится с известными словами Сартра: «Я всегда могу выбрать, но я должен знать, что даже в том случае, если я ничего не выбираю, я тем самым все-таки делаю выбор». Герой повести, как кажется, ничего не выбрал, точнее, не в силах сделать выбор, но внутренне он свободен, как герой рассказа «Утро»: «Я просил Бога о каком-то чуде. Да-да, надо чудо. Все равно какое чудо. Я зажег лампу и посмотрел вокруг. Все было по-прежнему. Но ничего и не должно было измениться в моей комнате. Должно измениться что-то во мне» [Хармс 1997б: 29].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брюсов В. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. М., 1975.
2. Герасимова А.Г. Даниил Хармс как сочинитель: (Проблема чуда) // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 129–139.
3. Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину. М., 2011.
4. Кобринский А.А. Даниил Хармс (ЖЗЛ). М., 2008.
5. Кобринский А.А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века. СПб., 2013.
6. Токарев Д.В. «Старуха» Даниила Хармса как объект «пристального чтения» // Русская литература. 2004. № 2. С. 259–262.
7. Токарев Д.В. Философские и эстетические основы поэтики Даниила Хармса: дис. ... доктора филол. наук. СПб., 2006.
8. Хармс Д.И. Записные книжки: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2002.
9. Хармс Д.И. Полное собрание сочинений: В 4 т. Т.1, 2. СПб., 1997.
10. Хейнонен Ю.П. Это и то в повести Даниила Хармса «Старуха». Helsinki, 2003.
11. Щербинина О.Г. Старуха — Даниил Хармс в контексте классики // Нева. 2007. № 4. С. 282–284.
12. Anemone Anthony. The Anti-World of Daniil Kharms: On the Significance of the Absurd // Daniil Kharms and the poetics of the absurd: essays and materials / Edited by Neil Cornwell. New York, 1991, p. 71–93.

REFERENCES

1. Gerasimova, A.G. Daniil Harms kak sochinitel': (Problema chuda) [Daniil Harms as a Writer: (The Problem of the Miracle)]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*. 1995, № 4, p. 129–139. (In Russ.)

2. Heinonen, Yu.P. *Jeto i to v povesti Daniila Harmsa «Staruha»* [This and that in the Story of Daniil Kharms "The Old Woman"]. Helsinki, Helsinki University Publ., 2003. 230 p. (In Russ.)
3. Jaccard J.-F. *Literatura kak takovaja. Ot Nabokova k Pushkinu* [literature as such. From Nabokov to Pushkin]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2011. 408 p. (In Russ.)
4. Kharms, D. *Polnoje sobranije sochinenij* [Complete works: In 4 vol.] Vol. 1, 2. Saint-Petersburg, *Academic Project Publ.*, 1997. 497 p. (In Russ.)
5. Kharms, D. *Zapisnye knizhki* [Notebooks]. In 2 vol. Vol. 2. Saint-Petersburg, *Academic Project Publ.*, 2002. 414 p. (In Russ.)
6. Kobrinsky, A.A. *Daniil Kharms*. Moscow, *Molodaja gvardija*, 2008. (In Russ.)
7. Kobrinsky, A.A. *Poetika OBERIU v kontekste russkogo literaturnogo avangarda XX veka* [Poetics of OBERIU in the Context of the Russian Literary Avant-Garde in the 20th Century]. St. Petersburg, *Svoe izdatel'stvo*, 2013. 316 p. (in Russ.)
8. Shcherbinina O.G. *Staruha — Daniil Harms v kontekste klassiki* [The Old Woman — Daniil Kharms in the Context of the Classics]. *Neva*, 2007, № 4, p. 282–284. (In Russ.)
9. Tokarev D.V. «Staruha» Daniila Harmsa kak ob'ekt «pristal'nogo chtenija» ["The Old Woman" by Daniil Kharms as an Object of "Close Reading"]. *Russkaja literatura*, 2004, № 2, p. 259–262. (In Russ.)
10. Tokarev D.V. *Filosofskie i jesteticheskie osnovy pojetiki Daniila Harmsa. dis. ... doktora filol. nauk* [Philosophical and Aesthetic Foundations of the Poetics of Daniil Kharms: PhD Thesis]. St. Petersburg, 2006. 407 p. (In Russ.)
11. Brjusov V. *Polnoje sobranije sochinenij* [Complete works: In 7 vol.] Vol. 6. Moscow, *Hudozhestvennaja literatura*, 1975. 653 p. (In Russ.)
12. Anemone Anthony. *The Anti-World of Daniil Kharms: On the Significance of the Absurd*. In: Daniil Kharms and the poetics of the absurd: essays and materials / Ed. by Neil Cornwell. New York, 1991, p. 71–93.

Поступила в редакцию 30.09.2024

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 21.03.2026

Received 30.09.2024

Accepted 18.02.2026

Revised 21.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Шэнь Ян — к.ф.н., доцент института русского языка Сычуаньского университета иностранных языков; y.shen1990@qq.com

ABOUT THE AUTHOR

Shen Yang — PhD in Philology, Associate Professor at Sichuan International Studies University; e-mail: y.shen1990@qq.com

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ НА НЕДЕЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В БЕРЛИНЕ (октябрь 2025 г.)

Ф.И. Панков

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; pankovf@mail.ru*

Аннотация: С 21 по 24 октября 2025 года в Берлине (Германия) прошла ежегодная Неделя русского языка, организованная Русским домом науки и культуры. Мероприятие стало значимым событием для лингвистов, литературоведов и методистов из европейских и азиатских стран. Несмотря на непростые геополитические условия, в этом представительном форуме в общей сложности приняли участие около девяноста ученых-русистов и — шире — славистов из двенадцати стран: в Русском доме в рамках Недели состоялась международная научно-практическая конференция «Современный урок русского языка: дифференцированный подход к обучению и многоязычие». Приглашенными докладчиками из России стали Ф.И. Панков, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, а также писатель А.Н. Варламов, ректор Литературного института имени А.М. Горького и автор текста Тотального диктанта 2026 года. На этом мероприятии профессора университетов, учителя школ, педагоги и лингвисты-исследователи обсудили актуальные вопросы теории и практики преподавания русского языка в России и за рубежом, адаптацию учебных материалов для многоязычных аудиторий и обменялись опытом внедрения новых лингводидактических разработок в образовательный процесс. Профессор филологического факультета МГУ Ф.И. Панков в своем пленарном докладе рассмотрел специфику фрагмента пространства русской языковой картины мира в сопоставлении с другими национальными языковыми картинами. Подробнее он остановился на первичных и вторичных семантических функциях глаголов движения. Участники конференции с интересом выслушали выступление, задали докладчику много вопросов и обсудили различные аспекты современного урока русского языка, дифференцированный подход к обучению и многоязычие.

Ключевые слова: современный урок русского языка; дифференцированный подход к обучению; многоязычие

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-16

Для цитирования: Панков Ф.И. Филологический факультет на Неделе русского языка в Берлине (октябрь 2025 г.) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 198–205.

THE FACULTY OF PHILOLOGY AT THE RUSSIAN LANGUAGE WEEK IN BERLIN (October 2025)

Fyodor I. Pankov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, pankovf@mail.ru

Abstract: From October 21 to 24, 2025, the annual Russian Language Week was held in Berlin (Germany) by the Russian House of Science and Culture. This was a significant event for linguists, literary scholars, and methodologists from European and Asian countries. Despite the difficult geopolitical conditions, this representative forum was attended by a total of about ninety Russian and Slavic scholars from twelve countries. The Russian House hosted an international scientific and practical conference titled “The Modern Russian Language Lesson: A Differentiated Approach to Teaching and Multilingualism” as part of the Week. The invited speakers from Russia were F.I. Pankov, Professor of the Faculty of Philology at Lomonosov Moscow State University, and A.N. Varlamov, a writer, Rector of the Gorky Literature Institute, and author of the 2026 Total Dictation text.

At this event, university professors, schoolteachers, educators, and research linguists discussed current issues in the theory and practice of teaching Russian in Russia and abroad, the adaptation of educational materials for multilingual audiences, and shared their experiences in implementing new linguistic and didactic developments in the educational process. In his plenary presentation, Professor F.I. Pankov from the Faculty of Philology at Moscow State University examined the specific features of a fragment of the Russian linguistic worldview in comparison with other national linguistic worldviews. He focused on the primary and secondary semantic functions of motion verbs. The conference participants listened to the presentation with interest, asked the speaker many questions, and discussed various aspects of the modern Russian language lesson, a differentiated approach to teaching, and multilingualism.

Keywords: modern Russian language lesson; differentiated approach to teaching; multilingualism

For citation: Pankov F.I. (2026) The Faculty of Philology at the Russian Language Week in Berlin (October 2025). *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 198–205.

21–24 октября 2025 года в Германии прошла традиционная ежегодная Неделя русского языка, организованная Русским домом науки и культуры в Берлине. Это мероприятие стало значимым событием для лингвистов, литературоведов и методистов из европейских и азиатских стран. Несмотря на непростые геополитические условия, в этом представительном форуме в общей сложности приняли участие около девяноста ученых-русистов и — шире — слависти-

стов, включая лингвистов и литературоведов из двенадцати стран: Бельгии, Болгарии, Греции, Дании, Испании, Латвии, Нидерландов, России, Португалии, Франции, Чехии, а также из различных федеральных земель Германии. По видеосвязи к конференции присоединились эксперты из-за рубежа. На это мероприятие собрались специалисты из разных областей науки и культуры, которых объединил интерес к русскому языку и его преподаванию в родной и иноязычной аудитории.

21 октября в посольстве Российской Федерации в Германии состоялось торжественное открытие Недели русского языка. С приветственным словом перед участниками форума выступил посол России в Германии С.Ю. Нечаев, выпускник филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. «Разумеется, русский язык имеет богатые международные традиции. Это один из языков ООН, один из ведущих языков, на которых говорит сегодня интернет, на котором общается мировое научное сообщество. И это очень приятно, что, несмотря на внешнеполитические вихри, русский язык по-прежнему имеет прочные, устойчивые и даже растущие тенденции», — сказал дипломат. Это «великое, мощное и многогранное» культурное достояние. Посол России отметил, что в Германии и сейчас есть средние и высшие учебные заведения, в том числе общеобразовательные школы, где продолжают изучать русский язык. «Нам надо всячески сохранять его, потому что это для нас крайне важно и с политической, и с культурно-гуманитарной точки зрения», — подчеркнул он. «В Германии действительно без преувеличения трудно найти место, где бы не пахло русским духом. Наши многовековые, тысячелетние связи между двумя странами во многом определены культурно-гуманитарной составляющей», — заметил С.Ю. Нечаев. Посол пояснил, что в Германии имеется много культурных сообществ, которые носят имена русских писателей: А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и др. С.Ю. Нечаев отметил важность культурных и языковых связей между странами и подтвердил факт, что русский язык глубоко укоренился в Германии: им владеют представители 12 % немецких домохозяйств. По мнению дипломата, хотя цифровизация открывает новые перспективы для преподавания, богатая языковая и культурная глубина русского языка не может быть полностью формализована в «простые алгоритмические модели».

По видеосвязи к присутствующим обратился также заместитель руководителя Россотрудничества П.А. Шевцов. Он отметил, что «Неделя русского языка в Берлине показала свою эффективность». «Мы стали проводить Недели русского языка и в других регионах

мира. Например, в эти же дни проходит неделя русского языка в Стамбуле», — сказал П.А. Шевцов. Он подчеркнул, что всех, кто собрался на форуме в Берлине, объединяет любовь к русскому языку, а также желание узнать что-то новое и поделиться опытом. «Русский язык объединяет людей», — заключил он.

После официального открытия в посольстве России в Германии прошел торжественный прием, в рамках которого состоялся концерт. Громкими аплодисментами присутствующие встретили выступления музыкантов из «Новой филармонии».

На следующий день после торжественного открытия, 22 октября, в Русском доме в рамках Недели состоялась международная научно-практическая конференция «Современный урок русского языка: дифференцированный подход к обучению и многоязычие». Приглашенными докладчиками из России стали Ф.И. Панков, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, а также писатель А.Н. Варламов, ректор Литературного института имени А.М. Горького.

На пленарном заседании с докладом «Современный урок русского языка и национальная языковая картина мира: дифференцированный подход к обучению глаголам движения в многоязычной аудитории» выступил Ф.И. Панков. Докладчик рассмотрел специфику фрагмента пространства русской языковой картины мира в сопоставлении с другими национальными языковыми картинами. Подробнее он остановился на первичных и вторичных семантических функциях глаголов движения. Ф.И. Панков подчеркнул, что изучение неродного языка — это в определенной степени постижение языковой картины мира его носителей. Соответственно непонимание, трудности в усвоении грамматики, лексики, интонации звучащей речи могут быть связаны с различиями в национальном менталитете носителей родного и изучаемого языков. Это следует учитывать в процессе преподавания языка, введения и закрепления грамматического и лексического материала — как устного, так и письменного, как книжного, так и разговорного. Поэтому в преподавании иностранных языков в целом и русского как иностранного в частности недооценивать специфику национальной языковой картины мира недопустимо.

С докладом «Дифференцированный подход в обучении русскому языку как иностранному: опыт разработки учебных пособий в Свободном университете Берлина» выступила преподаватель языкового центра Рузанна Пионтек. Она поделилась опытом создания и представления учебных пособий по русскому языку как иностранному в Свободном университете Германии. Оба доклада

были заслушаны с большим интересом, вызвали массу вопросов и дискуссий.

После пленарных докладов были проведены мастер-классы и круглые столы. В качестве ведущей мастер-класса «Многоязычие как ресурс: раскрываем потенциал языкового разнообразия на уроках русского языка» выступила Катрин Фукс, заведующая отделением русского языка, преподаватель иностранных языков в гимназии имени Зальцмана в Шнепфентале (Германия). Мастер-класс «Изучение русского алфавита в рамках горизонтальной дифференциации» продемонстрировала Ольга Пауль, руководитель креативного центра «Мозаика» в Оснабрюке (Германия). В мастер-классе «Дидактические и методические рекомендации по индивидуальному сопровождению на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному (Уровень А1–А2) учащихся с дислексией, синдромом дефицита внимания (СДВ) и синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) в гетерогенных учебных группах» приняла участие методист по русскому языку для всех типов школ в Тюрингии, преподаватель русского языка Эльке Колодций (Германия). Автором мастер-класса «Дифференцированный подход к обучению как средство развития и активизации познавательной деятельности учащихся при изучении русского алфавита» стала Светлана Хрипач, преподаватель русского языка в креативном центре «Мозаика» (Германия).

Завершили работу первого дня конференции пленарные доклады, связанные с организацией Тотального диктанта. А.Н. Варламов, автор текста Тотального диктанта 2026 года, в своем выступлении «Образовательная акция “Тотальный диктант” как инструмент продвижения русского языка: дифференцированный подход», рассказал о том, какие требования предъявляются к тексту диктанта, какова его композиция и каковы этапы работы над ним. Содержание самого диктанта известный писатель раскрывать не стал. По видеосвязи «Опыт использования разработок Тотального диктанта в рамках реализации образовательных программ по русскому языку как иностранному» представила И.В. Ковтуненко, профессор Южного федерального университета. Она рассказала о тесте TruD, курсах «Готов к TruD’у» и материалах для детей-билингвов.

23 октября свои мастер-классы продемонстрировали Анастасия Галкина, руководитель Образовательного центра Русского дома в Берлине, организатор разговорного клуба «Русский на Шпрее» («Организация разговорного клуба: изучающие русский язык на разном уровне в одной аудитории»), Анна Григорьева из Дании, учитель родного языка в Копенгагене («Квест как инструмент дифференцированного подхода: использование искусственного интел-

лекта в обучении многоязычных участников»), научный сотрудник Анна Вайгль из Германии («Нейродидактический подход к преподаванию русского языка как иностранного»), а также учитель русского и немецкого языка Надежда Блуст из Франции («Как создавать вместе с детьми интерактивные мультиязычные книги»).

С докладами выступили М.Д. Макарова, преподаватель института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского («Игровые методики в обучении»), Юлия Крёхер из Германии, руководитель программы повышения квалификации преподавателей «Берлинский сертификат университетского преподавания» в Берлинском центре высшего образования («Организация эффективного и дифференцированного процесса обучения на основе психологических и педагогических исследований»), Светлана Малявина из Испании, заведующая отделением «Современные языки и литературы» в Мадридском университете Комплутенсе («Геймификация на занятиях по русскому языку»), Кристиане Хардер из Германии, учитель русского языка в Вальдорфской школе в Веймаре («Русский язык в вальдорфских школах с 1-го по 12-й класс»), Екатерина Берга из Латвии, учитель русского языка как родного и как иностранного в лицее имени Жюль Верна («Организация дифференцированного обучения в разноуровневых группах»), Елена Санд-Арсеньева из Дании, руководитель воскресной школы храма св. Александра Невского в Копенгагене, преподаватель русского языка в русской школе («Опыт работы с датскими пенсионерами по изучению русского языка и культуры»).

В последний день конференции были прочитаны доклады Лолы Саматовой из Болгарии, директора издательства «Лидирус» («Системный учебник русского языка для детей-билингвов: познавательная активность и предметная интеграция»), Ульяны Ретцлафф из Германии, учителя русского языка в начальной школе имени Адама Штегервальда в Дюссельдорфе, и Натальи Антоненковой из Португалии, преподавателя русского языка («Презентация рабочих тетрадей по литературным текстам в жанре научной фантастики для детей-билингвов»), Юрия Рябова из Германии, директора школы № 1 в Мюнхене («Методика обучения чтению и письму в возрасте пяти лет. Преподавание начальной грамматики детям шести-семи лет»), Веры Хабиной из Германии, завуча школы № 1 в Мюнхене («Методика преподавания русского языка в средней и старшей школе. Опыт мюнхенской школы»), Людмилы Ныкловой из Чехии, преподавателя русского языка в Русском доме в Праге («Опыт обучения русскому языку как иностранному носителей разных славянских языков: дифференцированный подход»), Хельгарда Лёрхера из Гер-

мании, преподавателя русского языка в обществе «Восток-Запад в Баден-Вюртемберге («Использование стилистических особенностей сказки “Аленький цветочек” С.Т. Аксакова на уроке русского языка как иностранного»).

Завершил работу конференции круглый стол «Мотивация к изучению русского языка в поликультурной и полилингвальной среде: стратегии и вызовы», который вела Светлана Некрасова, заместитель директора Русского дома в Берлине. Круглый стол вызвал большой интерес среди участников.

Итак, в международной научно-практической конференции «Современный урок русского языка: дифференцированный подход к обучению и многоязычие» приняли участие представители не только зарубежных, но и некоторых российских вузов, включая главный университет страны — МГУ имени М.В. Ломоносова. Это позволило углубить международное сотрудничество, обменяться новейшими методиками преподавания и обсудить актуальные вопросы в области русистики.

На мероприятии профессора, преподаватели, методисты и лингвисты-исследователи обсудили актуальные вопросы методики преподавания русского языка, адаптацию учебных материалов для многоязычных аудиторий и обменялись опытом внедрения новых лингводидактических практик в образовательный процесс.

Участниками конференции стали преподаватели университетов, учителя средних школ, методисты и педагоги дополнительного образования. Собравшись в Русском доме в Берлине, они обсудили различные аспекты современного урока русского языка, дифференцированный подход к обучению и многоязычие.

Педагоги представили результаты своих исследований и практических разработок, познакомились с новыми технологиями и педагогическими моделями. Пристальное внимание было уделено особенностям обучения русскому языку как иностранному, как родному и как языку семейного наследия, в том числе детей-билингвов и учащихся из многоязычных семей.

Участники форума обсудили современные тенденции преподавания русского языка за рубежом и эффективные лингводидактические методы. Много внимания было уделено теме адаптации образовательных процессов к многоязычной и цифровой реальности.

По словам участников и организаторов, такой представительный форум был также важен как эффективная площадка для общения между членами педагогического сообщества, методического развития и расширения международного сотрудничества. Особенно полезна конференция оказалась начинающим специалистам. Обмен мнениями с опытными коллегами, обсуждение новых идей и поиск

решений актуальных проблем помогли им совершенствовать свои подходы к обучению русскому языку. Это оказалось чрезвычайно необходимым в условиях динамично меняющейся языковой и культурной среды.

Участие в конференции специалистов ведущих отечественных вузов обеспечило высокий уровень научной и методической экспертизы и способствовало развитию академического обмена.

Поступила в редакцию 22.11.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 18.03.2026

Received 22.11.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 18.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Федор Иванович Панков — д.ф.н., доцент, профессор кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; pankovf@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Fyodor I. Pankov — DSc in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; pankovf@mail.ru

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2025 НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

А.А. Липгарт

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; a_lipgart@mail.ru*

Аннотация: Статья представляет обзор работы научной конференции «Ломоносовские чтения», которая проходила 26 марта — 4 апреля 2025 г. на филологическом факультете Московского государственного университета. В отчете представлен обширный круг научных тем, затронутых участниками в ходе пленарного и секционных заседаний, на которых было заслушано 154 доклада и сообщения. Были представлены доклады, связанные с широкой тематикой работы кафедр в области филологических наук, теоретических и методических аспектов изучения филологических дисциплин. Настоящий обзор выступлений позволяет оценить широту и разнообразие исследований, проводимых на факультете, их актуальность для современной филологии.

Ключевые слова: филологические науки; лингвистика; литературоведение; методика преподавания

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-06-17

Для цитирования: Липгарт А.А. Ломоносовские чтения — 2025 на филологическом факультете Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 2. С. 206–220.

THE 2025 LOMONOSOV READINGS AT MOSCOW UNIVERSITY'S FACULTY OF PHILOLOGY

Andrei A. Lipgart

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; a_lipgart@mail.ru

Abstract: This article provides an overview of the three-day academic conference Lomonosov Readings, which took place on 26 March — 4 April 2025 at the Faculty of Philology, Moscow State University. The report presents a wide range of scholarly topics touched upon by the participants during the plenary as well as 25 breakout sessions, with 154 reports presented. The participants included Professors, Associate Professors, lecturers, and research staff from all departments of the Faculty. There were reports related to the broad range of issues connected to the work of the Departments in the field of philological disciplines, as well as theoretical and methodological aspects of their studying and teaching. This review shows the wide

variety of the research projects carried out by the Faculty members and their relevance to the current academic trends.

Keywords: philology; linguistics; literary studies; teaching methods

For citation: Lipgart A. (2026) The 2025 Lomonosov Readings at Moscow University's Faculty of Philology. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 206–220.

В марте 2025 года на филологическом факультете прошла традиционная конференция Ломоносовские чтения. В этом году она была приурочена к 270-летнему юбилею Московского университета, что нашло отражение в тематике докладов, представленных учеными — сотрудниками всех подразделений факультета и посвященных важнейшим проблемам современной филологической науки.

31 марта состоялось пленарное заседание Чтений, где выступили с докладами ведущие специалисты факультета. М.М. Голубков в своем докладе рассмотрел структуру и смысловое наполнение понятия «советская литература», которое не было советской мифологемой, обслуживающей критику 1930–1980-х годов, но показал, что появление данного понятия было исторически обусловлено переходом от классовой идеологии, выражавшейся в сфере литературы в рапповской ортодоксии, к идее общенародного искусства и единой советской литературы, не разделенной на группировки по классовому принципу, но, напротив, объединенной Союзом советских писателей. В докладе А.А. Холикова обосновывалась необходимость преодоления разрыва между преподаванием фундаментальных аспектов науки о литературе и развитием практических навыков анализа научных и критико-литературных текстов с точки зрения представленной в них системы аргументации, языковых, композиционных и других особенностей. В.В. Красных в докладе кратко представила понятия информационной псевдодебильности и цифрового слабоумия (*digital dementia*). В докладе Т.Б. Назаровой обсуждался «глобальный английский» (*Global English*, или *English as a global language*) и уточнялись критерии, позволяющие отличать национальный язык (или национальные языки) от языка со статусом глобального. В докладе А.В. Уржи было показано, как на фоне современного «взрыва настоящего», то есть широко распространившейся в литературе разных стран тенденции к оформлению в презенте целых нарративных текстов, развивались конструктивные особенности прозы предвестника этого феномена — А.П. Чехова. В докладе Л.А. Чижовой анализировалась проблематика общей филологии в современной функционально-семиотической научной парадигме при учете определенных аспектов. При всех трудностях разработок представленных направлений, особенно в сферах теории

текста, стилей, речи и языка, нельзя не признать необходимость развития функционализма в современной лингвистике.

В рамках Ломоносовских чтений прошли секционные заседания, где были заслушаны многочисленные доклады и сообщения разнообразной тематики.

На секционном заседании кафедры русского языка прозвучало выступление Т.В. Пентковской, которая рассказала об итогах двухгодичного проекта РНФ «П.А. Толстой как переводчик». Итогом реализации проекта стало языковое портретирование личности П.А. Толстого в историко-культурном и лингвистическом контексте Петровской эпохи. В докладе О.Г. Ревзиной было рассмотрено явление множественной членимости, проистекающее из совмещения в художественном тексте мыслительного процесса, акта коммуникации и эстетического объекта. Е.В. Петрухина на материале русского и чешского языков проанализировала доминантные и вариативные типы интерпретации протекания действия во времени при повествовании в плане прошедшего времени. В докладе О.Н. Григорьевой проводилось лингвопоэтическое исследование слов *нега*, *нежный* и *нежность* в идиостиле Пушкина, рассматривались поэтические произведения разных периодов творчества, включая лирику и поэмы. Доклад Г.А. Филатовой был посвящен анализу функционирования форм настоящего исторического времени в качестве средства выдвигания фрагментов повествования.

В докладах кафедры истории русской литературы были представлены интересные и важные проблемы изучения русской литературы. Так, Г.В. Москвин в своем докладе обращался к вопросу идейной целостности прозаического цикла А.С. Пушкина «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». В докладе И.А. Беляевой был затронут вопрос о том, как литературно-критическая рецепция романа «Обломов» в год его публикации повлияла на эскалацию конфликта между Тургеневым и Гончаровым, который традиционно выстраивается вокруг «Обрыва», а не вокруг «Обломова». В докладе А.Б. Криницына разбирался образ Ипполита Терентьева и основные мотивы его «необходимого объяснения» в свете их пересечения с идеями немецкого идеализма и романтизма, что позволяет более глубоко раскрыть тему природы в ее экзистенциальном отношении к человеку. В докладе А.Ф. Багаевой были проанализированы истоки интереса Я.П. Полонского к славянской проблематике, восходящего ко времени его обучения в Московском университете (1838–1844), влиянию на него П.Я. Чаадаева, Т.Н. Грановского и А.С. Хомякова, в особенности книги последнего «Записки о всемирной истории». Р.Б. Ахметшин в своем докладе подчеркнул, что жанр летописи жизни и творчества (ЛЖТ) в чеховедении связыва-

ется, в первую очередь, с трудами Нины Ильиничны Гитович (1903–1994), создавшей книгу, которую многие чеховеды раньше считали настольной. В докладе П.Н. Долженкова исследовались особенности художественного мышления Чехова.

В ходе заседания секции кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса прозвучал доклад М.С. Руденко, посвященный рассмотрению произведений «Осада» Веры Кетлинской и «Ленинградский дневник» и «Пулковский меридиан» Веры Инбер как образцовых текстов соцреалистического решения темы блокады Ленинграда. В докладе И.Б. Ничипорова отмечалось, что новейшая антиутопия Алексея Конакова «Табия тридцать два» (2024) обращена к воображаемым явлениям российской действительности 2080-х гг. и в качестве предмета художественного исследования выдвигаются оригинальные фигуры правдоискателей-интеллектуалов, которые через рискованную разработку нестандартных стратегий шахматной игры ищут альтернативные пути общественного развития. В докладе М.В. Михайловой был проанализирован оригинальный драматургический опыт С.В. Ковалевской и шведской писательницы А.Ш. Леффлер, создавших в конце 1880-х гг. не имеющий аналогов проект — состоящую из двух частей пьесу «Борьба за счастье». Доклад А.В. Назаровой был посвящен сопоставлению критических оценок З. Гиппиус и М. Цебриковой «трагедии современной жизни» Н. Минского «Альма». Доклад О.С. Октябрьской был посвящен исследованию своеобразия и особенностей процесса творческой самореализации ребенка пред-подросткового возраста в повести «Печенье со вкусом музыки» современного детско-подросткового писателя Е.Э. Бодровой, который подчинен архетипическому мотиву инициации. В докладе А.Л. Крупчанова отмечалось, что главной задачей романа А. Терехова «Каменный мост» становится документально-психологическое исследование того, как уже во втором, а затем и в третьем поколениях советской элиты, несмотря на происхождение, появляются ощущение особенности, исключительности, тяга к власти и постепенная утрата каких-либо нравственных принципов.

На заседании секции лаборатории «Русская литература в современном мире» Т.Н. Белова выступила с докладом о творчестве Ф.М. Достоевского и У. Фолкнера, показав типологическое сходение образов князя Мышкина и Бенджи Компсона, необходимость защиты общечеловеческих и христианских ценностей, мощную гуманистическую направленность произведений. Доклад В.Г. Моисеевой был посвящен определению специфики книги З. Прилепина «Ополченский романс», а сопоставление с более ранними близкими по жанру произведениями писателя позволяет показать, как про-

является в современной литературе способность романа к постоянному обновлению, о которой говорил М. Бахтин. В докладе Е.А. Певак рассматривался предпринятый в публицистическом романе Э. Лимонова синтез элементов жанра лекции как одной из форм передачи знания в научно-педагогической сфере в формате коммуникативной пары «адресант — групповой адресат» и жанра предсказания, имеющего свои истоки в сакральных, а также профанных текстах апокалиптического содержания. Доклад О.В. Розинской был посвящен творческой жизни поэта, журналиста, историка и общественного деятеля Б. Евреинова, который в межвоенный период находился сначала в Польше, а затем в Чехословакии. В докладе В.В. Сорокиной было показано, что книга Ю. Олеси с иллюстрациями М. Добужинского представляет собой редкий случай интермедиального эксперимента, в котором художественная полемика между автором-писателем и автором-художником привела к созданию уникального визуально-словесного текста.

Все кафедры русского языка для иностранных учащихся принимают активное участие в наших конференциях. На секции русского языка для иностранных учащихся филологического факультета были сделаны доклады А.В. Величко и О.В. Чагиной об образовании нового направления в МГУ имени М.В. Ломоносова — преподавания русского языка иностранным учащимся. Е.В. Балдина и Е.А. Илюшин в своем сообщении кратко охарактеризовали актуальные тенденции в изучении и преподавании русского языка и русской литературы в университетах Южной Кореи. О.М. Сергеева в своем докладе подчеркнула важную роль растительности как наиболее существенной части ландшафта, жизненно необходимой для человека как важный фактор формирования национальной идентичности, выраженной в языке. В докладе Е.С. Серовой были представлены результаты экспериментального исследования этнокультурной специфики русских цветообозначений *красный* и *белый* в сопоставлении с китайскими колоративами. Доклад А.А. Жуковой был посвящен исследованию аудиальной словесности как особой формы бытования художественного текста. В докладе Е.В. Потёмкиной обсуждалось применение в практике преподавания русского языка как иностранного принципов когнитивной лингвистики. Т.Г. Роцектаева представила приемы визуализации художественного произведения русской литературы XIX века.

В работе секции кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов прозвучали доклады Л.П. Клобуковой, О.Б. Ермаковой, Е.А. Чернышенко, где анализировалось влияние процессов информатизации на образование. В докладе Н.В. Баско рассматривался процесс фразеологизации терминологических словосочета-

ний научного дискурса, характерный для русского языка конца XX — начала XXI века. Доклад Е.В. Гусевой и А. Муковоз отражал результаты проведенного авторами исследования особенностей визуального восприятия инофонами учебной информации. И.С. Черенкова в своем докладе обосновывала необходимость существенных изменений в современной методике преподавания русского языка иностранным учащимся вузов РФ в связи с трансформацией роли электронных средств коммуникации в повседневной жизни общества. Доклад Н.Д. Майорова был посвящен проблеме интеграции технологий искусственного интеллекта в иноязычное обучение, в том числе в обучение русскому языку как иностранному (РКИ). Н.Е. Правдина рассказала о содержании цикла занятий по адаптации иностранных студентов первого курса экономического факультета МГУ к условиям обучения в университете в процессе профессионально ориентированного преподавания русского языка.

Кафедра русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов представила следующие доклады. Доклад Н.С. Иваньиной был посвящен диалектным номинациям лешего в разных регионах России. В докладе А.А. Клементьевой предпринималась попытка определить онтологический статус новых терминологических единиц (искусственный интеллект, нейросеть и др.) через рассмотрение особенностей их синтаксического поведения. Работа А.А. Коростылёвой была выполнена методом семантического коммуникативного анализа русской звучащей речи. В докладе на материале пособия А.Н. Васильевой «Частицы разговорной речи» рассматривался вопрос о том, может ли умышленное увеличение объема коммуникативной составляющей для целей преподавания РКИ приводить к эффекту искусственности сконструированного диалога. Доклад Е.В. Скачковой был посвящен динамическим процессам в системе словообразовательных интенсификаторов современного русского языка. А.В. Хлопьянов представил стилистический анализ двух рассказов К.Г. Паустовского («Снег» и «Белая радуга»), который помогает читателю, особенно изучающему русский язык как иностранный, сконцентрировать внимание на стилистически маркированных языковых единицах.

Секция кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного прошла в русле современных направлений в преподавании русского языка иностранным учащимся. Доклад Е.Л. Бархударовой был посвящен анализу причин неоднородности фонетического акцента в формально однородной в языковом отношении аудитории. В докладе О.Ю. Дементьевой обсуждались вопросы оптимизации обучения китайцев русской грамматике. О.В. Зубова сосредоточилась на принципах отбора про-

изведений русской художественной литературы для изучения в иностранной аудитории. Доклад Ф.И. Панкова был посвящен семантике и грамматике глаголов движения, а также их месту в русской языковой картине мира. В своем докладе Т.Е. Чаплыгина показала, как формировалось прикладное описание русского языка как неродного в 20-е годы XX века.

На заседании секции кафедры теории литературы выступил О.А. Клинг, который проследил новые искания в творчестве символистов и рассказал о роли журнального литературоведения Брюсова и других символистов в становлении поэтики как науки. В докладе И.Н. Исаковой было показано, что в китайской классической драме XIII века главной героине для разрешения конфликта сначала необходимо осознать ситуацию, в которой она оказалась, а также понять, как и на кого она может воздействовать. В докладе В.Б. Семёнова был представлен комментарий к присутствию в средневековом стихотворении «Loue hauif me brozt in lipir þozt», написанном на ирландском диалекте, сочетания двух традиций использования риторической фигуры, название которой до конца не закрепилось в составе литературоведческих терминов. Доклад А.В. Филатова был посвящен рассмотрению двух методологических подходов к изучению литературы — имманентному и контекстуальному. Доклад М.М. Ожиговой был посвящен разработанному ею курсу, который был апробирован на кафедре теории литературы в 2024 году.

Целый ряд интересных докладов был сделан сотрудниками кафедры классической филологии. В докладе А.И. Солопова давалась филологическая интерпретация знаменитого сна Или из «Анналов» Энноя, передаваемого Цицероном в трактате *De diuinatione*. В докладе А.Е. Кузнецова анализировался интерес Цицерона к астрономии, засвидетельствованный его юношеским переводом «Явлений» Арата и написанной в зрелом возрасте поэмой «О своем консульстве». Доклад Е. В. Антонец был посвящен труду Полентона «Жизнеописание славных латинских писателей» — первому в Новое время обширному своду сведений о римских авторах от Ливия Андроника до Петрарки. В докладе О.М. Савельевой говорилось о способах передачи текста-оригинала в переводе: максимально близко к первому по точности мысли, стилистики, поэтики текста без буквального их повторения. В.В. Муханова в своем докладе высказала предположение о происхождении нового прилагательного μαύρος 'черный' в греческом языке, постепенно вытеснившего прилагательное μέλας. Доклад И.Р. Гимадеева был посвящен Силию Италику, который упоминает Фалернское вино, приводя оригинальный миф о его происхождении. Доклад С.А. Харламовой был посвящен анализу образа зимородка у греческих и римских авторов от Гомера до Проперция. В докладе

Т.Г. Давыдова анализировались три случая языковых контактов IX–X вв. н. э. на древнегреческом материале. Доклад И.С. Тимофеева послужил продолжением серии выступлений и исследований, посвященных методике работы Л.П. Поняевой, выдающегося латиниста и замечательного преподавателя, работавшего на кафедре классической филологии Московского университета.

На заседании кафедры византийской и новогреческой филологии прозвучал доклад М.В. Бибикова, посвященный научному проекту «Сравнительное источниковедение описаний Христианского Востока в древнерусских, греческих и латинских памятниках византийской и поствизантийской эпохи». В докладе Д.А. Гришина рассматривались особенности методических программ подготовки студентов филологического факультета по курсу «Основы риторики». Доклад К.А. Климовой был посвящен персонификации чумы в новогреческом фольклоре. В докладе И.В. Тресоруковой рассматривались дизъюнктивные конструкции типа εἶτε...εἶτε, ἢ... ἢ, θες... θες, μεν...δε... и их функционирование в качестве синтаксических фразеологизированных конструкций. Т.И. Самойленко в своем сообщении говорила о театрализации эпоса в поэме «Эротокритосос». В докладе С.Ю. Чуевой и И.В. Тресоруковой подчеркивалось, что в новогреческом языке образование феминитивов нередко сопровождается пейоративными (уничижительными) коннотациями, что отражает глубокие социолингвистические и культурные стереотипы. Исследование А.Ю. Гришина было посвящено классификации случаев переводческих трансформаций в паре «русский — греческий». В докладе А.М. Асмуса были представлены результаты текстологического анализа гомилии пс.-Афанасия Александрийского *In nativitate Praecursoris* — «На рождество Предтечи, и на Елизавету, и на Богородицу» (CPG 7900/9 [2267]; ВHGа 866), относительно которой в науке обсуждается авторство Леонтия, пресвитера Константинопольского.

На заседании секции кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания был сделан доклад П.П. Артемьевой, где рассматривались вопросы теории текста как особого направления лингвистики. Доклад А.М. Белова был посвящен феномену филологического тривиума — грамматики, диалектики, риторики в философии стоицизма, у Августина и в новейшие времена. О.А. Волошина представила в своем докладе исследование метаязыка описания объекта в древнеиндийской грамматике и продемонстрировала его влияние на европейскую и американскую лингвистику. М.Я. Каплунова рассказала о сопоставительном анализе языкового законодательства РФ и КНР. В докладе М.А. Пильгун говорилось о том, что в условиях цифровизации общества и роста объемов пользова-

тельского контента особую актуальность приобретает разработка алгоритмов и инструментов для анализа больших лингвистических данных, исследования которых в последние годы активно развиваются на стыке лингвистики, когнитивных наук и искусственного интеллекта. Н.В. Уфимцева говорила о психологическом подходе в определении особенностей формирования идентичности.

Секция кафедры устного народного творчества открылась докладом С.В. Алпатова, в котором ученый на основании сопоставления контекстов свадебных корильных песен, заговоров от лихорадки, сказок о злой участи и рукописных сатир на злые нравы предложил развернутую интерпретацию формулы «шуба болезью опушена, комухой подложена» известной скоморошьей пародии «Агафонушка» из репертуара Кириши Данилова. В.А. Ковпик говорил о происхождении и истории известной поговорки «В огороде бузина, а в Киеве дядька». В докладе О.А. Кузнецовой были проанализированы примеры окказионального раешного стиха, в которых формула «сам(а) песенки поет» используется в качестве гармонизирующего (рифмованного) элемента. А.А. Родионова рассказала об исследовании функционирования формул счета в пространстве обрядового текста средокрестных песен и провела их сопоставление с формулами счета детского игрового фольклора. В докладе К.О. Полковниковой на материале украинских и полесских быличек рассматривалось звуковое и речевое поведение русалок, в том числе приписываемые им устойчивые вербальные формулы «Бух, бух! Соломенный дух! Меня мати породила, некрещену положила», «полынь ти петрушка». Доклад С.К. Мамоновой был посвящен устойчивой парадоксальной формуле «Пусто — выросла капуста», широко представленной в детском фольклоре, а также ставшей общеупотребительной фразеологической единицей со значением «ничего нет».

На секции кафедры славянской филологии Н.Е. Ананьева выступила с докладом, в котором она рассказала о западнославянских языковых элементах в исторических романах С.А. Царевича и проанализировала полонизмы в романе «Приключения Каспера Берната в Польше и других странах» и богемизмы в романе «За отчизну». В докладе К.В. Лифанова с социолингвистической точки зрения были рассмотрены основные неопределенные местоимения и неопределенные местоимения с оттенком произвольности. В докладе А.Г. Шешкен были освещены воспоминания участника партизанского движения Югославии, известного ученого, переводчика русской литературы, почетного доктора Московского университета М. Бабовича. В докладе О.С. Плотниковой анализировалось исследование А.А. Шахматова «Русское и словенское аканье», опубликованное в периодическом издании «Русский филологический вест-

ник», Варшава, 1902 г. В докладе М.Н. Беловой рассматривались вкрапления как целых высказываний на русском языке, а также отдельных слов и выражений, так и примеры «макаронической» речи. В докладе М.М. Громовой анализировалось функционирование глагольных клитик в переводе Нового Завета на прекмурско-словенский литературный язык (1771) в сопоставлении с данными современного прекмурского диалекта словенского языка.

В ходе работы секции кафедры истории зарубежной литературы был сделан целый ряд докладов по актуальным проблемам и задачам в области изучения зарубежной литературы. В докладе В.М. Толмачёва был проведен анализ лирического субъекта в поэме О. Уайлда «Баллада Редингской тюрьмы». М.А. Абрамова говорила в своем докладе о том, что трактат каталонского клирика францисканца Франсеска Эйщименса (ок. 1330–1409) «Христианин» был задуман как настольная книга обычного горожанина XIV века, призванная просветить его во всех сферах жизни и деятельности с целью указать путь к Богу. В.Ю. Лукасик рассказывала о публикации сборника Пьера де Ронсара «Элегии, маскарады и пастораль» во Франции в 1565 году. Доклад В.С. Полиловой был посвящен анализу поэтических источников эпической поэмы «Араукана» (1569–1590) Алонсо де Эрсильи и интертекстуальных стратегий, использованных ее автором. В докладе А.В. Дулиной шла речь об «экстерриториальности» как ключевом понятии носсаковской мифологии, собирающей воедино актуальную историко-культурную проблематику жизни Германии после 1945 года и общий экзистенциалистский вектор размышлений автора над вопросами истока, судьбы, выбора и пути личности. В докладе К.Р. Ибрагимовой исследовалось своеобразие «Ответа на королевскую перебранку» шотландского поэта Дэвида Линдсея (ок. 1490 — ок. 1555).

В ходе заседания секции романского языкознания с докладом выступила Е.М. Белавина, предложившая трактовку метафоры, лежащей в основе названия стиха в романских языках (от лат. *vertere* — поворачивать), в свете новейших данных нейропоэтики. Е.В. Алексеева и М.С. Соколова представили доклад, в котором было показано, что зачастую пейоративные суффиксы итальянского языка не ограничиваются своей основной функцией: они могут выступать в качестве интенсификатора пейоративного и размерного значений, а иногда и вовсе не приносить в лексему отрицательную коннотацию. А.М. Бибикина в своем докладе предоставила анализ медицинской социальной рекламы в медиадискурсе Италии, где были выявлены характерные для итальянской лингвокультуры персуазивные средства, определены аргументативные тактики, востребованные в данном сегменте рекламного дискурса. Д.А. Кутеко показала, что в современ-

ных реалиях юмор является неотъемлемой характеристикой политического дискурса, поскольку довольно часто используется в публичных выступлениях политиков для привлечения внимания электората. М.С. Соколова рассмотрела интенсификаторы — модификаторы единиц с признаковой семантикой, выражающие значение высокой степени. О.Ю. Школьникова отметила, что старопровансальская поэзия, впитав в себя разные культурные влияния, «переварила» их и, выразив на своем языке, передала дальше европейской цивилизации в виде культурных кодов; итальянская лексика, описывающая сферу эмоций, восходит не напрямую к латинским лексемам, а получает их через провансальский язык.

Целый ряд интересных докладов был сделан на секционном заседании кафедры германской и кельтской филологии. Е.Р. Сквайрс отметила, что в отделе редких книг (Музей книги) Российской государственной библиотеки хранится книга на нидерландском языке с утраченными листами в начале, в том числе отсутствует титульный лист и все выходные данные; при изучении книги первоочередной задачей было выяснение названия, автора и других участников издания, времени и места ее публикации. Доклад Н.А. Ганиной ввел в научный обиход ценный архивный памятник — «Описание общее и опись церковного имущества церкви св. великомученицы Екатерины на Ордынке в Москве» 1855 г. В докладе Э.Б. Крыловой был рассмотрен вопрос об отрицании в структуре датского предложения, был дан анализ роли отрицания *ikke* в формировании установочного компонента вопроса в зависимости от вопросительной (-) или повествовательной (+) структуры предложения. В докладе Е.М. Чекалиной было показано, что в шведском языке в течение длительного периода его новой истории наблюдаются тенденции к изменениям в словоизменительной парадигме местоимений 3-го лица, направленные на ликвидацию парадигматических различий между субъектной и объектной падежной формой, которые обусловлены различными системными причинами и имеют различный статус в норме и узусе. В докладе Е.Л. Жильцовой рассматривались текстообразующие функции шведских наречий, выражающих причинно-следственные отношения и обеспечивающих логическую связность и смысловую спаянность текста. В докладе И.В. Матыциной были рассмотрены вопросы, связанные с тем, что конструкции с отглагольными существительными делают тексты официально-делового стиля, написанные на финляндском варианте шведского языка, более формальными и абстрактными, чем соответствующие им документы, написанные на шведском языке в Швеции. В докладе А.А. Немцевой речь шла о грамматических особенностях лексемы *sådan* в датском языке. *Sådan*, как и ряд других местоименных лексем (*noget, ingen, det, andet, meget*), претерпевает те

же изменения, употребляясь рассогласованно с существительными, что позволяет сделать выводы о превосходстве в датском языке семантических и прагматических смыслов над грамматическими.

На заседании секции кафедры теоретической и прикладной лингвистики с докладом выступил П.В. Гращенков, описав проект по сохранению редкого языка России — нивхского (изолят). В докладе Е.А. Лютиковой и К.А. Студеникиной было представлено исследование, нацеленное на оценку сходства и различия лингвистической компетенции носителей языка и больших языковых моделей (БЯМ). С.Г. Татевосов в своем докладе обсуждал два варианта семантического взаимодействия лексических префиксов и глагольной основы в русском языке — композиционный и некомпозиционный. В докладе О.В. Федоровой описывались результаты психолингвистического эксперимента, проведенного с кумыкско-русскими детьми-билингвами 10–14 лет, проживающими в селе Предгорное Моздокского района республики Северная Осетия — Алания.

На секции кафедры английского языкознания были сделаны доклады, связанные с актуальными проблемами англистики. В своем докладе А.А. Липгарт обратил внимание на две значимых составляющих в использовании искусственного интеллекта в учебном процессе: генерирование текстов, которые, как предполагается, должны быть написаны самими учащимися, и перевод текстов с помощью ИИ вместо самостоятельного перевода. Т.Б. Назарова в своем докладе отметила, что к настоящему моменту накоплен большой опыт научно-теоретического изучения англоязычных средств массовой информации и делового медиадискурса; одна из перспектив развития обоих направлений в научной работе филологов-англистов связана с последовательным описанием авторитетной англоязычной сингапурской газеты *The Business Times*. Доклад А.С. Микоян был посвящен краткому обзору истории перевода и становления письменного, в том числе художественного, перевода как особого вида речевой деятельности, обеспечивающей взаимодействие различных языковых общностей и культур. Т.Ю. Кизилова в своем докладе отметила, что гениальная пьеса Шекспира «Гамлет, принц Датский» ставит вопрос о том, что значит быть человеком и каково его предназначение, что есть искусство и какова его роль в обществе, что есть язык и каковы пути развития английского языка. В докладе Д.Д. Аристовой рассматривался современный просодический формат университетской лекции в британском академическом сообществе. Доклад А.А. Шарапковой был посвящен результатам анализа обращения к мифу о короле Артуре в новом жанре интернет-коммуникации — фанфикшен, где допускаются значительные изменения образа и сюжета мифа.

В ходе работы кафедры иберо-романского языкознания прозвучали доклады, связанные с актуальными проблемами иберо-романистики. Доклад А.А. Невокшановой был посвящен раннему этапу латиноамериканской лексикографии и роли дидактических текстов в формировании национальных лексикографических традиций в испаноязычных странах. Предметом исследования А.О. Уржумцевой стали еженедельные колонки испанского журналиста, преподавателя и писателя Алекса Грихельмо в испанской газете «Эль паис» за декабрь 2024 г., январь и февраль 2025 г; колонка как жанр позволяет автору высказать свое мнение практически по любому вопросу современной жизни. А.Ю. Папченко в своем исследовании рассмотрела особенности стихотворного перевода эклог Хуана дель Энсины. Актуальная для современной науки тема была представлена в докладе Ю.Л. Оболенской: манипулятивные стратегии обсуждаются сейчас в разных сферах жизни общества, а язык в этих процессах играет важнейшую роль. Доклад А.В. Бакановой и А.А. Куриной представлял собой комплексный анализ развития испанской фразеологии и паремиологии в диахронической перспективе, охватывающий период от Средневековья до современности.

В ходе работы секции кафедры французского языкознания прозвучал доклад В.М. Амеличевой, в котором были рассмотрены особенности семантической структуры предлога *contre*. Доклад Е.Э. Бабаевой был посвящен абсолютивному употреблению глаголов, обычно транзитивных, с опущением второго актанта глагола, при котором этот глагол регулярно претерпевает семантический сдвиг. В сообщении Е.В. Клюевой речь шла о т. н. «Франко-латинской балладе» (*Ballade franco-latine*) Франсуа Вийона, которую он вписал в рукопись принца-поэта Карла Орлеанского. В докладе С.Д. Рожковой рассматривались дискурс законодательных актов и избранные поэтические тексты второй половины XVI века. В сообщении А.Б. Сергеевой представлены языковые механизмы, лежащие в основе одного из типов неологии — неономинатии, заключающейся в изменении означаемого при неизменном денотате.

В ходе работы секции финно-угорской филологии прозвучал доклад Н.С. Братчиковой, где рассматривались особенности метафорических концептов в современном семейном романе на примере романа Т. Киннунена «Перекресток четырех дорог» (*Neljäntienristeys*, 2014). В докладе А.В. Сазоновой были представлены варианты кейсов для разных уровней владения финским как иностранным.

В ходе работы кафедры немецкого языкознания прозвучал доклад О.А. Байновой, где автор отметила, что гипертекст не только открывает новые возможности для представления информации, но и в корне меняет представления, сложившиеся на данный момент

в лингвистике текста. В докладе А.П. Кашперской рассматривалась специфика одного вида альбомов в немецкоязычной среде. В докладе А.В. Варюшкиной жанр объявления анализировался с точки зрения психолингвистики. Доклад А.А. Фомичевой был посвящен методологическим проблемам исследования лексики немецкого языка в диахронии: описывались ограничения традиционных методов изучения лексического материала, связанные с характером и степенью сохранности источников текстов разных периодов истории немецкого языка.

На кафедре общей теории словесности прошел круглый стол «Медийная и культурная грамотность в филологическом образовании: подвижность норм, критерии, проблемные ситуации», в ходе которого был сделан доклад И.В. Захаренко, где рассматривалась проблема функционально-культурной неграмотности как феномена современной социокультурной ситуации. Т.Д. Венедиктова в своем докладе обосновала необходимость трактовки категории культурной грамотности как историчной и контекстозависимой. Доклад А.Л. Борисенко был посвящен размышлению о том, как развивать культурную грамотность в высшей школе, в том числе навыки медленного чтения и исторического подхода к тексту. П.Ю. Рыбина в своем докладе подчеркивала, что в связи с проблемой функциональной грамотности/неграмотности и в контексте истории киноадаптации литературного текста исследуется оппозиция «знающий»/«незнающий» (зритель, читатель), предложенная Л. Хатчен. В докладе Е.А. Калининой поднимался вопрос о знаниях, необходимых современному студенту для анализа произведений художественной литературы, взаимодействующих с фотографией. А.В. Швец говорила о том, что подразумевает новая грамотность нашего времени, когда мы вынуждены читать и печатные тексты, и цифровые, и какого вида навыки и компетенции необходимы для адекватного понимания высказывания в цифровой среде. В сообщении А.А. Зубова подчеркивалось, что в контексте исследований популярной культуры и литературы проблема грамотности тесно связана с понятиями вкуса, нормы, сообщества.

В ходе работы секции лаборатории фонетики и речевой коммуникации были сделаны следующие доклады. Доклад А.Н. Антоновой был посвящен исследованию акустических и перцептивных особенностей китайских непридыхательных взрывных в слогах с «легким» тоном. Доклад Ф.О. Байрамовой раскрывал специфику исследования интерферированной речи в экспертной практике: в первую очередь, это лингвистический анализ отклонений в интерферированной речи, в рассматриваемом случае — интерферированной русской речи. В докладе Г.Е. Кедровой и В.Я. Чучупала были представлены

первые результаты пилотного междисциплинарного проекта по изучению возможностей использования нейронных сетей для выявления иноязычного акцента в русской речи китайских учащихся и автоматической классификации иноязычных дикторов по уровню владения языком. В докладе Н.И. Мироновой рассматривались возможности расширения специализации Мультиязычной многоаспектной фонетической базы данных русского языка за счет встраивания ее в качестве модуля в более крупное образование. В докладе С.С. Пономаревой был представлен способ создания узконаправленного корпуса на примере корпуса речевой агрессии. Доклад С.Б. Потемкина был посвящен развитию средств взаимодействия пользователя с многофункциональной многоаспектной фонетической базой данных (ММФБД). Е.В. Щенникова в своем докладе освещала возможные источники пополнения Мультиязыковой многоаспектной базы данных (кейсы из экспертной практики, фрагменты художественных произведений, публицистические материалы) для целей судебного речеведения.

В заключении можно отметить, что тематика представленных в ходе конференции докладов полностью отражает состояние современной филологической науки во всех ее областях — литературоведении и языкознании, вопросах межкультурной коммуникации, истории языков, литератур и культур, новейших направлений, где используются компьютерные технологии, включая искусственный интеллект, а также современные достижения когнитивной науки. Материалы, представленные в докладах и сообщениях ученых филологического факультета, послужат основой для развития дальнейших изысканий ученых филологов, а также представителей смежных наук.

Поступила в редакцию 27.01.2026

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 31.03.2026

Received 27.01.2026

Accepted 18.02.2026

Revised 31.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Андрей Александрович Липгарт — д.ф.н., профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
a_lipgart@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrei A. Lipgart — Doctor Hab. in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, a_lipgart@mail.ru

LVII ВИНОГРАДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Н.К. Онипенко

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
onipenko_n@mail.ru*

Аннотация: В статье излагается содержание докладов, прочитанных на очередных 57-х Виноградовских чтениях в МГУ. Доклады основывались на идеях В.В. Виноградова, обеспечивающих взаимодействие грамматических описаний языка и принципов анализа текста. На Чтениях обсуждались дискуссионные проблемы современной русской грамматической науки, поэтики художественного текста, истории грамматических форм и категорий. Литературоведческие доклады были посвящены жизни и творчеству А.П. Чехова. Кроме того, научной общественности были предьявлены архивные документы, относящиеся к тобольскому периоду жизни академика В.В. Виноградова.

Ключевые слова: грамматика; предикатив; деепричастие; корпусной анализ; семантика предложения; модальность; художественный текст; поэтика; А.П. Чехов

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-18

Для цитирования: Онипенко Н.К. LVII Виноградовские чтения // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 221–226.

57th VINOGRADOV READINGS

Nadezhda K. Onipenko

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; onipenko_n@mail.ru*

Abstract: The article presents the content of the reports read at the 57th Vinogradov Readings at Moscow State University. The reports were based on the ideas of V.V. Vinogradov, which ensure the interaction of grammatical descriptions of the language and the principles of text analysis. The Readings discussed controversial issues of modern Russian grammatical science, the poetics of literary text, the history of grammatical forms and categories. Literary reports were devoted to the life and work of Anton Chekhov. In addition, archival documents relating to the Tobolsk period of Academician V.V. Vinogradov's life were presented to the academic community.

Keywords: grammar; predicative; adverbial; corpus analysis; sentence semantics; modality; fiction; poetics; A.P. Chekhov

14 января 2026 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялись 57-е Виноградовские чтения. Тема Чтений — «Взаимодействие грамматики и текста в современном филологическом исследовании (уроки В.В. Виноградова)». Эта тема объединила лингвистов и литературоведов, типологов и русистов, историков языка и синхронистов.

Программу Чтений открывал доклад А.В. Циммерлинга (ГИРЯ им. А. С. Пушкина / ИЯз РАН) «Части речи и классы предикатов: по следам дискуссии о категории состояния», в котором на широком типологическом и теоретическом фоне рассматривались признаки класса предикатных слов и словоформ, которые со времен Л.В. Щербы и В.В. Виноградова принято обозначать термином «категория состояния». Докладчик показал, что неглагольные предикатные лексемы — явление не чисто русское, что такие классы слов обнаруживаются и в других языках и что при этом предлагаются разные термины. Л.В. Щерба в начале XX века интуитивно определил основные свойства слов категории состояния. Современные исследовательские инструменты позволяют уточнить классические грамматические описания. К этому типу предикатов относятся не только безличные предикативы с дат. пад. субъекта, но и стивные предикаты с им. пад. субъекта. Категория состояния понимается А.В. Циммерлингом как лексико-семантический класс слов, которому свойственны определенные семантические и синтаксические признаки. Были отмечены следующие семантические признаки слов категории состояния: отсутствие информации об изменениях, т. е. непроспективная гомогенность; отсутствие каузальной зависимости; временная протяженность (длительность). В качестве синтаксического признака рассматривались возможности слов категории состояния выступать в позиции зависимого предиката (второстепенного сказуемого). При этом были отмечены ограничения для безличных неглагольных предикативов на их употребление в позиции зависимого сказуемого при другом сказуемом.

Т.И. Стексова (НГПУ) в докладе «Семантика неудачи в свете учения В.В. Виноградова о модальности» обратилась к трудам В.В. Виноградова, в которых рассматривались разные типы модальности. Основное внимание в докладе было уделено предложениям, выражающим ситуацию контролируемого действия субъекта с неконтролируемым результатом (недостижение цели). Средства выражения ситуации неудачи делятся на лексические и синтаксические, что вполне согласуется с утверждением В.В. Виноградова о смешанном лексико-грамматическом характере семантической

категория модальности. Предикатный способ реализуется в двух типах отрицательных конструкций — в конструкции с тематическим инфинитивом (*Отправить посылку не удалось*) и в конструкции с предложно-падежной формой в теме (*С отправкой посылки не получилось у кого*). Кроме того, семантику неуспешности передают подлежащно-сказуемые предложения в двух вариантах: (1) субъект неудачного действия выражается косвенным падежом, а позицию подлежащего занимает существительное, обозначающее цель, ожидаемый результат действия; (2) используется двусоставная конструкция с личными результативными глаголами сов. в. с отрицанием: *не смог, не сумел, не справился* и под. Ту же семантику выражает существительное *неудача*, которое занимает позицию подлежащего (*Его постигла неудача*), а также другие лексические показатели, как, например, наречие *напрасно*. В докладе обсуждались условия выбора говорящим одной из возможных конструкций выражения неудачи. Обосновывалось мнение, что выбор обусловлен тем, на кого/что говорящий возлагает ответственность за неудачу.

В докладе В.В. Казаковской (ИЛИ РАН) «Модальность в русской детской речи» обсуждалась проблема усвоения предикатной и субъективной (внутри- и внешнесинтаксической; деонтической, динамической и эпистемической) модальности. Языковым материалом послужил корпус данных типично развивающегося ребенка от двух до семи лет, расшифрованный и морфологически закодированный в соответствии с конвенциями CHILDES. Устанавливается порядок появления средств выражения модальных значений возможности, долженствования, волеизъявления, субъективно-эмоциональной оценки и степени обычности действия, уверенности и неуверенности в достоверности сообщаемого. Рассматриваются системно-языковые, частотные, дистрибутивные и коррелятивные особенности модально маркированных предикаций. В каждой из сфер выявляются структурно-семантические тенденции формирования модального репертуара. В рамках более частотной и интенсивно развивающейся предикатной модальности преобладает выражение возможности, волеизъявления и долженствования; в рамках субъективной — неуверенности. Онтолингвистический подход к изучению категории модальности проливает свет на ее системно-языковое — полевое — устройство, в котором выявляются центральные, периферийные и континуальные элементы.

М.В. Ермолова (ИРЯ РАН) выступила с докладом «Употребление деепричастий в XVII–XVIII вв.: к вопросу об их грамматикализации», в котором обосновывалось поэтапное формирование деепричастий в русском языке XVII–XVIII вв. На основе анализа контекстов, отсутствующих в современном русском языке, были сформулиро-

ваны выводы о том, что в XVII в. деепричастие теряло абсолютное временное значение, которое имело некогда, находясь в непосредственной близости к причастию. Деепричастие приобретало относительное временное значение, т. е. зависимое от времени главного сказуемого, но при этом оставалось предикатом еще формально независимой клаузы. Закрепление за деепричастием функции предиката в зависимой (обстоятельственной) предикации происходит уже в XVIII в.

В совместном докладе *Н.А. Николина* (МПГУ), *З.Ю. Петрова* (ИРЯ РАН), *Н.А. Фатеева* (ИРЯ РАН) «Местоимение “я” в метафорических конструкциях идентификации в русской поэзии» рассматривались биноминативные предложения с местоимением Я и метафорическим предикатом. Эти конструкции служат в поэтической речи для самопрезентации и образной характеристики лирического субъекта. Материал исследования — поэтические тексты конца XVIII — XXI вв. из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка. В докладе были показаны семантические классы образов сравнения в конструкциях метафорической идентификации с местоимением Я, предъявляющим лирического субъекта. Выделяются три типа лирического субъекта: собственно-личный, ролевой и синкретичный, и отмечается характерное для поэтического текста размывание субъектных границ. Основное внимание уделялось контекстам, связанным с метафорической характеристикой собственно лирического субъекта. Рассматриваются классы образов сравнения, характеризующих Я-субъекта. Для образной характеристики поэта в данной конструкции особо значимы такие типы сравнений, как «Птица», «Звук», «Языковые явления», «Музыкальные инструменты». В докладе показаны композиционные функции конструкций метафорической самоидентификации.

Доклад *А.Д. Степанова* (СПбГУ) «“Чудо” реальное и метафорическое: о статусе чудесного у Чехова» был посвящен вопросу о релевантности категории «чудесного» в поэтике А.П. Чехова. Скептическое отношение писателя к самой возможности совершения чуда проявлялось в авторской иронии, которой окрашены пересказы фольклорных легенд персонажами из народа («Счастье», «Степь» и др.), однако в его произведениях есть и «позитивные» случаи, когда вера в чудо выступает как часть характеристики детски-наивного сознания (Мисюсь в «Доме с мезонином»). Для творчества Чехова более характерны ситуации, когда герои принимают за чудо нечто редкое, неожиданное и желанное, что иногда становится для них свидетельством проявления воли высших сил. С темой несостоявшегося чуда связаны сквозные мотивы несбывшихся надежд и «открытий» (термин В.Б. Катаева). «Открытие», как правило, не

приводит героя к «воскресению», а если духовное обновление и происходит, то оно оказывается, по мнению современной писателю критики, психологически неубедительным. В трактовке темы чуда заключены специфические отличия А.П. Чехова от большинства современных ему авторов и то «новое слово», которое писателю удалось сказать в литературе.

Тему творчества А.П. Чехова продолжил доклад Р.Б. Ахметшина (МГУ) «А.П. Чехов и В.Г. Вальтер: автор и сюжет», в котором проводился сопоставительный анализ прозаических сюжетов в произведениях А.П. Чехова и доктора В.Г. Вальтера (1860–1929), чеховского знакомого по Ницце (таганрожца). Сюжет рассматривается не с точки зрения действия (развития), а в аспекте художественной целостности произведения. Рассказ В.Г. Вальтера представляет собой в чистом виде «случай из практики», своего рода записанное интервью. Событие в нем, неизменно драматическое по смыслу, вынесено в центр композиции и составляет главное и единственное в содержании произведения, комизм проявляется в изображении второстепенных предметов. При этом происшествие (анекдот) у Чехова смещается на периферию рассказа и постепенно утрачивает свое жанровое назначение («Счастье», 1887). Есть разница и в стилистической обработке медицинских (профессиональных) сюжетов: точность терминологии в рассказах Вальтера сосредоточивает внимание в плоскости сиюминутного, «состаривает» язык рассказа, требуя от сегодняшнего читателя знания архаизмов, тогда как Чехов в языке своей прозы использовал метафоры точного медицинского знания.

Л.А. Трахтенберг (МГУ) в докладе «*Ночь и ночь* в русской поэзии XVIII века» представил результаты корпусного исследования, задачей которого было установление вклада в дистрибуцию лексем различных факторов: стихового, стилистического, жанрового и индивидуально-авторского. Было показано, что стиховой фактор имеет приоритет: в значительной части контекстов выбор слова определяется рифмой. Словоформы обеих лексем входят в состав устойчивых рифмопар: например, *ночи — очи, ночь — прочь, в ночи — лучи, нощи — рощи* (последняя маркирует идилический топос *locus amoenus*). В целом слово *ночь* выступает как немаркированный член оппозиции, допустимый в любых контекстах, в том числе в высоких жанрах эпопеи и торжественной оды. *Нощь* — напротив, маркированный член, выражающий стилистический смысл 'книжное' и неуместный в низких жанрах. Индивидуальные стилистические тенденции оказывают на выбор слова большее влияние, чем общие закономерности жанра. Так, если М.В. Ломоносов предпочитает слово *ночь*, то М.М. Херасков и Г.Р. Державин часто выбирают *нощь*.

Н.Я. Козел (МПГУ) в докладе «Сибирский период жизни и творчества В.В. Виноградова: Тобольск, 1941–1943» представила редкие документальные свидетельства, реконструирующие в биографии ученого «тобольскую эпопею». Это расшифровка магнитофонной записи беседы В.В. Одинцова с женой Виктора Владимировича — Н.М. Малышевой, материалы рукописи «Сибирь моя!» Н.И. Пруцкова — директора Омского педагогического института в годы войны, а также ранее неизвестные или малоизвестные страницы эпистолярного наследия В.В. Виноградова и Н.М. Малышевой — их дружеские письма, открытки и телеграммы Н.К. Гудзию, С.Е. Крючкову, И.В. Жолтовскому. Представленная подборка материалов рассказывает об обстоятельствах вынужденного переезда семьи Виноградовых в Тобольск, о трудностях их быта и повседневной жизни в условиях военного времени, о работе Виктора Владимировича в должности заведующего кафедрой русского языка и общего языкознания Омского пединститута, эвакуированного в Тобольск, о коллективе, сложившемся в вузе, — омско-тобольском и московско-ленинградском, о дружеском общении с коллегами-филологами Б.Я. Бухштабом и Н.И. Мордовченко, приехавшими из блокадного Ленинграда. Письма В.В. Виноградова Н.К. Гудзию и С.Е. Крючкову сообщают новые ценные детали его научной биографии, раскрывая обстоятельства работы ученого над книгой по исторической лексикологии, над трудом «Русский язык. Грамматическое учение о слове», а также над принципами описания русского синтаксиса.

Поступила в редакцию 15.02.2026

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 31.03.2026

Received 15.02.2026

Accepted 18.02.2026

Revised 31.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Надежда Константиновна Онипенко — ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН; onipenko_n@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda K. Onipenko — PhD, Senior Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; onipenko_n@mail.ru

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ
КУЛЬТУРЫ–XVIII. НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ
90-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ МАРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ
СЛАВЯТИНСКОЙ»**

А.И. Солопов, Е.В. Антоненц

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; scatebr@mail.ru, evantonetz@yandex.ru

Аннотация: Статья содержит аналитический обзор докладов, прозвучавших на Всероссийской научной конференции «Классическая филология в контексте мировой культуры — XVIII. Научные чтения, посвященные 90-летию юбилею Марины Николаевны Славятинской», которая состоялась 5–6 декабря 2025 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. В конференции приняли участие 35 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Долгопрудного и Сергиева Посада. Тематика конференции охватила широкий круг проблем классической филологии, византиноведения, методики преподавания дисциплин античного цикла, а также вопросы лингвистики, античной философии, патрологии, рецепции античной литературы, методологии науки.

Ключевые слова: классическая филология; история античной литературы; греческий язык; латинский язык; методика преподавания классических языков; рецепция античности

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-19

Для цитирования: Солопов А.И., Антоненц Е.В. Всероссийская научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры–XVIII. Научные чтения, посвященные 90-летию юбилею Марины Николаевны Славятинской» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 227–233.

**ALL-RUSSIAN CONFERENCE “CLASSICS IN THE CONTEXT
OF THE WORLD CULTURE–XVIII. DEDICATED TO THE 90th
BIRTHDAY OF MARINA NIKOLAEVNA SLAVYATINSKAYA”**

Alexei I. Solopov, Ekaterina V. Antonets

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; scatebr@mail.ru, evantonetz@yandex.ru

Abstract: This article provides an analytical review of the papers presented at the All-Russian Conference “Classics in the Context of World Culture–XVIII. Dedicated to the 90th Birthday of Marina Nikolaevna Slavyatinskaya” held on December 5–6, 2025, at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. Thirty five researchers from Moscow, St. Petersburg, Petrozavodsk, Dolgo-

prudny, and Sergiev Posad participated in the conference. The conference topics covered a wide range of issues in classical philology, Byzantine studies, and the methods of teaching classical subjects, as well as linguistics, ancient philosophy, patrology, the reception of ancient literature, and the methodology of scholarship.

Keywords: Classics; history of ancient literature; Greek language; Latin language; methods of teaching classical languages; reception of antiquity

For citation: Solopov A.I., Antonets E.V. (2026) All-Russian Conference “Classics in the Context of the World Culture–XVIII. Dedicated to the 90th Birthday of Marina Nikolaevna Slavyatinskaya”. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 227–233.

5–6 декабря 2025 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Всероссийская научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры — XVIII. Научные чтения, посвященные 90-летию юбилею Марины Николаевны Славятинской». Конференция в честь известного филолога-классика, выдающегося организатора науки, бессменного руководителя учебно-методического объединения преподавателей классических языков, собрала 35 исследователей из различных вузов и научно-исследовательских учреждений Москвы, Петербурга, Петрозаводска, Долгопрудного и Сергиева Посада (МГУ, СПбГУ, ПетрГУ, ИВИ РАН, ИЛИ РАН, ИЯз РАН, ИМЛИ РАН, МГЮА, МГЛУ, ВШЭ, МГПУ, РАНХиГС, Литературного института им. А.М. Горького, МФТИ, ПСТГУ, 1-го МГМУ им. И.М. Сеченова), а также из Московской духовной академии (Сергиев Посад) и Сретенской духовной академии.

М.Н. Славятинская отдала Московскому университету более 60 лет плодотворной деятельности. Одной из основных сфер ее работы остается организация и проведение конференций учебно-методического объединения преподавателей классических языков и других дисциплин античного цикла, на которые собираются учителя, преподаватели вузов, гимназий, лицеев, духовных семинарий из разных городов России и некоторых сопредельных стран. Конференция всегда служила мощным стимулом для поддержания классического образования в нашей стране. Другим важным направлением работы М.Н. Славятинской является издание научных и учебно-методических пособий, главнейшее из которых — ее учебник древнегреческого языка, выдержавший несколько изданий и остающийся одним из основных на филологическом факультете МГУ. Конференция, приуроченная к славному юбилею Марины Николаевны, отразила широкий круг научных и методических вопросов.

Конференцию открыл заведующий кафедрой классической филологии МГУ профессор А.И. Солопов, выступивший с кратким обращением к участникам конференции, в котором рассказал о научной и преподавательской деятельности юбиляра.

Значительная часть выступлений касалась традиционных вопросов интерпретации текстов античных авторов. В докладе Э.В. Янзиной (МГУ) и О.В. Корнеева (МГПУ) «“Почти равен самому Гераклу”: о роли спортивных достижений в возвеличивании правителя» представлено исследование ряда греческих текстов византийской эпохи, посвященных императору Василию I Македонянину (правил в 867–886 гг.) и его спортивным достижениям, и проведен их лексико-терминологический анализ. А.Е. Кузнецов (МГУ) в выступлении «Философ и влюбленный: интерпретация Plutarchus, Quomodo quis suos in uirtute paranda sentire profectus 81d» дал развернутый комментарий к этому месту малоизвестного трактата Плутарха. О.В. Алиева (НИУ ВШЭ) в докладе «“Беременный” или “фертильный”? О значении ἐγκύμων в “Теэтете” 148e» предложила собственную интерпретацию значения древнегреческого прилагательного ἐγκύμων в диалоге Платона «Теэтет». По ее мнению, прилагательное ἐγκύμων у Платона в майевтическом контексте означает не «беременный», а скорее «фертильный», указывая на состояние души, готовой к рождению истины под воздействием прекрасного. Этот смысл подтверждается контекстом «Пира», где Диотима сближает эротическое вожделение с родовыми муками, делая красоту необходимой для самого акта «разрешения» (τόκος). И.Р. Гимадеев (МГУ, МФТИ) выступил с докладом «К интерпретации Ног. с. I 11, 5», в котором рассмотрел сложный для понимания пассаж оды Горация «К Левконое» и предложил понимать глагол debilito не как «ослаблять», а как «ударять друг о друга, сталкивать друг с другом, сшибать», т. е. вернуться к тому пониманию, которое существовало в XVIII — начале XIX в. и отражено в словаре Форчеллини и в комментарии И.К. Орелли. В докладе иеродиакона Григория (Трофимова) (МДА, ПСТГУ) «Астрономическая терминология свт. Григория I Великого: библейские и античные источники» были проанализированы названия звезд и созвездий в сочинениях свт. Григория Великого. В частности, были отмечены пункты расхождения между понятийным аппаратом данного автора, античной и современной астрономической терминологией. По мнению докладчика, определенная шаткость терминологии св. Григория связана не с незнанием астрономии и естественных наук в целом, а с жанровыми особенностями его толкований, для которых характерны весьма спонтанные переходы от одних образов к другим. И.С. Селиванов (МФТИ) в докладе «Специфика метафорики клинка в языке Цицерона» рассмотрел семантику и образность лексем, обозначающих кинжал и клинок, в сочинениях Цицерона.

Ряд сообщений был посвящен грамматике классических языков. Доклад С.Г. Болотова (МГУ) «“Ἄρματ’ ἀνάκτων [колесницы владык их]” — “ἔργον ἐτύχθη [загорелось дело]”: битва за дигамму и экстра-

метрические слоги» был посвящен вопросам фонетики гомеровского языка. *А.А. Брайловская* (МГУ) в докладе «Особенности падежных значений флексии -φι в раннегреческом языке» проследила статистическое распределение трех основных значений флексии -φι — инструментального, локативного и дативного — от микенского до гомеровского греческого языка. В докладе *А.М. Белова* (МГУ) «О (возможных) безударных акутах и циркумфлексах в греческом» обсуждались акцентные соответствия между греческим и праславянскими языками, наблюдаемые на основании данных монофонгизации. Высказано предположение, что сходство в реализации долгот разных типов обслуживало тональные различия не только в праславянском, но и в греческом, в том числе в относительно исторические времена. Доклады *Ф.Б. Альбрехта* (Литературный институт им. А.М. Горького, МГЛУ) «Конструкция *ablativus absolutus* в свете антиномии возможностей языковой системы и избирательности нормы (узуса)» и *А.О. Захарченко* (МГУ, МГЛУ) «Конструкция *ablativus absolutus* в прозе Цезаря: диахронический аспект» осветили употребление оборота. *А.А. Трофимов* (ИЯз РАН, МГЮА, РАНХиГС) в выступлении «Два возможных случая действия ассимиляции и диссимиляции в латинском языке: правило Вальде и переход смычных в *t» рассмотрел два случая ассимилятивных и диссимилятивных процессов. Один из них — диссимиляция двух придыхательных согласных в праформе при наличии плавного по соседству, отмеченная А. Вальде в 1906 г. и действующая в нескольких латинских словах; другой процесс — ассимиляция звонких смычных в *t* при соседстве с носовыми, ср. *femur, feminis* ~ праслав. *bedro. Доклад *Н.А. Василенко* (МГУ) «Слогораздел в редакторской правке Сервата Лупа» был посвящен проблеме слогораздела в латинском языке и его отражению в писцовой и редакторской деятельности выдающегося каролингского ученого Сервата Лупа (ок. 805–862 гг.). *А.Ю. Кузьменко* (1-й МГМУ им. И.М. Сеченова, СДА) выступила с сообщением «Реконструкция региональных вариантов латинского языка: проблемы, методы, перспективы».

На конференции было уделено внимание различным аспектам греко-римских древностей. *А.В. Подосинов* (МГУ, ИВИ РАН) выступил с докладом «Византийская карта мира из рукописи XIV в. MS Vat. Gr. 915», где рассмотрел пока малоизученный вопрос о степени распространенности в Византии географических карт. Доклад *Т.Л. Александровой* (ИМЛИ РАН) «Представления о разуме животных в античности» был посвящен взглядам античных авторов на проблему разума у животных и различным традициям, среди которых пифагорейская и платоническая признавали его наличие, а аристотелевская, и особенно стоическая — отрицали. *Е.В. Приходько* (МГУ) в докладе «Черепаша побеждает в беге ворона, или об истоках Δ-стиха алфавит-

ного оракула из Тимбриад» рассмотрела каменный блок с вырезанным на нем алфавитным оракулом (II–III в. н.э.), который был найден в 1972 г. К. Бришем на территории святилища Матери богов Вегины и речного бога Эвримедонта, принадлежавшего городу Тимбриады. В докладе показано, что создатель текста определенно переводил на древнегреческий язык местную поговорку и, хорошо подбирая слова, калькировал с писидийского языка их принцип соединения.

Значительное число выступлений было посвящено вопросам рецепции античной литературы. В докладе «Григорий Богослов и Макарий Египетский в восприятии митрополита Московского Филарета и А.С. Пушкина» *Д.П. Ивинский* (МГУ) обсудил возможности рассмотрения стихотворной «переписки» поэта и митрополита в сложном контексте ряда стихотворений святителя Григория Богослова и «слов» преподобного Макария, преимущественно тех, которым придавалось особое значение в русской мистической литературе 1780–1820-х годов. *Т.В. Пентковская* (МГУ) в докладе «Воскресные проповеди Петра Скарги в церковнославянском переводе Чудовского книжного круга: промежуточные итоги лингвотекстологического изучения» изложила предварительные итоги изучения церковнославянского перевода воскресных проповедей Петра Скарги, входящих в сборник текстов, посвященных основанному им в Кракове в 1584 г. Братству милосердия. При работе над проповедями, помимо собственно польского оригинала, использовались дополнительные источники на церковнославянском и греческом языках. Это были преимущественно печатные издания, которые использовались чудовскими книжниками, в том числе при работе над Библией 1663 года и Новым Заветом. Часть этих источников находилась в келейной библиотеке Евфимия Чудовского, который долгое время был к тому же справщиком Московского печатного двора и, в частности, редактировал Шестоднев 1665 г. с переводами Епифания. Целью привлечения этих книг было сближение переводного текста с традиционной (канонической) церковнославянской книжностью при возможной его подготовке к печати. Доклад *А.А. Солоповой* «Трансформация античного сюжета в визуальный нарратив (на примере “Икара” М. Фьора)» был посвящен рецепции мифа о Дедале и Икаре на материале «Метаморфоз» и «Науки любви» Овидия в графическом романе итальянского художника, автора комиксов и иллюстратора Мануэле Фьора (род. в 1975 г.) «Икар». Был представлен анализ возможностей взаимодействия текста и визуального ряда в обработке данного мифа и их использование Фьором. Восприятию античной культуры в русской литературе были посвящены доклады *Е.П. Литинской* (ПетрГУ) «Феномен “эллинизма” М. Кузмина: лингвистический аспект» и *О.М. Савельевой* (МГУ) «Еще раз об отражении греческого мифа в поэзии Серебряного века (В. Брюсов, М. Цветаева)».

Актуальные вопросы преподавания классических дисциплин и методологии науки обсуждались в четырех выступлениях. Они были освещены в приветственном слове академика *Н.Н. Казанского* (ИЛИ РАН), в сообщении *М.Н. Славятинской* (МГУ) «О себе», а также в докладе *А.Ю. Гришина* и *И.В. Тресоруковой* (МГУ) «Методика преподавания новогреческого языка на отделении классической филологии». Опыт многолетней работы замечательного латиниста и выдающегося педагога Л.П. Поняевой рассмотрел *И.С. Тимофеев* (МГУ) в докладе «Методика работы филолога-классика: Л.П. Поняева и преподавание Лукреция».

В докладе *Ф.В. Шелова-Коведяева* (ВШЭ) «Топоним *Μυρρίκιον* и *μυρρίκιον*: опыт работы со словарем Лидделла-Скотта-Джонса» были затронуты проблемы античной топонимии и этимологии классических языков.

Один доклад был посвящен античной эпиграфике. *А.Д. Леонович* (МГУ) в сообщении «Богиня *Minerva Rudupia*: проблемы этимологии и культурно-религиозной интерпретации (по данным новой надписи из Оксфордшира)» рассмотрела вотивную надпись II в. н. э., найденную в Оксфордшире и опубликованную в 2024 г., с посвящением *Deae Mineruae Rudupiae*. Основное внимание уделено интерпретации ранее неизвестного теонима *Rudupia*: наиболее убедительной представляется его связь с пракельтским корнем *rud* — «красный, ржавый», что позволяет трактовать эпитет как имя локального божества, связанного со спецификой природной среды (железистая вода, источник, почва) и включенного в римскую религиозную систему через отождествление с Минервой при сохранении местной культовой специфики.

К области сравнительного литературоведения относится доклад *Н.А. Ганиной* (МГУ) «“Беовульф” и гомеровский эпос: грани проблемы». Современное состояние индоевропеистики и диахронической германистики позволяет дать оценку примеров, обобщенных в работе предшествующих исследователей, и выявить новые факты, объясняемые типологическим и генетическим сходством древнегерманских и гомеровских эпических топосов в индоевропейской ретроспективе.

Вопросы новолатинской литературы были затронуты в докладе *Т.Г. Давыдова* (МГУ, МФТИ) «Иоанн Понтан — эразмианец до Эразма?», который был посвящен итальянскому гуманисту Иоанну Иовиану Понтану и его программному трактату «*De aspiratione*» (1481). Докладчик проанализировал научный метод Понтана, блестящего фонетиста, который в целях установления *recta pronuntiatio* проявил невероятную ученость и, в частности, использовал материал новоевропейских языков. Однако наряду с другими «эразмианцами до Эразма» (среди которых Антоний Лебрийский (де Небриха), Альд Мануций, Иероним Алеандр) Понтан оказался стерт из традиции

возобладавшим впоследствии представлением об Эразме Роттердамском как первопроходце в этой области.

На конференции не остались без внимания проблемы богословской терминологии и истории богословской мысли. Они нашли отражение в докладе *игумена Дионисия (Шлёнова)* (МДА) «Православное толкование Ареопагитского термина θεανδρικός на Латеранском соборе 649 г.».

Истории античной философии был посвящен доклад *А.Л. Верлинского* (ИЛИ РАН, ВШЭ) «Платоновская критика письменной (и устной) формы передачи знания в “Федре” и Седьмом письме». В докладе доказывалось, что вопреки сомнениям в подлинности Седьмого платоновского письма (в последнее время в особенности в книге М. Берниета и М. Фреде) критические высказывания в этом письме о недостатках письменного изложения философского учения об идеях вполне соответствуют подобному же отношению Платона, высказанному устами Сократа в «Федре». Платон отдает предпочтение устному диалектическому процессу познания идеи любой вещи, в виде беседы в форме вопросов и ответов, который является одновременно и наилучшим способом обучения в области философского познания.

Конференция собрала широкую аудиторию слушателей: студентов, аспирантов и преподавателей из различных городов нашей страны и из-за рубежа. В рамках конференции был представлен юбилейный сборник статей к 60-летию заведующего кафедрой классической филологии А.И. Солопова, вышедший в декабре 2025 г. Фотоотчет о конференции и видеозапись можно найти в социальных сетях кафедры классической филологии МГУ.

Поступила в редакцию 14.02.2026

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 31.03.2026

Received 14.02.2026

Accepted 18.02.2026

Revised 31.03.2026

ОБ АВТОРАХ

Алексей Иванович Солопов — д.ф.н., доцент, заведующий кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; scatebr@mail.ru

Екатерина Владимировна Антонетц — д.ф.н., доцент, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; evantonetz@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alexei I. Solopov — Prof. Dr., Associate Professor, Head of the Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; scatebr@mail.ru

Ekaterina V. Antonets — Prof. Dr., Associate Professor, Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; evantonetz@yandex.ru

ЮБИЛЕИ

К ЮБИЛЕЮ МАРИНЫ ЛЕОНТЬЕВНЫ РЕМНЁВОЙ

Аннотация: Статья посвящена доктору филологических наук, профессору, президенту филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующему кафедрой русского языка М.Л. Ремнёвой, юбилей которой отмечается 27 марта 2026 г. В статье рассматривается жизненный путь М.Л. Ремнёвой, ее вклад в науку (приводятся сведения об основных исследованиях юбиляра, дается их краткая характеристика), развитие филологического образования, совершенствование структуры филологического факультета.

Ключевые слова: М.Л. Ремнёва; филологический факультет МГУ; юбилей
doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-20

Для цитирования: К юбилею Марины Леонтьевны Ремнёвой // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 234–240.

FOR THE ANNIVERSARY OF MARINA LEONTYEVNA REMNEVA

Abstract: This article is dedicated to M.L. Remneva, Doctor of Philology, Professor, President of the Faculty of Philology at Lomonosov Moscow State University, and Head of the Russian Language Department, whose anniversary is celebrated on March 27, 2026. The article examines the life of M.L. Remneva, her contribution to science (information on the main research of the hero of the day is provided, and a brief description is given), the development of philological education, and the improvement of the structure of the Faculty of Philology.

Keywords: M.L. Remneva; Faculty of Philology, Moscow State University; anniversary

For citation: On the Anniversary of Marina Leontyevna Remneva. *Lomonosov Philology Journal*, 2026, no. 2, pp. 234–240.

27 марта 2026 г. празднует юбилей доктор филологических наук, профессор, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой русского языка Марина Леонтьевна Ремнёва.

Вся жизнь М.Л. Ремнёвой связана с филологическим факультетом. Окончив в 1953 г. с золотой медалью среднюю школу № 1 г. Подольска, она поступила на русское отделение филологического фа-

культета¹. После его окончания в 1958 г. и последовавшей за этим трехлетней работы преподавателем русского языка и литературы в средней школе № 3 г. Подольска в 1961 г. М.Л. Ремнёва поступила в аспирантуру по кафедре русского языка филологического факультета, а в 1968 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Соотношение системы и нормы в использовании форм вида и времени в русском (великорусском) языке XV века (по памятникам письменности северо-восточной Руси)» (научный руководитель — профессор К.В. Горшкова). В 1989 г. Мариной Леонтьевной была защищена докторская диссертация на тему «Проблема грамматической нормы в истории русского литературного языка».

С мая 1965 г. М.Л. Ремнёва работает на кафедре русского языка филологического факультета (в 1965–1972 гг. — преподавателем, в 1972–1974 гг. — старшим преподавателем, в 1974–1992 гг. — доцентом, с 1992 г. — профессором). В 1972–1979 гг. она была заведующим кафедрой русского языка для иностранцев естественных факультетов Отделения по преподаванию русского языка иностранным учащимся МГУ, в 1981–1991 гг. — заместителем декана филологического факультета по учебной работе. В 1991 г. по результатам голосования профессоров, доцентов, преподавателей и сотрудников филологического факультета Марина Леонтьевна была избрана деканом и до 2019 г. руководила им в этой должности. С 1995 г. М.Л. Ремнёва является заведующим кафедрой русского языка, а с 2019 г. — президентом филологического факультета.

Работая в должности декана 28 лет, М.Л. Ремнёва внесла огромный вклад в развитие факультета и совершенствование его структуры. При ее непосредственном участии было возрождено отделение русского языка как иностранного, открыты отделения византийской и новогреческой филологии и теории и практики перевода, созданы кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного, кафедра общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации), кафедра финно-угорской филологии, центр новых информационных технологий в гуманитарном образовании, центр белорусского языка, литературы и культуры, лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии.

Сфера научных интересов М.Л. Ремнёвой — история русского литературного языка (XI–XVII вв.), проблема эволюции грамматической нормы, функционирование церковнославянского языка разных изводов в письменной традиции славянских языков, история

¹ При написании статьи использованы материалы изданий: [Филологический факультет Московского университета. Энциклопедический словарь 2005; Филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Очерки истории 2021].

языка восточнославянской деловой письменности (XI–XVII вв.), старославянский язык, историческая грамматика русского языка.

М.Л. Ремнёва является автором более 140 научных и учебно-методических трудов, в том числе 9 монографий, 25 учебников и учебных пособий. Среди них монографии «Литературный язык Древней Руси. Некоторые особенности грамматической нормы» (1988) (рассматриваются грамматические нормы книжно-славянского языка XI–XVII вв.), «История русского литературного языка» (1995) (посвящена анализу языковой ситуации в Древней Руси и в России XV–XVII вв.), «Синтаксическая система старославянского языка. История формирования» (2013) (рассматривается эволюция синтаксических структур старославянского языка), «Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв.» (2017) (на материале 400 памятников XI–XVII вв. прослеживается эволюция русского литературного языка), «Проблемы изучения истории категорий вида и времени русского глагола» (в соавторстве с О.В. Кукушкиной) (2021) (рассматривается основной круг вопросов, связанных с историей категорий вида и времени, на основе анализа памятников разных жанров).

М.Л. Ремнёвой созданы учебники и учебные пособия: «Церковнославянский язык. Грамматика с текстами и словарями» (в соавторстве с В.С. Савельевым и И.И. Филичевым, 1999), «Старославянский язык» (1999, 2004, 2012, 2015), «Старославянский язык. Электронный курс» (в соавторстве с О.В. Дедовой, 2004, 2012), «Пътища на развития на русский книжовен език през XI–XVII век» (на болгарском языке, 2006), «Палеославистика. Мультимедийный учебный модуль» (в соавторстве О.В. Дедовой и др., 2009), «Старославянский язык. Практикум по курсу. Рабочая тетрадь» (в соавторстве с Е.А. Кузьминовой и др., 2011, 2014), «Старославянский язык и древнеславянская книжность. Лингвотекстологический практикум. Рабочая тетрадь» (в соавторстве с Е.А. Кузьминовой и др., 2015), «История русского литературного языка XI — сер. XVIII вв. Лингвотекстологический практикум» (в соавторстве с Е.А. Кузьминовой и др., 2016), «История русского литературного языка XI — нач. XIX вв.» (в соавторстве с Е.А. Кузьминовой и др., 2017, 2018), научно-популярная книга «Аз, буки, веди» (1995).

М.Л. Ремнёва — автор исследований, посвященных истории филологического факультета и кафедры русского языка: «Филологический факультет Московского университета. Краткий очерк истории» (в соавторстве с А.Г. Соколовым, 1999, 2004), «Филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Очерки истории. 1941–2021» (в соавторстве, 2000, 2007, 2021), «Филологический факультет Московского университета. Энциклопедический словарь» (в соавторстве, 2005), «Кафедра

русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Страницы истории: вчера, сегодня, завтра» (в соавторстве с А.В. Уржой, 2024).

М.Л. Ремнёва — главный редактор научного журнала «Вестник Московского университета. Серия 9: Филология» и мультиязычного научного журнала «Stephanos». На протяжении многих лет Марина Леонтьевна была председателем Совета по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию и председателем диссертационного совета МГУ.059.1(10.01) по русскому и славянскому языкознанию.

М.Л. Ремнёва — преподаватель, воспитавший не одно поколение филологов. В разное время она вела общие курсы по старославянскому языку и исторической грамматике русского языка, многочисленные спецкурсы по истории русского языка. Среди учеников Марины Леонтьевны, научным руководителем которых она являлась, — кандидаты и доктора филологических наук, работающие на разных факультетах МГУ и других вузов страны.

М.Л. Ремнёва — организатор многочисленных конференций и чтений, среди которых регулярно проводимые Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» и Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире», ежегодно проводимые Виноградовские научные чтения, Чтения памяти профессоров кафедры русского языка — К.В. Горшковой, Г.А. Хабургаева, В.А. Белошапковой.

Заслуги М.Л. Ремнёвой высоко оценены в России и за рубежом. Она награждена Орденом Почета и Орденом Дружбы, Почетной грамотой Президента Российской Федерации, почетным знаком «Заслуженный деятель высшей школы», медалью Пушкина, памятной медалью Министерства культуры Российской Федерации «150-летие А.П.Чехова», юбилейным знаком «270 лет МГУ имени М.В. Ломоносова», почетными грамотами ряда зарубежных университетов. М.Л. Ремнёва имеет звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», является лауреатом премии М.В. Ломоносова первой степени за научные работы.

Дорогая Марина Леонтьевна!

**От всего сердца поздравляем Вас с юбилеем!
Желаем крепкого здоровья, бодрости духа, стойкости
и энергии, а также оптимизма и Вашей всегдашней
работоспособности на благо всех нас!**

Ваши ученики и коллеги,
коллектив кафедры русского языка

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьминова Е.А., Николенкова Н.В., Пентковская Т.В., Ремнёва М.Л. Старославянский язык. Практикум по курсу. Рабочая тетрадь. Под ред. М.Л. Ремнёвой. М., ФЛИНТА: Наука, 2014. 144 с.
2. Кузьминова Е.А., Николенкова Н.В., Пентковская Т.В., Ремнёва М.Л. Старославянский язык и древнеславянская книжность. Лингвотекстологический практикум. Рабочая тетрадь. Под ред. М.Л. Ремнёвой. М., МАКС Пресс, 2015. 168 с.
3. Кузьминова Е.А., Николенкова Н.В., Пентковская Т.В., Ремнёва М.Л. История русского литературного языка XI — сер. XVIII вв. Лингвотекстологический практикум. Под ред. М.Л. Ремнёвой. М., МАКС Пресс, 2016. 396 с.
4. Кузьминова Е.А., Николенкова Н.В., Пентковская Т.В., Ремнёва М.Л. История русского литературного языка XI — нач. XIX вв. Под ред. М.Л. Ремнёвой. М., МАКС Пресс, 2018. 404 с.
5. Кукушкина О.В., Ремнёва М.Л. Проблемы изучения истории категорий вида и времени русского глагола. М., Ленанд, 2021. 200 с.
6. Ремнёва М.Л. Аз, буки, веди. М., Московский рабочий, 1995. 131 с.
7. Ремнёва М.Л. История русского литературного языка. М., Изд-во Московского университета, 1995. 400 с.
8. Ремнёва М.Л. Литературный язык Древней Руси. Некоторые особенности грамматической нормы. М., Изд-во Московского университета, 1988. 141 с.
9. Ремнёва М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. Белград, Белпак, 2017. 314 с.
10. Ремнёва М.Л. Пътница на развития на русски книжовен език през XI–XVII век. София, Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2006. 420 с. (на болг. яз.)
11. Ремнёва М.Л. Синтаксическая система старославянского языка. История формирования. М., Изд-во Московского университета, 2013. 64 с.
12. Ремнёва М.Л. Старославянский язык. Белград, Белпак, 2015. 678 с.
13. Ремнёва М.Л., Дедова О.В. Старославянский язык. Электронный курс. М., Gaudeamus, 2004.
14. Ремнёва М.Л., Дедова О.В., Кузьминова Е.А., Николенкова Н.В., Савельев В.С., Пентковская Т.В. Палеославистика. Мультимедийный учебный модуль. 2009 // <http://tezaurus.oc3.ru>
15. Ремнёва М.Л., Савельев В.С., Филчев И.И. Церковнославянский язык. Грамматика с текстами и словарями. М., Изд-во Московского университета, 1999. 231 с.
16. Ремнёва М.Л., Соколов А.Г. Филологический факультет Московского университета. Краткий очерк истории. М., Изд-во Московского университета, 1999. 48 с.
17. Ремнёва М.Л. Проблема грамматической нормы в истории русского литературного языка. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1989.
18. Ремнёва М.Л. Соотношение системы и нормы в использовании форм вида и времени в русском (великорусском) языке XV века (по памятникам письменности северо-восточной Руси). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1968.
19. Ремнёва М.Л., Уржа А.В. Кафедра русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Страницы истории: вчера, сегодня, завтра. М., Изд-во Московского университета, 2024. 101 с.
20. Филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Очерки истории. 1941–2021. 4-е изд., испр. и доп. / Под

общ. ред. проф. М.Л. Ремнёвой / М.Л. Ремнёва, А.М. Ранчин, Л.А. Илюшина и др. М., Изд-во Московского университета, 2021. 800 с.

21. Филологический факультет Московского университета. Энциклопедический словарь / Кол. авт. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет. Гл. ред. М.Л. Ремнёва. М., Изд-во Московского университета, 2005. 407 с.

REFERENCES

1. Filologicheskii fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova. Ocherki istorii. 1941–2021 [Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. Historical Essays. 1941-2021]. 4th ed., rev. and add. Edited by M.L. Remneva. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2021. 800 p. (In Russ.)
2. Filologicheskii fakul'tet Moskovskogo universiteta. Enciklopedicheskii slovar' [Faculty of Philology, Moscow University. Encyclopedic Dictionary]. Edited by M.L. Remneva. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2005. 407 p. (In Russ.)
3. Kukushkina O.V., Remnyova M.L. *Problemy izucheniya istorii kategorij vida i vremeni russkogo glagola* [Problems of studying the history of the categories of aspect and tense of the Russian verb]. Moscow, Lenand, 2021. 200 p. (In Russ.)
4. Kuz'minova E.A., Nikolenkova N.V., Pentkovskaya T.V., Remnyova M.L. *Staroslavjanskii iazyk. Praktikum po kursu. Rabochaia tetrad'* [Old Church Slavonic. Coursework. Workbook]. Edited by M.L. Remneva. Moscow, FLINTA: Nauka, 2014. 144 p. (In Russ.)
5. Kuz'minova E.A., Nikolenkova N.V., Pentkovskaya T.V., Remnyova M.L. *Staroslavjanskii iazyk i drevneslavjanskaja knizhnost'. Lingvotekstologicheskii praktikum. Rabochaya tetrad'* [Old Church Slavonic and Old Church Slavonic Literature. A Linguotextological Workshop. Workbook]. Edited by M.L. Remneva. Moscow, MAKS Press, 2015. 168 p. (In Russ.)
6. Kuz'minova E.A., Nikolenkova N.V., Pentkovskaya T.V., Remnyova M.L. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka XI — ser. XVIII vv. Lingvotekstologicheskii praktikum* [History of the Russian Literary Language from the 11th to the mid-18th Centuries. Linguotextological Workshop]. Edited by M.L. Remneva. Moscow, MAKS Press, 2016. 396 p. (In Russ.)
7. Kuz'minova E.A., Nikolenkova N.V., Pentkovskaya T.V., Remnyova M.L. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka XI — nach. XIX vv.* [History of the Russian literary language from the 11th to the early 19th centuries]. Edited by M.L. Remneva. Moscow, MAKS Press, 2018. 404 p. (In Russ.)
8. Remnyova M.L. *Az, buki, vedi* [Az, buki, vedi]. Moscow, Moskovskii rabochii, 1995. 131 p. (In Russ.)
9. Remnyova M.L. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka* [History of the Russian literary language]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1995. 400 p. (In Russ.)
10. Remnyova M.L. *Literaturnyi iazyk Drevnej Rusi. Nekotorye osobennosti grammaticheskoi normy* [The Literary Language of Ancient Rus': Some Features of Grammatical Norms]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1988. 141 p. (In Russ.)
11. Remnyova M.L. *P'tishcha na razvitiia na russkij knizhoven ezik prez XI–XVII vek* [Paths of development of the Russian literary language in the 11th–17th centuries]. Sofia, Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Ohridski», 2006. 420 p. (In Bulg.)
12. Remnyova M.L. *Problema grammaticheskoi normy v istorii russkogo literaturnogo iazyka* [The problem of grammatical norms in the history of the Russian literary language]. Diss. ... dokt. filol. nauk. Moscow, 1989. (In Russ.)

13. Remnyova M.L. *Puti razvitiia russkogo literaturnogo iazyka XI–XVII vv.* [The development of the Russian literary language in the 11th–17th centuries]. Belgrade, Belpak, 2017. 314 p. (In Russ.)
14. Remnyova M.L. *Sintaksicheskaia sistema staroslavynskogo iazyka. Istoriiia formirovaniia* [The syntactic system of the Old Church Slavonic language. History of formation]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2013. 64 p. (In Russ.)
15. Remnyova M.L. *Sootnoshenie sistemy i normy v ispol'zovanii form vida i vremeni v russkom (velikorusskom) iazyke XV veka (po pamyatnikam pis'mennosti severo-vostochnoi Rusi)* [The relationship between the system and the norm in the use of aspect and tense forms in the Russian (Great Russian) language of the 15th century (based on written monuments of north-eastern Rus')]. Diss. ... kand. filol. nauk. Moscow, 1968. (In Russ.)
16. Remnyova M.L. *Staroslavynskii iazyk* [Old Church Slavonic]. Belgrade, Belpak, 2015. 678 p. (In Russ.)
17. Remnyova M.L., Dedova O.V. *Staroslavynskii yazyk. Elektronnyi kurs* [Old Church Slavonic. Online Course]. Moscow, Gaudeamus, 2004. (In Russ.)
18. Remnyova M.L., Dedova O.V., Kuz'minova E.A., Nikolenkova N.V., Savel'ev V.S., Pentkovskaya T.V. *Paleoslavistika. Mul'timedijnyi uchebnyi modul'* [Paleoslavic Studies: A Multimedia Learning Module]. 2009 // <http://tezaurus.oc3.ru> (In Russ.)
19. Remnyova M.L., Savel'ev V.S., Filichev I.I. *Tserkovnoslavynskii iazyk. Grammatika s tekstami i slovaryami* [Church Slavonic: Grammar with Texts and Dictionaries]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1999. 231 p. (In Russ.)
20. Remnyova M.L., Sokolov A.G. *Filologicheskii fakul'tet Moskovskogo universiteta. Kratkii ocherk istorii* [Faculty of Philology, Moscow University. Brief History]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1999. 48 p. (In Russ.)
21. Remnyova M.L., Urzha A.V. *Kafedra russkogo yazyka filologicheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova. Stranitsy istorii: vchera, segodnya, zavtra* [The Russian Language Department of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. Pages of History: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2024. 101 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.03.2026

Принята к публикации 18.03.2026

Отредактирована 31.03.2026

Received 15.03.2026

Accepted 18.03.2026

Revised 31.03.2026

ПАМЯТИ...

ПАМЯТИ А.Е. КУЗНЕЦОВА

А.М. Белов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
indogermanica@yandex.ru*

Аннотация: Текст посвящен памяти доктора филологических наук, доцента кафедры классической филологии филологического факультета МГУ Александра Евгеньевича Кузнецова. Дается очерк научного и педагогического пути А.Е. Кузнецова, рассматриваются его глубоко оригинальные и многогранные взгляды на проблемы изучения античной литературы, латинского языка и стиха, охарактеризованы важнейшие труды, рассказывается о некоторых чертах его замечательной личности.

Ключевые слова: МГУ имени М.В. Ломоносова; латинский язык; просодика и метрика; сатурнов стих; история античной литературы; стиховедение; история жанров; текстология; классическая филология; А.Е. Кузнецов

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-21

Для цитирования: Белов А.М. Памяти А.Е. Кузнецова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 241–247.

IN MEMORY OF A.E. KUZNETSOV

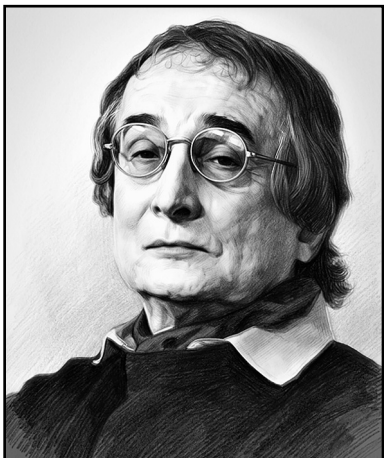
Alexius M. Belov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; indogermanica@yandex.ru

Abstract: The paper is dedicated to the memory of Alexandre Evgenyevich Kuznetsov (lat. Alexander Fabricius), Doctor of Philology, Assoc. Professor of the Department of Classical Philology at the Philological Faculty of Moscow State University. The author gives an outline of the academic and pedagogical CV of A.E. Kuznetsov, who was his Teacher, friend and colleague; he proposes a sketch of Kuznetsov's original conceptions on Latin metrics and Roman literature, pictures some notable characteristics of the outstanding person.

Keywords: Lomonosov Moscow State University; Latin language; ancient literature; prosody and metrics; Saturnian verse; textology; history of genres; classical philology; A.E. Kuznetsov

For citation: Belov A.M. (2026) In Memory of A.E. Kuznetsov. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 241–247.

В пятницу 13 февраля 2026 года остановилось сердце *Александра Евгеньевича Кузнецова*, доктора филологических наук, ученого и учителя, который был не просто выдающимся сотрудником кафедры классической филологии нашего университета и любимым многими лектором и преподавателем: Александр Евгеньевич был одним из ведущих латинистов современной России, крупнейшим знатоком античной литературной и филологической традиции, одним из наиболее видных в миро-

вой науке теоретиков метрики и античного стиха. Проявив себя и как литературовед и как лингвист, как исторический филолог и как теоретик, как тонкий знаток античной поэтики и как придирчивый текстолог, убежденный формалист и настоящий философ, А.Е. непременно войдет в историю нашей науки как более чем значительное ее явление, — а его безвременный уход трудно описать иначе, чем как тяжелейший удар по ней. Поскольку же, при всех своих достижениях, А.Е. никогда не стремился к публичности, избегая ее в течение всей жизни, представляется справедливым хотя бы сейчас немного рассказать о личности и трудах человека, бывшего всем нам коллегой, а мне одновременно учителем и другом¹.

А.Е. Кузнецов родился в Москве 11 июля 1960 г. в интеллигентной семье работников высшей школы. Его отец, *Евгений Семёнович Кузнецов* (1928–2013), доктор технических наук, профессор, заведовал кафедрой «Эксплуатация автомобильного транспорта и автосервис» МАДИ; был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР», являлся действительным членом Академии транспорта РФ. Матерью А.Е. была *Александра Алексеевна Камынина* (1928–2019), кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка МГУ, известная своими работами по русской морфологии и синтаксису и своей деятельностью на посту ученого секретаря диссертационного совета по русскому и славянскому языкознанию. А.Е. был младшим из двух детей, у него осталась сестра Татьяна.

¹ Попутно выражаю искреннюю благодарность родным и близким А.Е. — Т.Е. Кузнецовой, А.М. Маломуд и А.В. Захаровой — за предоставление мне недостающих биографических подробностей.

Обучался А.Е. Кузнецов в специальной школе № 14 (теперь гимназия № 1257, что напротив Свято-Данилова монастыря) с преподаванием ряда предметов на английском языке. Школа эта, тогда одна из сильнейших в Москве, отличалась своими традициями, восходившими еще к 554-й мужской школе, преемницей которой (с 1961 г.) она считалась; за поколение до А.Е. там учились такие известные люди, как поэт А.А. Вознесенский, режиссер А.А. Тарковский, прот. о. Александр Мень. Одновременно с этим в середине 1970-х школа была проникнута и неким особым духом свободомыслия, местами переходящего в диссидентство. Любовь и уважение к творчеству «Битлз», «Пинк Флойд», разным формам модернизма и авангардизма в искусстве А.Е. пронес через всю жизнь. Попутно, уже в старших классах школы, А.Е. (как он сам рассказывал) был захвачен идеей изучить латинский язык и занимался им самостоятельно по учебнику А.И. Зайцева (2-е изд. 1974 г.). Причины этого увлечения он объяснить не мог; возможно, это столь нетипичное для комсомольца 1970-х гг. желание было еще одним следствием неприятия «быть как все» — значимой чертой личности А.Е. на всем протяжении нашего с ним общения.

Интерес к латинскому языку оказался, однако, столь силен, что привел юношу на классическое отделение Московского университета, где тот обучался 1977–1982 гг. в компании весьма ярких личностей. Курсом старше (в числе прочих) учились *В.Л. Цымбурский* и *Ф.Б. Поляков*, курсом младше — *О.Л. Левинская* и *И.И. Ковалёва*, двумя годами младше — *К.Г. Красухин*, тремя — прот. о. *Максим Козлов* и *В.В. Муханова*. Очень добрые многолетние отношения связывали А.Е. и с его однокурсником с ОСиПЛа *В.А. Плунгяном*; они оставили свои следы в научной деятельности обоих и послужили замечательным примером «междисциплинарной дружбы» «классиков и отиплов» и для всех нас. Из преподавателей того времени А.Е. как наиболее значимое вспоминал влияние *Н.А. Фёдорова*, который, помимо своей известной требовательности и любви ко всему латинскому, запомнился ему своим артистизмом, а также упорным нежеланием обращать внимание на долги. Очень может быть, что интерес А.Е. к просодии и метрике, ставший главным в его научной жизни, происходит уже отсюда. Несомненное влияние на А.Е. оказали также *М.Л. Гаспаров* (под началом которого он писал дипломную работу), *А.А. Тахо-Годи*, *Ю.А. Шичалин*, *М.Н. Славятинская*, *К.П. Полонская*.

По окончании университета А.Е. в течение достаточно длительного времени работал в НИО редких книг РГБ (тогда ГБ СССР им. Ленина), параллельно занимаясь как собственными научными ис-

следованиями, так и переводами. Некоторые из них не изданы до сих пор.

Первым серьезным научным интересом А.Е. Кузнецова было преломление античной философской традиции в наследии Апулея — причем не только в широко известных *«Метаморфозах»*, но и во всем его творчестве. Исследование такого рода предполагало, во-первых, глубокое знание античной философии в целом, а во-вторых, тщательный текстологический и поэтический анализ сочинений этого очень трудного автора. Одним из побочных наблюдений оказалось и очень перспективное предположение А.Е. о том, что известные из позднейшей традиции анекдоты о философах были отголоском популярных (и неизвестных нам) сюжетов среднеаттической комедии. В 1988 г. выходит перевод и комментарий сочинения Апулея *«О божестве Сократа»*², а в 1989 г. А.Е. Кузнецов защищает кандидатскую диссертацию *«Художественные принципы и мировоззрение Апулея»* (науч. рук. проф. А.А. Тахо-Годи). Одновременно с этим в 1989 г. он приглашен для работы на кафедру классической филологии, сначала как преподаватель-почасовик, а с 1996 г. как штатный преподаватель (впоследствии доцент) кафедры.

На кафедре, помимо практических занятий латинским языком и специальных занятий (о них отдельно), А.Е. традиционно читал курсы античной литературы — *«Римскую литературу»* для специалистов-классиков и (позже) *«Историю античной литературы»* как для всего потока, так и отдельно для некоторых отделений. Лекции по римской литературе³ производили большое впечатление уже тем, что курс был построен не по хронологии, а по жанрам (в стилистике акад. Гаспарова), а центральное внимание уделялось не столько конкретным персоналиям, сколько теоретическим проблемам и литературному процессу. Помимо этого, очень важное место занимала работа с источниками, современной научной литературой и научными изданиями, знакомство с которыми требовалось вопросами билетов. Это делало предмет трудным для освоения, и я помню, как некоторые студенты жаловались на его непонятность; но помню и то, как уже после экзаменов называли его одним из самых интересных и впечатляющих в их жизни.

В дальнейшем появились и другие курсы: *«Античная метрика»* (впервые в новейшей истории кафедры), *«Текстология и критика текста»*, *«История античной словесности. Проза и поэзия»* и некоторые другие. Все они закрывали грандиозные пробелы, пораз-

---

² Апулей. *«Метаморфозы»* и другие сочинения. Перевод с латинского. Состав и научная подготовка текста М. Гаспарова. М.: Художественная литература, 1988. С. 335 и слл.

³ Привожу пример лекций 1999–2000 гг.

ившие программу классического образования в советскую эпоху. Важно подчеркнуть, что лекции А.Е. не представляли собой простого изложения чужих достижений, пусть даже и первоклассных: все они органично продолжали и его оригинальные научные исследования, направленные преимущественно на три главные (но довольно разнородные) цели. Это 1) проблемы латинского языка и стиха; 2) история поэтических жанров и в особенности комедии⁴; 3) текстология, в том числе как отражение истории филологической науки⁵. Особую любовь А.Е. испытывал к раннеримским поэтам (Эннию, Невию и др.); думаю, это потому, что они объединяли в себе одновременно все три направления. Помимо этого большой интерес он проявлял и, напротив, к позднеантичным авторам (таким, как Нонний Марцелл), которые выступали источником фрагментов ранней литературы в поздней традиции. Но, конечно, с немалым интересом изучал А.Е. и классиков — Горация, риторические трактаты Цицерона, Вергилия, Плутарха и многих других.

Два самых крупных труда А.Е. посвящены теории и истории стиха и науке о нем. Это уникальная «*Латинская метрика*» (2006), которая отнюдь не представляет собой (как это могло бы показаться непосвященному) простого описания стихотворных размеров и правил. Это грандиозная система знаний, объединяющая теоретическую модель стиха, сделанную средствами фонологии, с детальным изучением поэтических форм, известных как из поэтических текстов, так и из трактатов античной метрической науки и музыки. Даже на фоне лучших трудов о метрике в мировой науке (*Снелля, дель Гранде, Больдрини* и др.) книга А.Е. впечатляет своей глубиной и междисциплинарной многомерностью⁶, оценить которую во всей глубине еще предстоит. Столь же масштабна и многомерна его докторская работа «*Сатурнов стих как метрическая форма ранней латинской поэзии*» (защищена в 2009 г.), являющая собой новейшее решение фундаментальной проблемы природы, происхождения и научного описания этой важнейшей и совершенно загадочной поэтической формы. Работ такого рода и такого уровня в современной науке — единицы, а в нашей — такого не было никогда. В последние годы А.Е. работал над подготовкой публикации этого труда как монографии, однако работа эта, насколько знаю, еще не была доведена до конца.

---

⁴ Полагая ее наиболее «непонятным» для современности жанром.

⁵ Тут А.Е. любил повторять, что с влиянием классической филологии на мировую историю может сравниться разве что атомная физика.

⁶ Отметим, что рецензентами книги были акад. Н.Н. Казанский и акад. В.А. Плунгян.

Помимо этого, А.Е. Кузнецов — автор немалого числа авторитетных статей как в ведущих научных журналах, так и в Большой Российской энциклопедии; среди его работ имеются и ценные не только в научном отношении статьи на латинском языке. Кроме того, А.Е. многократно выступал редактором кафедральных сборников, некоторых учебных пособий и хрестоматий, состоял членом диссертационного совета. А.Е. был одним из создателей кафедральной библиотеки и разработчиком системы учета книг (тут пригодился его опыт в РГБ). Под руководством или при тесном участии А.Е. были защищены многочисленные дипломы и кандидатские диссертации (А.В. Журбиной, Е.А. Щербаковой, Е.П. Новиковой, С.А. Харламовой, М.П. Пархаевой); исключительно велик его вклад как научного консультанта и критика и в мои научные и учебные сочинения.

Почти все перечисленные выше (и многие неперечисленные) коллеги вышли в свет из специальных семинаров А.Е. Кузнецова, представлявших собой квинтэссенцию науки и педагогического мастерства их создателя. Посвященные довольно разным темам (в мое время это было изучение фрагментов разных авторов) и соединявшие в себе глубину научной дискуссии с дружеской беседой за чашкой чая, эти встречи нередко затягивались до позднего вечера, а потом (когда в корпусе уже начинали тушить свет) могли плавно перейти в перипатетическую прогулку по вечерним улицам. Думаю, именно эти часы остались для меня самыми прекрасными воспоминаниями о моем студенчестве.

С А.Е. можно было говорить обо всем — от ямбического сокращения до динозавров и смысла жизни; при этом во всех случаях он умел сочетать в себе строгость аналитического ума с абсолютной доброжелательностью и любовью к своим ученикам и собеседникам — качество отнюдь не повсеместное в среде интеллектуалов. И если про иных известных ученых порой можно услышать, что «*он за фонуему человека придушит*», то А.Е., напротив, никогда не смешивал критику мысли с неуважением к личности. Я не могу вспомнить ни одного примера, чтобы он презрительно или злобно отозвался о ком-то из коллег, при том что несогласным он мог быть с кем угодно. Это же касалось и ошибок или заблуждений учеников, которые он разбивал безжалостно, но абсолютно тактично. При этом он очень охотно делился своими мыслями или наблюдениями с учениками и был искренне рад, если кто-то из нас продолжал какую-то в своих работах.

А.Е. вел научную переписку с рядом известных российских и зарубежных ученых; с большим удовольствием общался в письмах и с учениками. Примечательно, что большая часть нашего с ним пись-

менного общения была на латинском языке, которым он, знаток разнообразных эпох и стилей, владел виртуозно; для меня же это был удивительный опыт и прекрасная школа.

Помимо науки, А.Е. имел множество других интересов в жизни — от цветоводства и программирования до созерцания искусства и занятий собственным творчеством. При всей своей учености и внешней закрытости он отличался глубоким радушием к близким и потрясающе тонким чувством юмора, полным глубоких аллюзий и культурного символизма. Но опять: одновременно с этим он раскрывал себя и как серьезный и мудрый человек, мыслитель и философ. Помню, как однажды в порыве душевных исканий юности я спросил у него: *мир — это порядок или хаос? и какая философская система наиболее правдоподобна?* Лучшей философской системой он назвал тогда платонизм. А его ответ (*«Мир — это, несомненно, порядок, но порядок божественного ума, такой, что проецируется нам часто как хаос»*) повлиял на мою жизнь самым существенным образом. Вспомнил я этот разговор сейчас еще и потому, что меня очень тронули слова, сказанные в кафедральном некрологе: *Новая Жизнь началась для нашего учителя, а для нас началась новая эпоха.* За четверть века нашего общения мне не раз казалось, что мой Учитель лучше многих других знает, как на самом деле устроена Жизнь, чтобы найти свое законное место в Вечности, — а новая эпоха началась теперь потому, что нам надо будет научиться жить без него.

REQVIESCAS, MI CARISSIME FABRICI, AETERNA IN PACE

Поступила в редакцию 15.02.2026

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 31.03.2026

Received 15.02.2026

Accepted 18.02.2026

Revised 31.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Алексей Михайлович Белов — д.ф.н., доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова;
indogermanica@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexius M. Belov — DSc in Philology, Associate Professor of the Department of General and Comparative Linguistics, Lomonosov Moscow State University;
indogermanica@yandex.ru

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА ЯКУШКИНА
(19.08.1977–13.02.2026)

Р. Драгичевич

Белградский университет, Белград, Сербия; rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

Аннотация: Текст посвящен памяти Екатерины Ивановны Якушкиной (1977–2026) — доктора филологических наук, профессора кафедры славянской филологии МГУ, выдающегося специалиста по сербскому и хорватскому языкам, сопоставительной лексикологии, славянской диалектологии, этнолингвистике.

Ключевые слова: Е.И. Якушкина; сербистика; славистика; Школа сербистики

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-22

Для цитирования: Драгичевич Р. Екатерина Ивановна Якушкина (19.08.1977–13.02.2026) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 248–256.

EKATERINA YAKUSHKINA
(19.08.1977–13.02.2026)

R. Dragičević

University of Belgrade, Belgrade, Serbia; rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

Abstract: The text is dedicated to the memory of Ekaterina Ivanovna Yakushkina (1977–2026), Doctor of Philology, Professor of the Department of Slavic Philology at the Philological Faculty of Moscow State University, an outstanding specialist in Serbian and Croatian languages, comparative lexicology, Slavic dialectology, and ethnolinguistics.

Keywords: E.I. Yakushkina; Serbian studies; Slavic studies; School of Serbian studies

For citation: Dragičević R. (2026) Ekaterina Yakushkina (19.08.1977–13.02.2026). *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 248–256.

13 февраля 2026 года в Москве ушла из жизни Екатерина Ивановна Якушкина, доктор филологических наук, преподаватель сербского и хорватского языков на филологическом факультете Московского государственного университета.

Екатерина Ивановна родилась 19 августа 1977 года в Москве, в интеллектуальной семье, которая дала ей традиционное воспитание в духе православных ценностей, патриотизма, трудолюбия, верности, скромности, терпеливости и ответственности, с которой она принималась за все дела.

В 1999 году Е.И. Якушкина окончила славянское отделение филологического факультета МГУ, затем, в 2002 году, — аспирантуру кафедры славянской филологии на том же факультете. В 2003 году под

руководством академика Светланы Михайловны Толстой защитила кандидатскую диссертацию «Сербохорватская этическая лексика в свете этнолингвистики». В 2021 году на филологическом факультете защитила докторскую диссертацию «Сербскохорватская лексика в общеславянском контексте: семантика и география».

Екатерина Ивановна Якушкина — автор трех монографий: «Сербская лексика в южнославянском и общеславянском контексте» (2017); «Сербская народная культура в зеркале языка» (2018); «Сербская и хорватская лексика в ареалогическом освещении» (2021). Она написала три учебника для студентов-сербистов: «Грамматические упражнения по сербскому языку» (2020); «Лексические упражнения по сербскому языку» (2020), а также «Полный курс сербского языка» (2023) в соавторстве с С. Миличевич и С. Зимодро. Е. И. Якушкина занималась и переводческой работой. Перевела (в соавторстве) монографию «Преподобный Иустин (Попович). Догматика Православной Церкви: Пневматология» (2007). А также одно из самых значимых творений сербской лингвистики, принадлежащее выдающемуся сербскому лингвисту второй половины XX века академику Павле Ивичу: «Сербский народ и его язык» / Пер. с серб. Отв. ред. Е.И. Якушкина (Комм. и вступ. статья Е.И. Якушкиной).

Екатерина Ивановна — автор более ста научных статей в области диалектной лексики, этнолингвистики, ареальной лингвистики и других. Занималась говорами Черногории (2018), лексикой западной Боснии (2019), отношением между восточногерцеговинскими и шумадийско-воеводинскими говорами (2019), призренско-тимоцкими говорами (2020), говорами юго-восточной Герцеговины (2022). Первая статья Е.И. Якушкиной была из области этнолингвистики:

«Родственники демонов в сербских сказках» (1998), далее вышли исследования «Жертва в традиционной культуре сербов» (2002); «Мотив доброго дела в контексте традиционной этики балканских славян» (2004); «Обрядовая практика — словами о еде. На материале сербских говоров Воеводины» (2016) и т.д.

Она была членом редакционной комиссии журнала «Славяноведение» (Россия), «Южнославянский филолог» (Сербия), *Philologia Serbica* (Республика Сербская), *Life and School* (Хорватия), *Pannoniana* (Хорватия).

Е.И. Якушкина была участником почти 70 научных конференций в России, Сербии, Боснии и Герцеговине. На конференциях она проверяла гипотезы, которые лежали в основе ее многочисленных проектов.

Интерес к сербскому языку у Екатерины Ивановны пробудил Н.И. Толстой. Вот как она сама описывала начало своего занятия сербистикой:

«Никто, наверное, во второй половине XX века не сделал больше Н.И. Толстого для распространения знания о сербской народной культуре. Думается, что Никита Ильич придавал ей особое значение и выделял ее среди других славянских традиций. Об этом, как кажется, говорит следующий пример. Никита Ильич на кафедре славянской филологии Московского университета читал курс славянского фольклора. Мне довелось слушать один из последних его курсов. Первую лекцию Никита Ильич начал с того, что написал на доске по-сербски, с расстановкой ударений четырех типов, первые строки известной сербской лирической песни из сборника В. Караджича:

Два су бора напоредра расла,
Међу њима танковрха јела.
То не била два бора зелена,
Већ то била два брата рођена,
Један Павле, а други Радуле.

В прочтении Никиты Ильича эти стихи прозвучали удивительно красиво со всей мелодикой ритма и акцентных интонаций, они были художественно прекрасны. Только поступившие в университет, еще не зная языка, мы, студенты сербской группы, сразу пошли в библиотеку, чтобы разыскать эти стихи в сборнике Караджича, и прочитать этот текст целиком. Кажется, потом Никита Ильич сказал, что сербская народная поэзия — это высшее достижение славянской поэзии. Впечатление от строк сербской песни пробудило в нас интерес к сербской культуре и, главное, и этого в процессе

обучения на факультете, мы больше уже не слышали, к сербской народной культуре» [Якушкина 2023: 267–271].

Под влиянием Н.И. Толстого и С.М. Толстой Е.И. Якушкина присоединилась к Московской школе этнолингвистики, которую основал Никита Ильич. Следуя идеям этой школы, Екатерина Ивановна написала многие свои работы. Народная культура, обычаи, жизнь и языки русского и сербского народов представляют собой область, которой она больше всего занималась. После смерти Н.И. Толстого Екатерина Ивановна полностью доверилась Светлане Михайловне, которая стала ее научным руководителем. Они сотрудничали до конца жизни Е.И. Якушкиной, а последним их совместным проектом был «Сравнительный словарь славянских языков». О его концепции Екатерина Ивановна опубликовала статью в сербском лингвистическом журнале «Южнославянский филолог» LXXXI/2 (2025) [Якушкина 2025: 9–23]. Это была последняя научная работа, которую она написала. Работа над проектом началась в Институте славяноведения РАН, его руководителем является академик Светлана Толстая. Словарь задуман как дополнение к известному идеографическому словарю избранных индоевропейских синонимов Карла Дарлингга Бака, который включает в себя и некоторые славянские лексемы. Славянский материал в нем содержит много ошибок, поэтому одной из задач нового словаря было дополнить этот материал.

Екатерина Ивановна была человеком высоких идеалов, самой большой ее целью было развитие сербистики в России. Эту мечту она воплощала преданно, работая одновременно в разных направлениях. Первым шагом к этому были ее курсы в МГУ имени М.В. Ломоносова. Екатерина Ивановна сотрудничала с преподавателями из сербских университетов, использовала в преподавании те же, что и они, учебники и литературу, поэтому оно было непревзойденным и не уступало образованию, к которому имеют доступ студенты, изучающие сербистику в Сербии. Студенты МГУ были знакомы с новейшей сербской литературой, а иногда Е.И. Якушкина организовывала для них и дистанционные лекции преподавателей. Ее студенты использовали и самую современную российскую литературу и консультировались с российскими специалистами. Екатерина Ивановна всегда была готова посвятить время своим студентам, организовать план их работы и взаимодействие с лучшими специалистами в области, которую они выбрали. Работа педагога была ее жизнью. К студентам она относилась с уважением и большой заботой.

Екатерина Ивановна не остановилась на преподавании в университете на самом высоком уровне. Она пошла дальше. Она считала,

что дополнительной мотивацией для ее студентов станет знакомство и общение с сербскими студентами, изучающими сербистику. Поэтому в 2019 году Екатерина Ивановна организовала семинар «Школа сербистики», который 7 лет подряд проводился в Москве и Санкт-Петербурге. У школы есть организационный комитет, во главе которого профессор Андрей Николаевич Соболев (ИЛИ РАН), а его членами, помимо профессора Е.И. Якушкиной, также являются А.А. Плотникова (ИнСлав РАН) и профессор Райна Драгичевич (Белградский университет). У школы было рабочее название «Доминанты сербской культуры». На нее приезжали студенты из университетов России, где изучается сербистика, и студенты из Сербии, Республики Сербской и Черногории. Программа семинара делилась на две части. Первая включала в себя лекции специалистов по сербскому языку, сербской литературе и истории, а вторая представляла собой студенческую научную конференцию. Первый семинар был организован в 2019 году в пансионате МГУ в Красновидове, дважды семинар проходил в Московской духовной академии (в Троице-Сергиевой лавре), а также в Институте лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге и Институте славяноведения РАН. Два раза во время пандемии семинар проходил дистанционно.

Встречи на «Школе сербистики» были очень полезными для всех ее участников. Студенты из России могли познакомиться с сербскими студентами, послушать их доклады на студенческой конференции, поговорить с ними, обсудить дополнительную литературу. Имело значение для них и общение с сербскими преподавателями «Школы». Контакты, которые были установлены на «Школе сербистики», поддерживаются спустя годы. У сербских студентов поездки в Россию всегда вызывали воодушевление. Для многих из них «Школа сербистики» была первой научной конференцией, в которой они принимали участие. В Московской духовной академии ощущалось единство с русским народом на основе общих православных традиций. Для многих студентов Институт лингвистических исследований РАН был первым научным институтом, в котором они побывали, не считая свои факультеты. Сербские и российские преподаватели установили отношения дружбы и сотрудничества, которые сейчас распространяются и на другие научные мероприятия и всех очень вдохновляют. «Школа сербистики» — это намного больше, чем просто семинар. Она сближает российских и сербских студентов и преподавателей и будет делать это в будущем.

Чтобы лекции о сербском языке, литературе, истории и культуре остались в памяти и чтобы с ними познакомилась российская общественность, Екатерина Ивановна собрала лекции с семинара «Шко-

ла сербистики», которые были прочитаны до 2023 года, и опубликовала их в книге «Доминанты себской культуры. Лекции по сербской культуре, истории и языку». Лекции, прочитанные на сербском языке, были переведены на русский язык. Книга была опубликована в 2023 году в издательстве МГУ. Работы со студенческой конференции были изданы в отдельном сборнике, а некоторые из них — в сербских журналах для молодых ученых, что для студентов из России было очень важно и мотивирующе.

В качестве ответа на «Школу сербистики» в России Союз славистических сообществ Сербии организовал в 2024 году семинар «Сербско-русские культурные мосты» в живописной обстановке Андричграда в Республике Сербской, недалеко от известного моста Мехмед-паши Соколовича XVI века. Этому мосту посвящен роман Иво Андрича «Мост на Дрине», за который сербский писатель был награжден Нобелевской премией. Семинар был предназначен для студентов из России, изучающих сербистику, а лекции им читали профессора из Сербии.

Помимо организации «Школы сербистики», Екатерина Ивановна не упускала возможности помочь своим студентам поехать в Сербию и встретиться с носителями родного сербского языка. Она всегда отправляла их на курсы, которые проводятся в Сербии, и боролась за дополнительные места для своих студентов. Когда они приезжали, то привозили сербским преподавателям книги из России, а возвращаясь, брали с собой сербские книги для своих преподавателей.

Преподаватели Белградского университета могут подтвердить, что ни в одной стране мира сербистика так же тесно не связана с Сербией как источником сербской культуры, как, благодаря профессору Е.И. Якушкиной, была связана сербистика в МГУ и сербистика в Белградском университете. Екатерина Ивановна имела личный контакт почти со всеми преподавателями кафедры сербского языка в Белграде, участвовала во многих конференциях в Сербии и старалась, чтобы ее студенты тесно взаимодействовали со студентами из Белграда. Е.И. Якушкина останется недостижимым ориентиром для многих преподавателей иностранного языка в том, как это нужно делать и что необходимо делать для того, чтобы студенты впитали культуру и традиции страны, язык которой они изучают.

Профессор Екатерина Ивановна Якушкина однажды заметила, что ее студентам при изучении сербского языка не хватает качественного словаря. Поэтому она начала работу над сербско-русским словарем. Автор этих строк отвечал за отбор лексики, которая

должна была быть описана в этом словаре, а Екатерина Ивановна вместе с группой российских сербистов составляла толковательную часть. Дойти успели до буквы И. По плану словарь должен был содержать около 100 тысяч слов. Екатерина Ивановна настаивала на том, чтобы в этом словаре была описана не только лексика из основного словарного фонда, но и архаизмы, диалектизмы, неологизмы и другая периферийная лексика. Она считала, что и эта лексика имеет большое значение для того, чтобы ее студенты, а также широкая общественность получили возможность читать сербскую литературу. Ни в этом, ни в других занятиях Екатерина Ивановна не жалела себя. Она много раз возвращалась к уже обработанному материалу, задавала много вопросов носителям сербского языка и специалистам. Теоретическая концепция словаря постепенно развивалась и представлялась общественности в многочисленных научных работах, опубликованных в последние годы: Д.А. Рыжова, Ю.Л. Шапич, Е.И. Якушкина, «Проблемы славянской двуязычной лексикографии в исследованиях российских и сербских славистов» (2023); Е.И. Якушкина, «Полная лексикографическая эквивалентность и отступления от нее в русском и сербском языках» (2023); Р. Драгичевич, М.Д. Королькова, Д.А. Рыжова, Ю.Л. Шапич, Е.И. Якушкина, «Новый большой сербско-русский словарь (общая концепция и проблемы лексикографического описания)» (2024); Е.И. Якушкина, «Интернационализмы в сербско-русском двуязычном словаре» (2024).

Екатерина Ивановна хотела сделать словарь как можно более современным и в то же время как можно более научным. Поэтому 24 марта 2023 года она организовала круглый стол «Проблемы славянской сопоставительной лексикологии и лексикографии», в котором приняло участие 9 специалистов. На нем обсуждались проблемы сербско-русского словаря, но также и другие вопросы, касающиеся двуязычных словарей.

За вклад в сербистику Е.И. Якушкина получила 3 награды. В 2019 году она была награждена благодарственной грамотой филологического факультета Белградского университета за организацию «Школы сербистики», в которой каждый год участвуют и студенты филологического факультета Белградского университета. По предложению представительства Республики Сербской в Москве в 2023 году Екатерина Ивановна получила Орден святых Кирилла и Мефодия, который вручает Фонд славянской письменности и культуры в Москве. Последней наградой, которую она получила, была Грамота Союза славистических сообществ Сербии за исключительный вклад в сербистику за пределами Сербии.

Екатерина Ивановна не останавливалась только на научных исследованиях в области сербистики и славистики в целом, но также занималась и ее популяризацией. Она часто писала для российских и сербских медиа тексты о важности изучения сербского языка в России, а также о значении славистики. Она участвовала в организации пяти семинаров под названием «Школа славистики», которые проводились для российских школьников и проходили в МГУ. Первый такой семинар Екатерина Ивановна организовала в 2020 году, а последний, 5-й по счету, был проведен в 2025 году. Перед школьниками на семинаре выступали ведущие ученые-лингвисты.

Екатерина Ивановна внесла вклад и в организацию интернет-олимпиады по славянской филологии для школьников. В первый раз она участвовала в подготовке V Олимпиады (2018 г.) и затем до 2024 года, когда прошла 9-я по счету Олимпиада.

Екатерина Ивановна Якушкина была скромной и тихой, но твердой в своих решениях. Она никогда не отступала от своих проектов. Много работала и не прекращала работу до самой смерти. В середине июня 2025 года она выполнила свои обязанности в университете и начала борьбу с болезнью. Она верила, что в течение зимнего семестра выздоровеет, и боролась, как могла, но 21 июня 2025 года умерла ее мама, от той же болезни, которой и она сама болела. Несмотря на то, что Екатерина Ивановна мужественно держалась, ее сломил уход родной матери. Она беспокоилась за отца и сестру, из-за их огромной боли... и постепенно угасала. 13 февраля 2026 г. Екатерина Ивановна покинула этот мир.

И в конце добавлю кое-что личное. Автор этих строк многому научился от Е.И. Якушкиной, но самое глубокое впечатление оставила ее точка зрения из одного письма: «Я исхожу из того, что жизнь тяжела, и чем мы дальше идем, тем тяжелее. Мы не можем ждать, что будет по-другому, одни трудности сменяют другие. Но иногда в самой этой тяжести кроется радость».

Среди мрака в нашей жизни, полной трудностей, есть и светлые источники. Они нас лечат и помогают нам выдержать и преодолеть все несчастья. Екатерина Ивановна была светом среди мрака, но после ее ухода остался след из золотых искр любви и преданности, который будет лечить и укреплять нас, всех, кто ее любил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якушкина Е.И. К 100-летию академика Никиты Ильича Толстого // Южно-словенски филолог LXXIX/2. Београд, 2023. С. 267–271.
2. Якушкина Е.И. Сравнительный словарь славянских языков: концепция и примеры реализации // Южнословенски филолог LXXXI/2. Београд, 2025. С. 9–23.

REFERENCES

1. Yakushkina E.I. K 100-letiyu akademika Nikity Il'icha Tolstogo. [On the 100th anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy]. *Juzhnoslovenski filolog* LXXIX/2. Beograd, 2023. pp. 267–271. (In Russ.)
2. Yakushkina E.I. Sravnitel'nyj slovar' slavyanskih yazykov: koncepciya i primery realizacii [Comparative dictionary of Slavic languages: concept and implementation examples] // *Juzhnoslovenski filolog* LXXXI/2. Beograd, 2025. pp. 9–23. (In Russ.)

Поступила в редакцию 17.02.2026

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 30.03.2026

Received 17.02.2026

Accepted 18.02.2026

Revised 30.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Райна Драгичевич — д.ф.н., профессор кафедры сербского языка и южнославянских языков, Белградский университет; rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

ABOUT THE AUTHOR

Rajna Dragičević — PhD, Full Professor, Department of Serbian Language with South Slavic Languages, Faculty of Philology, University of Belgrade; rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

ПЕРЕВЕЛ С СЕРБСКОГО

Арсений Алексеевич Сафин, студент 4-го курса славянского отделения филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

TRANSLATION FROM SERBIAN BY

Arsenii Safin, student, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

ISSN 0130-0075

ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2026. № 2. 1–256.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.